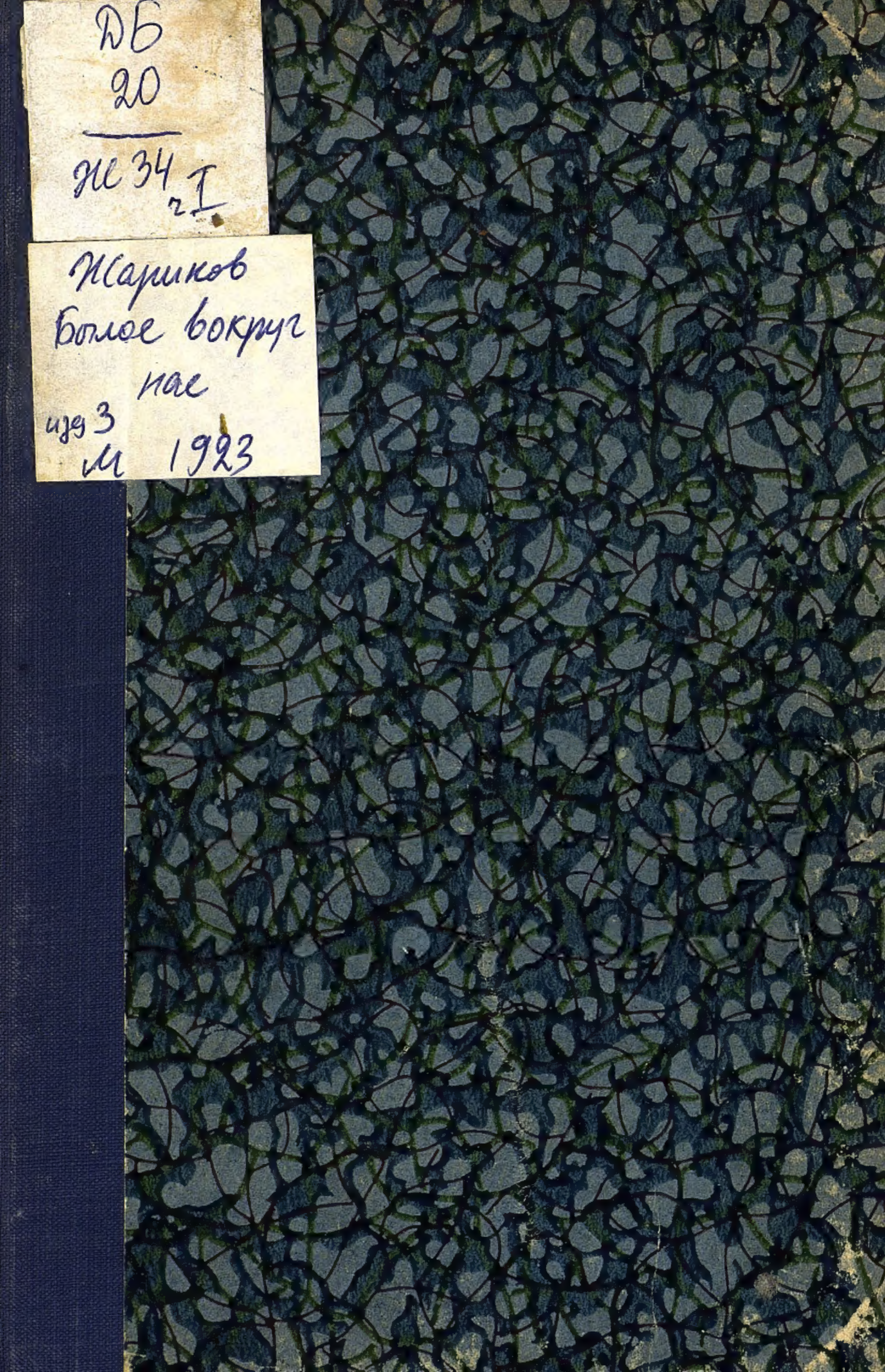

ДБ
20
Ж 34 ч I
Жариков
Былое вокруг
нас
изд 3
М 1923

Д. А. Жаринов,
Н. М. Никольский.

БЫЛОЕ ВОКРУГ НАС

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИЗДАНИЕ
Т-ва „МИР"
Москва
1923

Издания Т... , д. 10, кв. 11.

Проф. Н. ... мы и принципы.
Проф. Н. ... инципы.
Проф. У. ...
Проф. К...
Проф. Э. ... і.
Э. и Дж. ... е и дома.
М. М. Шт...
М. М. Шт... 8-летками.

Проф. Р. ...
Проф. Р. ... ой революции до Вере...
П. П. Мас...
М. Н. Ко... дессах и мемуарах.
М. Н. Ко...
М. Н. Коваленский. Русский ученый XVIII в. (Страницы из жизни Ломоносова).
Н. Д. Комовская. В стране великого хана.
П. П. Кащенко. Суд в московском государстве.
Проф. Н. М. Никольский. Древний Израиль. 2-е переработанное и дополненное издание.
... рода. Т. I. Древнейшая эпоха еврейской ... в переплете.
... Т. I. На велен. бумаге. В переплете.
... Т. II, Кн. 1. На велен. бумаге.

...ОПУЛЯРНЫЕ КНИГИ.

... Мир обойденных величин. Современная кол... и технические приложения. Перевод под ...рвина.
...ека. 2-ое изд.
...имические основы высшей нервной деятель...
... сохранение и вырождение.
...стианства. (Восточные культы в Римской ...
...ника. Современные достижения химической ...ием акад. П. П. Лазарева.

Д. А. Жаринов и М. Н. Никольский.

БЫЛОЕ ВОКРУГ НАС.

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ.

С 46 РИСУНКАМИ И 5 КАРТАМИ И ПЛАНАМИ.

3-е просмотренное издание.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Издание т-ва „МИР“
МОСКВА, Арбат, Никольский пер., д. 10, кв. 11.
1923.

Главлит № 1702. Москва. Напеч. 5000 экз.

Кооператив „Наука и Просвещение“, аренд. тип. М. С. Н. Х.,
Савеловский пер., д. № 13.

Оглавление.

Список иллюстраций.

Стр.

Нашим читателям.

Более тысячи лет прошло с тех пор, как существует Русь и русский народ. Много перемен произошло за это время в русской жизни; менялись времена, менялись и люди, менялась обстановка, в которой русские жили, менялись и соседи, окружавшие русский народ. Теперь и жизнь русская не похожа на быт наших далеких предков, и сами мы выглядим иначе, чем выглядели древние славяне, и речь наша звучит иначе. И пределы нашей родины уже не такие тесные, какие были тысячу лет тому назад; тогда бо́льшая часть теперешнего русского государства была занята чужими племенами, которые не только не повиновались нашим предкам, но даже иногда подчиняли их себе и заставляли их платить себе дань. О том, как, когда и почему произошли в жизни русского народа все эти перемены, рассказывает русская история. Историю прошедших времен нашей страны и нашего народа мы можем узнать из различных записей, какие делали в старину грамотные люди о виденном и слышанном. Эти записи называются летописями, потому что в них рассказ идет по годам, — обозначается год, и под ним записываетсл все, что в этом году произошло. Кроме летописей, осталось немало других письменных известий: княжеских и царских указов, грамот, договоров, законов и т. д., — все это тоже помогает нам узнать нашу историю. Ученые собрали и изучили все письменные памятники и по ним составили русскую историю. Они как бы выслушали все то, что рассказывали о себе наши предки, обсудили их рассказ, разобрали, чему можно поверить, чему нельзя, что важно и что неважно, и составили подробный и точный рассказ о прошлой жизни русского народа. В школе мы и пользуемся трудом ученых, изучаем русскую историю в том виде, как ее изображают ученые.

Но от прошлых веков русской истории остались не одни только летописи. Как везде, так и на Руси, люди немало трудились и работали, создали множество сооружений и сделали множество

вещей, полезных для хозяйственного обихода или необходимых в разных случаях частной и общественной жизни. Люди, которые оставили такие вещественные памятники, давно умерли, обстоятельства или потребности, для которых предпринимались труды, миновали, и о них остались только краткие заметки в летописях. Но многие вещественные памятники пережили и своих создателей, и те обстоятельства, ради которых они были созданы; они сохранились до наших дней, мы можем видеть их, видим, быть может, часто, но не всегда обращаем на них должное [внимание. Правда, вещественные остатки старины, так сказать, немы, но они тем не менее могут нам рассказать о старине иной раз не меньше, чем летопись. Если мы прочитаем в летописи или в другом письменном известии о старине, по какому случаю или для какой цели было построено какое-либо здание или памятник, или насыпан могильный холм, то безжизненные краткие слова летописи сразу сделаются для нас нагляднее и живее. Перед нами будет подлинная вещь, осколок далекой старины, уцелевшей до нашего времени: рассматривая его, мы можем, так сказать, всмотреться в старину, почуять ее дух и лучше понять ее. Если поглядеть кругом себя и поискать, мы найдем таких вещественных свидетелей для всех главных моментов русской истории и по ним можем составить себе верное и наглядное представление о всех временах и всех главных событиях жизни нашего народа. Несколько примеров лучше всего помогут понять это. В память важных событий наши князья и цари часто строили храмы; напр., всякому москвичу известен на Красной площади собор Василия Блаженного, а он построен в память завоевания царем Иваном Грозным Казани. Другой пример: долгое время пришлось русским платить дань татарам, а потом, освободившись от татарской власти, обороняться от них; для этого на южной окраине Москвы было построено несколько монастырей-крепостей, и их стены, башни и бойницы существуют до сих пор. Одним словом, если мы внимательно приглядимся к окружающим нас сооружениям, мы увидим, что кругом нас настоящий музей русской истории, музей полный, интересный и поучительный. Рассматривая и изучая его древности, мы проследим всю русскую историю от начала до конца, наглядно познакомимся с ней и лучше поймем ее. Жителям Москвы и Московской области особенно удобно и легко это сделать: московский край рано стал средоточием русской жизни, а Москва была первой столицей единого русского государства, московские князья первые собрали под свою власть все соседние области, входящие теперь в состав теперешних губерний центральной России, Здесь билось и бьется сердце русской жизни,

и здесь же осталось больше всего памятников. Мы и приглашаем наших юных читателей сделать вместе с нами несколько, так сказать, экскурсий, с целью поискать, что осталось кругом нас от старины, и послушать, что могут рассказать о своих временах старинные вещественные памятники, с которыми нам удастся познакомиться. Быть может, мы окажемся настолько счастливы, что проследим живьем всю русскую историю. Итак, в дорогу!

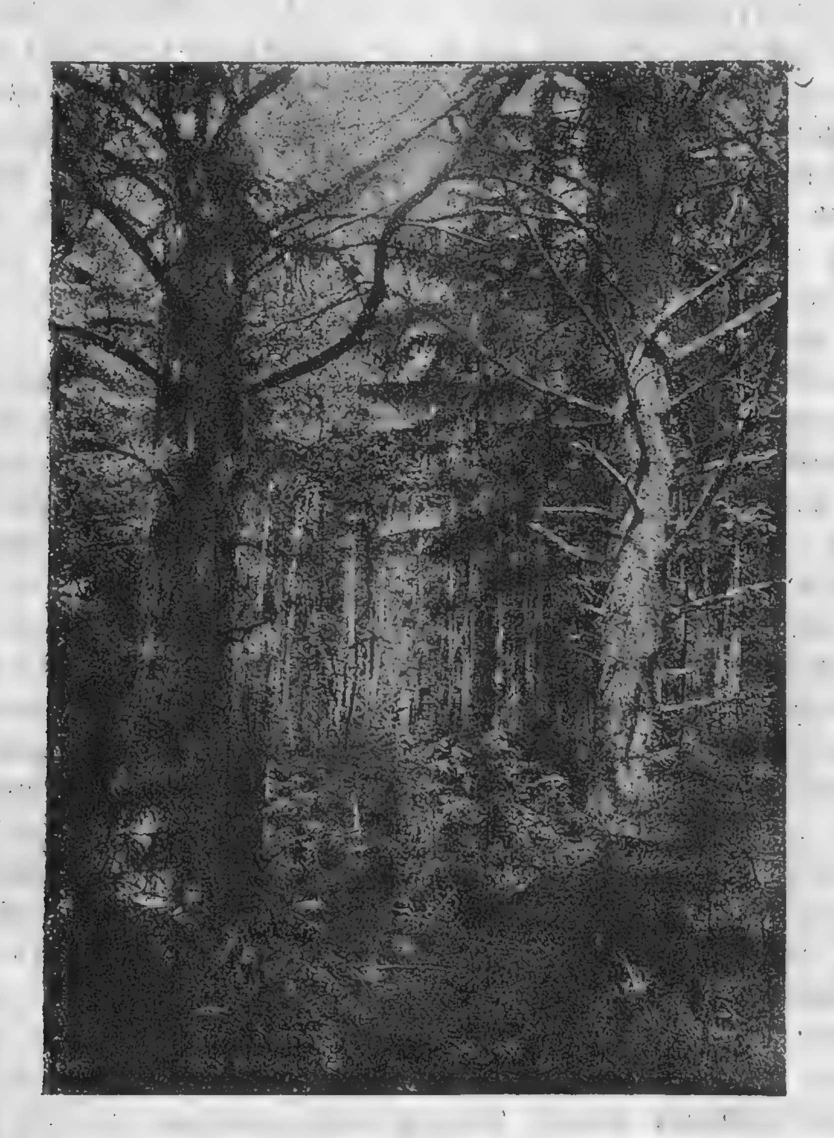
I. Лес, поле и река.

В ясный летний день пойдемте в Лосиный Остров. Это огромный лес рядом с Москвою. Надо проехать через все Сокольники, так хорошо известные каждому москвичу, пересечь узкую грязную Яузу и углубиться в лес на том берегу Яузы. Этот лес и есть Лосиный Остров. Начинаясь от реки Яузы, он тянется к северу почти на 15 верст и кончается у огромного торфяного болота, а за болотом идет опять лес; он занимает не такое огромное пространство, но похож на Лосиный Остров по своему виду и возрасту.

Войдя в Лосиный Остров, сначала мы не найдем в нем ничего особенного. Направо будут дачи, прилегающие к подмосковному сельцу Богородскому, налево, за гущей деревьев стучат и свистят поезда Ярославской железной дороги — обычная картина, привычные звуки всех подмосковных дачных местностей. И сам лес совсем такой же, как и другие леса в дачных местностях. Видно, что тут много и часто ходят люди; трава примята, протоптано множество дорожек, на которых насорено окурками, бумажками от конфет, апельсинными корками; стволы могучих сосен и елей изувечены гуляющими дачниками и их гостями: кора местами срезана, и на выровненных местах вырезаны вензеля и числа, а иной раз и символические рисунки, в роде сердца, пронзенного стрелою. И воздух напоминает о близости жилья, о близости фабрики; душистый аромат смолы вдруг перебьется серным запахом, потянувшись из Богородского, из фабричной трубы, или вонючими испарениями нефти от паровоза пробежавшего поезда.

Но не смущаясь первым впечатлением, пойдем все дальше и дальше в глубь леса, выбрав какую-либо лесную дорогу, углубляющую в чашу. Мы проходим мимо дачного поселка около станции Окружной дороги „Белокаменной“, пересекаем полотно железной дороги и углубляемся в лес. Полчаса ходьбы, — и вокруг нас уже совсем иная картина. Лес становится девственным, поражает своею мощностью. Стройными рядами высятся к небу гигантские

сосны, в четыре-пять обхватов толщиною; между ними протянули свои длинные ветви, точно щупальцы, зеленые ели; молодой подлесок местами образует непроходимую чащу, стенами окружающую дорогу, по которой мы идем. Местами лес редеет, и между деревьями пышно разрастаются травы. Целыми островами ярко-зеленых зубчатых листьев стоят заросли папортника, таинственного растения, цветущего, по наивному преданию, раз в году, ночью на

Чаща в Лосином Острове.

Ивана Купала; на прогалинке, рядом с папортником приютились и лавдыш и фиалка, которым трудно расти в чаще подлеска, почти без лучей солнца; тут же нашла себе место под лучами солнца и кудрявая березка. Дорога, по которой мы идем, все больше и больше зарастает травой, едва видна тропа, ноги путаются в густой траве; видно, что редко проходил здесь человек. А над нашими головами

гнездится звонкий хоровод лесных жителей. Завидев нас, по стволу дерева быстро бежит наверх белка; добралась до сучка повыше, где нам ее не достать, и смотрит на нас быстрыми глазенками, распушив свой хвост. А еще выше порхают и трещать птицы. Опытное ухо охотника расслышит среди их говора и крик тетерева, и глухаря, и сойки-красношейки. А вот и лесной хищник, ястреб, взлетел вдруг чуть не из-под наших ног и взвился к небу черной массой. Наслушавшись лесного концерта, мы идем все дальше и дальше. Нас гонит вперед мысль, что должен быть впереди перерыв леса, свободное пространство, на котором можно остановиться и осмотреться, увидеть над собою не зеленые своды переплетающихся верхушек деревьев, а голубое небо. Еще полчаса ходьбы— и впереди виднеется просвет. Близко либо опушка, либо поляна. Наконец, толпа деревьев расступается, и мы выходим на большую поляну, за которой снова поднимается тот же могучий бор, обступивший поляну со всех сторон.

Поляна, на которую мы выходим, также поражает нас своими особенностями. Густая трава, вперемежку с мелким кустарником, поднимается вровень с человеческим ростом; она пестреет колокольчиками, мятой, дроком и другими полевыми цветами. Нам боязно свернуть с дороги и пойти целиком по траве, чтобы посмотреть, не поспела ли земляника, листья которой виднеются в траве у края дороги: вдруг в траве встретится змея или какая-нибудь яма, оставленная охотниками. Но поборов свой напрасный страх, мы входим в травяную гущу, входим не без жалости: по всему видно, что наша нога первая топчет эту роскошную мураву. Ожидания наши сбываются: вскоре мы нападаем на огромные заросли земляники. Крупная, сочная ягода пышно созрела здесь на просторе; рядом с нею маленькая, наполовину зеленая земляничка наших лесов показалась бы крошечным, жалким карликом, несчастным худосочным уродцем. И какая масса земляники! Кажется, чтобы собрать ее всю, надо остаться здесь на несколько дней. Ляжем на траву и начнем лакомиться. Над нами жужжать и вьются тысячи бабочек, жуков, мух; вдруг заглушая их говор, тяжело пролетает с пронзительным жужжанием желтая пчела. Откуда она? приходит нам в голову вопрос. Неужели залетела сюда с пасеки, откуда-нибудь из Богородского или из под Москвы? Зачем ей лететь сюда так далеко? Нет ли здесь поблизости в лесу дикого улья в каком-нибудь дуплистом дереве? Жаль, что нет возможности проследить за пчелой во время ее полета и посмотреть, где она сядет. Улетела пчелка, и все стало опять тихо. Вдруг невдалеке мы слышим шорох и как-будто легкое мычанье. Поворотив голову в ту сторону, откуда раздалпсь потре-

вожившие нас звуки, мы видим удаляющееся от нас какое-то большое животное. Оно заметило нас и бросилось бежать. Трудно издали разглядеть его, тем более, что оно быстро скрывается в лесной чаще; но сразу бросаются в глаза его рога, кривые, точно высохшие суки сосны, только не круглые, а плоские, как конец лопаты. Сразу соображаем мы, что это за зверь. Это — лось, глав-

Полянка в Лосином Острове.

ный обитатель леса, давший ему имя. И может быть, пока мы шли лесом, нас видел из-за деревьев не один лось: цвет шерсти у него серовато-зеленый, под стать тону древесных стволов, а рога в лесной чаще так легко можно принять за сучья деревьев. Жаль, что в высокой траве не увидишь других зверей: наверно, тут водится и лисичка-сестричка, и заяц, куница, и дикая кошка, и серый волк. Всех их можно увидеть только зимою.

Отдохнув и закусив, мы двигаемся дальше, пересекаем поляну и вступаем снова в лес. Сначала тут все такой же могучий сосновый бор, как и раньше; лишь изредка попадаются участки, где преобладает ель и попадается береза. Но вот характер местности начинает изменяться. Начинают попадаться низинки, заросшие осокой; по полянам земля чернеет и зыблется — похоже на торфяник. И сосна чаще начинает уступать место березе, липе и осине; сухой смолистый дух заменяется сырым прелым запахом перегнившего листа. Появляются рои комаров, кружащиеся на воздухе, — все признаки приближения сырого места, может быть, обширного болота. Но лес, кажется, все бесконечен. Три часа уже идем мы по лесу, и, кроме полянок, наш путь еще ничем не разнообразился. Однако всему бывает конец, приходит конец и лесу. Дорога, по которой мы шли, приводит нас к широкой просеке; конец просеки недалеко, его видно, как на ладонке, и за ним виднеется широкое открытое место. А за просекой идет лес совсем иного рода: чистая липовая роща, мрачная и густая. Липы растут близко одна к другой; потому они не достигли такой толщины, как старые дедовские липы в барских парках, не такие развесистые, но зато они необыкновенно стройны и высоки. Липовая роща вдоль просеки тянется туда же к открытому месту, местность понижается еще более. Еще четверть часа ходьбы — и мы на опушке леса. Перед нами огромная низменная равнина, над которой кружатся стаи пернатой дичи. Это торфяное болото. Местами на нем блестит серебристая гладь: это те участки, где вынут торф. Они наполняются подпочвенной водой и образуют небольшие прозрачные озера. А далеко на горизонте, верст за шесть, виднеется опять полоса густого леса. Но мы уже утомились и не решаемся итти дальше. Прогулка наша была продолжительна и поучительна. Мы познакомились с девственным лесом, были в таких местах, где редко бывает нога человеческая, видели деревья, возраст которых исчисляется веками. Но самое важное наше приобретение состоит в том, что мы познакомились отчасти с той природной обстановкой, в которой жили первоначальные обитатели восточно-европейской равнины.

Лосиный Остров оттого так и непохож на другие леса, оттого так и поражает своею мощью и красотою, оттого и хранит в себе таких редких животных, как лось или дикая пчела, что это заповедный остаток первобытного леса, великой европейской тайги. Когда-то, две тысячи лет тому назад, лес этот покрывал всю Европу, тянулся нескончаемой полосой от Рейна вплоть до Уральских гор; прерывали его только обширные поляны, болота да реки. Лес этот покрывал и весь север русской равнины, вплоть до р. Оки; только

за Окою шли степи, сначала с перелесками, а потом безграничные и ровные травяные пустыни. Пока людей было мало, лес оставался нетронутым; но постепенно его вырубали, и на месте его появились пашни, деревни и города. Триста лет тому назад мало уже оставалось древнего лесу, а в новых лесах, выраставших на месте старых, уже не было прежнего изобилия дичи, ягод и меду. Между тем, цари наши любили охоту; и царь Алексей Михайлович объявил уцелевшие остатки первобытного леса близ Москвы заповедными. Их нельзя было вырубать, и, кроме царя, никому нельзя было там охотиться. Так и уцелел до наших дней под самой Мос-

Торфяное болото.

квой остаток древнего леса. Побывав в нем, мы наглядно можем представить себе, какова была природа нашей страны на заре русской истории.

Дремучий лес, кипевший дикими зверями и дичью, окружал старинных жителей русской центральной равнины. Если нам, культурным людям XX века, становится жутко в лесной чаще, если нас пугает высокая трава, как будто таящая в себе неведомую опасность, то тем более полудиким людям, гнездившимся здесь в глубокую старину, боязно было жить в лесной чаще. Ведь и в те времена не всегда было солнце, часто небо покрывалось тучами, лили

дожди, выла буря, ломала деревья, молния сжигала столетние лесные великаны. А ночью человека обступали со всех сторон хищные звери, чудились призраки умерших, сидящие на деревьях, выглядывающие из дупла, дико кричащие, точно ночная птица. В лесу легко было заблудиться, потерять след, попасть в болото, завязнуть там и умереть с голоду. Болот, и болот огромных, подобных тому торфянику, какой мы видели на опушке Лосиного Острова, было в старинных лесах немало; встречались часто и большие озера, постепенно также превращавшиеся в болота. В тех местах, где лес рос по склонам двух противоположных возвышенностей, вода от талого снега стекала в котловину между возвышенностями и застаивалась там. Деревья загнивали на корню и валились, молодые деревья расти не могли, котловина постепенно обнажалась, превращалась в озеро посреди леса. А озеро постепенно зарастало водяными растениями и мохом, под которым образовалась глубокая трясина; озеро превращалось в моховое болото.

В лесной чаще жить страшно, на болоте или на заболоченном месте жить нездорово. Но на счастье старинных жителей нашего края в лесном пространстве были перерывы в виде сухих полян; среди леса вдруг встречалось „поле", как говорит наша летопись. Трудно сказать, отчего образовались среди леса такие сухие поляны, как бы островки степи среди лесного моря. Островов таких было немного, но они стали местом жительства для старинных жителей нашего края. Если ехать по той же Ярославской дороге, которая пересекает западную окраину Лосиного Острова, мы, немного не доезжая Ярославля, из скучной полосы лесов, тянущихся почти без перерыва от самой Москвы вдоль полотна железной дороги, вдруг выедем на обширную равнину, на которой стоит старинный город Ростов. Эта равнина — не нового происхождения, это старинное ростовское „поле". На нем в старину поселилась „м е р я", небольшое финское племя, жившее здесь ранее прихода славян; а когда пришли первые славянские колонисты, то они основали свой первый город, Ростов, на этом же поле. По той же Ярославской дороге мы можем проехать и на другое поле. Надо свернуть от Александрова, в 100 вер. от Москвы, на Шуйскую линию; эта линия идет через другое „поле", где славянские колонисты основали город Юрьев „Польский", т. е. „в поле". А на среднем течении Оки, в теперешней Владимирской губернии, было третье большое поле, на котором поселилось большое финское племя „мурома".

„Поле" было жильем; но как было его найти? Лесные дороги создаются ведь не сразу; проходят десятки лет, прежде чем обра-

зуется прочная неизменная лесная тропа, подобная той, по которой мы шли в Лосином Острове. И пробиваются лесные тропы не сами собой, а людьми: там, где часто и много ходят, образуется тропа. А без тропы невозможно итти лесом десятки и сотни верст, путаясь в кустарнике, попадая в болото, подвергаясь постоянной опасности от хищных зверей. Для передвижения старинные жители должны были искать других путей; и они нашли удобные и безопасные пути. Прогулка по Лосиному Острову и тут поможет нам, наглядно покажет нам удобные пути передвижения для старинных жителей нашего края. Торфяное болото, раскинувшееся на северной окраине Лосиного Острова, каждую весну переполняется водою; вода эта должна иметь какой-нибудь сток. И действительно, если мы направимся вдоль по опушке леса на запад, к железной дороге, мы найдем этот сток в виде небольшой речки. Это — та самая Яуза, которую мы уже переходили. Она течет к железной дороге, огибает Лосиный Остров и смежные с ним леса у красивых старинных сел Медведкова и Свиблова и вливается в Москву реку в пределах города Москвы. В старину, когда было здесь не болото, а озеро, Яуза была полноводной рекой, и по ней можно было плыть в лодке, попасть в Москву и т. д. Каждое лесное болото давало начало ручьям и речкам, которые сплетались друг с другом в густую сеть. Верховья некоторых рек близко сходились, между ними было нетрудно пройти пешком, „проволочив" лодки по земле. Самая большая русская река, Волга, имеет такое же начало. Она начинается в огромном болоте, в лесу, который известен под названием Волгинского леса, и струится сначала в виде маленького ручейка, иногда совсем пропадает в густых зарослях камыша и осоки. В таких же болотах начинаются и другие реки нашего края: Клязьма, Москва, Тверца, Шексна, Молога. Реки и речки были самыми удобными и безопасными дорогами в лесной глуши. Текут они медленно, не то что горные реки Западной Европы, изобилующие быстринами и порогами; удобно по ним передвигаться и зимой: когда лесные тропинки все занесет снегом, скованное льдом течение реки остается верным путем, с которого не собьешься и не заблудишься. По ним и передвигались первоначальные поселенцы нашего края, пока не пробили себе более прямых дорог через лесные пространства.

Передвигаясь по рекам, старинные жители нашего края находили себе удобные для поселения лесные поляны. Но селились они на этих полянах не посредине их, а ближе к лесу: около леса рубили города, ставили дома, устраивали села. Так они делали потому, что лес был им более всего нужен. Он был их главным кормильцем: там ловили они птицу и зверя, отыскивали лесные улья

и доставали из них воск и мед, собирали ягоды и травы. От своих хижин пробивали они лесные тропы и понемногу знакомились с лесом; страшная непроходимая тайга понемногу теряла свою таинственность, становилась полезной человеку. Из лесу доставал он и материал для постройки своего жилья: вся старинная Русь была „деревянная“—все постройки были из дерева, и потому-то так мало их и сохранилось. Дерево легко горит и гниет; каменная постройка простоит века, а деревянная может в какой-нибудь час превратиться в груду золы. И для других хозяйственных поделок лес давал много материала. Длинные крепкие ленты из липовой коры, „лыко“, заменяли тогда веревки, из них плелись корзины и лапти; заостренные крючковатые сучья крепкого дерева, дуба или сосны, служили лесному жителю вместо сохи и лопаты: этой „мотыгой“ разрыхлял он возле своей хижины землю и сажал в ней хлебные растения. Оттого старинные жители нашего края, хоть и селились на полях, но были подлинными лесными жителями, „залешанами“.

Но одних „полей“ для поселения было мало; к тому же „поля“ были отделены друг от друга обширными лесными пространствами, и трудно себе представить, чтобы люди в старину жили такими же островами, какими были поляны. Кроме полян, были еще другие удобные места для поселения: на высоких местах речных берегов. Там, где берег низкий, на нем селиться нельзя: летом и осенью сыро, а весной, во время половодья, все прибрежье заливается водою. Но на высоком берегу реки поселиться очень удобно. Поселение тогда будет стоять как раз на „большой дороге“, как сказали бы мы,—и жителям его широкий простор для выбора промыслов. Прибрежные жители могут промышлять не одной лесной охотой, как залешане, а также и рыболовством, и торгом с заезжими купцами. Прибрежных селений было очень много на высоких берегах рек: почти у всех русских рек один берег всегда высокий, так что удобных мест было вдоволь. Много старинных сел и городов стоит на высоких берегах рек; еще больше на высоких берегах сохранилось остатков старинных поселений в виде „городищ“ и курганов, искусственных насыпей, защищавших живых и мертвых старинных обитателей нашего края.

Поселяясь на берегу реки или пробравшись по реке в „поле“, человек в старину не чувствовал себя заключенным, точно в темницу, среди лесной глуши. Трудно было пробираться через лесную чащу, но очень легко было уехать из лесной стороны. Житель старинного Лосиного Острова мог без труда добраться до Каспийского моря и при желании побывать на Кавказе или в Персии. В своей лодочке, сделанной из липовой коры или из выдолблен-

ного деревянного ствола, плыл он сначала по Яузе, попадал в Москву реку, по Москве доплывал до Оки и по Оке добирался до Волги. Таким же путем, только с другого конца, могли приплыть к нашему Лосиному Острову и восточные купцы, чтобы выменять здесь на металлический топорик или нож целую кучу дорогих мехов и пуды воска и меда. Правда, путь был долгий, но тогда не спешили так, как спешат теперь, и запасов в дорогу брать не приходилось: пили чистую речную воду, а ели рыбу, в изобилии попадавшую в сети.

Когда же залешанин доезжал до Оки, видел за рекой далекую бесконечную степь и слышал рассказы о том, что в этой степи делается, он еще более начинал ценить и любить свою лесную сторону. В степи—открыто; когда налетит враг, некуда от него спрятаться. А врагов в степи много: вечно ходят там со своими стадами кочевники-азиаты, любящие повоевать и пограбить, налететь на мирных залешан, как вихрь, на своих быстрых конях, сжечь дома, а их обитателей увести к себе в рабство. Беспокойно тому, кто живет хотя и в лесу, но близко от степи. Много безопаснее жить в лесных „полях". Кочевник, привыкший к раздолью степей, где носится он, не встречая преград, запутается со своим конем в лесной чаще или увязнет в болоте; а долгий путь по рекам ему противен,—не привык он действовать медленно и тратить время на томительно-длинные переезды. Лес для залешан был не только кормильцем, но и защитой; и долго жили они, не зная тревог от нападений степных хищников. Только тогда, когда пробились через лес сквозные тропы, когда лес местами был вырублен под пашни, могли хищники из степей тревожить и далеких залешан. Но недаром селились они всегда на опушке леса. Когда налетал враг, жители „полей", завидев его приближение, уходили в лес, бросая свои жилища. В лесу враг найти их не мог; узкими, едва заметными охотничьими тропами уходили они в лесную чащу и скрывались там, пока враг разорял их жилища. Когда они возвращались, сожженные врагом жилища восстановить было можно без больших трудов: родной лес давал сколько угодно материала, и скоро на старом пепелище возрождалась снова кипучая жизнь.

Такова была природа нашего края тысячу лет тому назад. Много изменилось с тех пор; исчезли непроходимые леса, целые теперешние уезды почти совсем обнажились от лесной одежды, а там, где леса уцелели, это уже отдаленные потомки своих девственных прародителей. Но если от старинных лесов уцелел только один островок, Лосиный Остров, зато реки сохранились по сию пору, и мы при желании можем и теперь совершить такое же путеше-

ствие, какое совершали наши далекие предки: проехать по Москве водным путем до Волги, а оттуда в Каспийское море. Как тогда, так и теперь реки остаются важными путями сообщения; в старину они были единственными путями, но и теперь, несмотря на железные и шоссейные дороги, они сохраняют свое значение. Исчезли совсем только лесные „поля“, слившись в широкие равнины с бесконечными пашнями, раскинувшимися на месте великого старинного леса.

II. Старинные жители нашего края.

Познакомившись с природой, среди которой жили старинные обитатели нашего края, и с местами их жительства, мы, естественно, любопытствуем теперь узнать, что это были за люди, и как они жили. Поищем, не осталось ли чего-нибудь от них, каких-нибудь вещей или сооружений, ими сделанных, и послушаем, что могут нам рассказать остатки их культуры.

Мы уже знаем, где надо искать остатков, уцелевших от старинных обитателей нашего края: надо осмотреть берега рек и побывать в „полях“, там, где обычно селились первоначальные жители наших лесов. Если мы поедем на пароходике по реке Москве, мы скоро увидим то, что ищем. Отправимся вниз по реке, и как только кончатся скучные городские берега, усеянные фабриками и заводами, и начнутся по обоим берегам реки поля, будем всматриваться в высокий правый берег. Местами, на высоких выступах правого берега, мы заметим возвышения или просто в виде курганов, т.-е. высоких круглых бугров, или в виде больших четырехугольных насыпей, края которых приподняты, как будто на них были насыпаны валы. Первые такие возвышения попадутся нам около Нижних Котлов, огромного селения, перерезанного пополам Окружной железной дорогой; проехав мост Окружной дороги, мы скоро проедем мимо исторического села Коломенского, а за ним скоро будет село Дьяково. У этого села мы увидим другую такую насыпь. Она расположена на высоком холме, прямо на самом берегу Москвы реки, и еще уцелели на ней остатки валов. Стóит сойти с пароходика в Коломенском, дойти до Дьякова пешком и осмотреть это „городище“. Так зовут теперь в народе такие четырехугольные насыпи, окруженные валами; уже это название подсказывает нам, что городища строились людьми для житья и для защиты, были огороженными местами. Где есть городище, там, на-

верное, в старину жили люди; если раскопать городище, можно найти в нем немало предметов, уцелевших от старинных устроителей и жителей городища.

Взобравшись не без труда на Дьяково городище по его крутым склонам, мы очутимся на вершине холма, откуда далеко видны окрестности, и можем вдосталь налюбоваться широким видом, который развернется перед нами. Старинные леса, в которых когда-то охотились московские князья и цари (царь Алексей Михайлович построил даже в Коломенском дворец для своих остановок во время охот), теперь вырублены сплошь до последнего деревца, и очистившееся от них место совершенно открыто. Все оно пестреет огородами и фруктовыми садами; слева, как раз у наших ног, раскинулся на самом берегу реки такой же огород, за ним виднеются колокольни села Коломенского, и выглядывают из зелени деревенские домики. Прямо перед нами, за серебряной лентой реки, тянутся поля и огороды, среди них раскинулась деревушка, за нею белеется колокольня Перервинского монастыря, а дальше узкой полосою тянется насыпь Курской железной дороги, по которой то и дело быстро бегут поезда. Ширь необъятная!.. Трудно даже себе представить, что когда-то были здесь огромные леса, а в них дикие звери и всякая пернатая дичь.

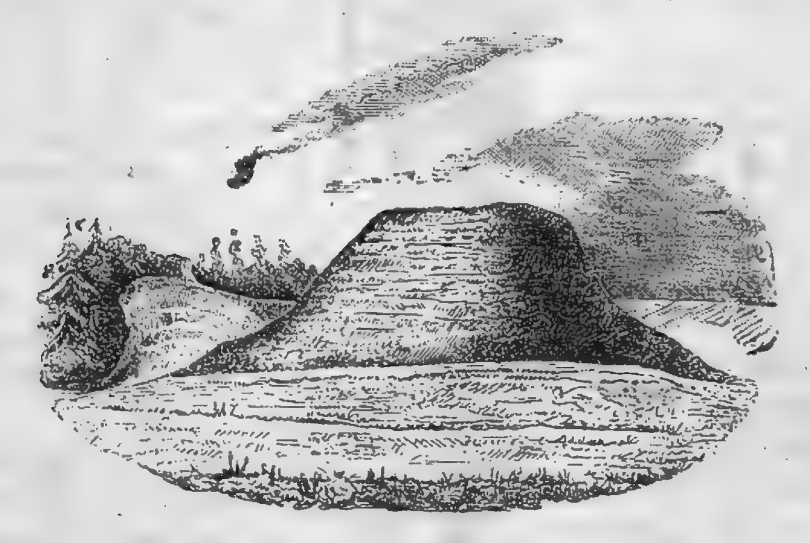

Вид городища.

Городище, насыпанное на холме, занимает довольно большое пространство, около 500 кв. сажен. Теперь оно уже не имеет того вида, какой был у него лет 35—40 тому назад, когда первые заинтересовались им ученые и стали производить в нем роскопки. Тогда оно имело вид более или менее ровного места, окруженного с трех сторон невысокими валами; раньше эти валы были много выше, выше роста человека, но с течением времени они обсыпались и были размыты дождями. Теперь городище разрыто, пересечено канавами, изборождено ямами; много рылись в нем и нашли немало интересных вещей, хранящихся в настоящее время в Москве, в Антропологическом музее в университете, и в Историческом музее. В городище нашли остатки не одного, а нескольких поселений, существовавших одно после другого. Одно разорялось, быть может, оттого, что уходили жившие на нем люди в поисках за зверем или за лучшим местом жительства, или оттого, что нападали враги; развалины его заносились песком, который скрывал их под собою; потом приходили новые поселенцы, которым также нравилось это место, и поселялись здесь; их селение, в свою очередь, разорялось, и на его место возводилось новое. В каждом слое городища находили при раскопках разные вещи, сделанные из различного материала; но уже в самом нижнем слое были найдены железные вещи, железные наконечники для стрел. Стрелы и рыболовные крючки, серпы, ручной деревянный жернов, глиняная посуда, украшения из бронзы, фигурки зверей из кости, фигурки людей из бронзы, зерна, кости разных животных животных—лося, медведя, бобра, лошади, кабаньи клыки,—вот какие разнообразные предметы нашли при раскопках в Дьяковом городище. Заинтересовавшись городищами после раскопок в Дьякове, ученые стали искать другие городища и нашли их немало по берегам Москвы, Пахры и других рек в окрестностях Москвы; такие же городища были найдены в других губерниях, смежных с Московскою; в них также было найдено много всякого рода вещей, хранящихся в Историческом и в Румянцевском музеях.

Если мы поедем вверх по реке Москве, то недалеко от Москвы, близ станции Павшино Виндавской железной дороги, мы заметим несколько курганов, расположенных рядом. Курганы эти расположены также на высоком берегу реки Москвы, около деревни Митиной. Тут целых шесть курганов, пять поменьше, а шестой, находящийся сзади прочих, огромный, занимает один почти столько же места, сколько остальные все вместе. Местные крестьяне зовут эти курганы „великой могилой“. Когда ученые их раскопали, то эти курганы, действительно, оказались могилами. В каждом из них

оказалось по истлевшему скелету, на котором сохранились остатки украшений; около скелетов уцелели глиняные горшки, разные вещи, угли и зола. В большом кургане оказалось как бы два этажа; и в верхнем, и в нижнем лежало по скелету. Древность этих курганов поистине седая. Они были насыпаны из глины; веками глина так слежалась, что превратилась в камень; ее пришлось разбивать ломами. А вокруг большого кургана росли столетние деревья, теперь срубленные; из их коряжистых пней разросся непроходимый кустарник. Значит, если раскопать побольше курганов, то можно узнать в точности погребальные обряды и загробные верования старинных жителей нашего края и найти другие места их поселений, кроме городищ: ведь обыкновенно люди хоронят своих близких недалеко от своего жилья. И, действительно, иногда около

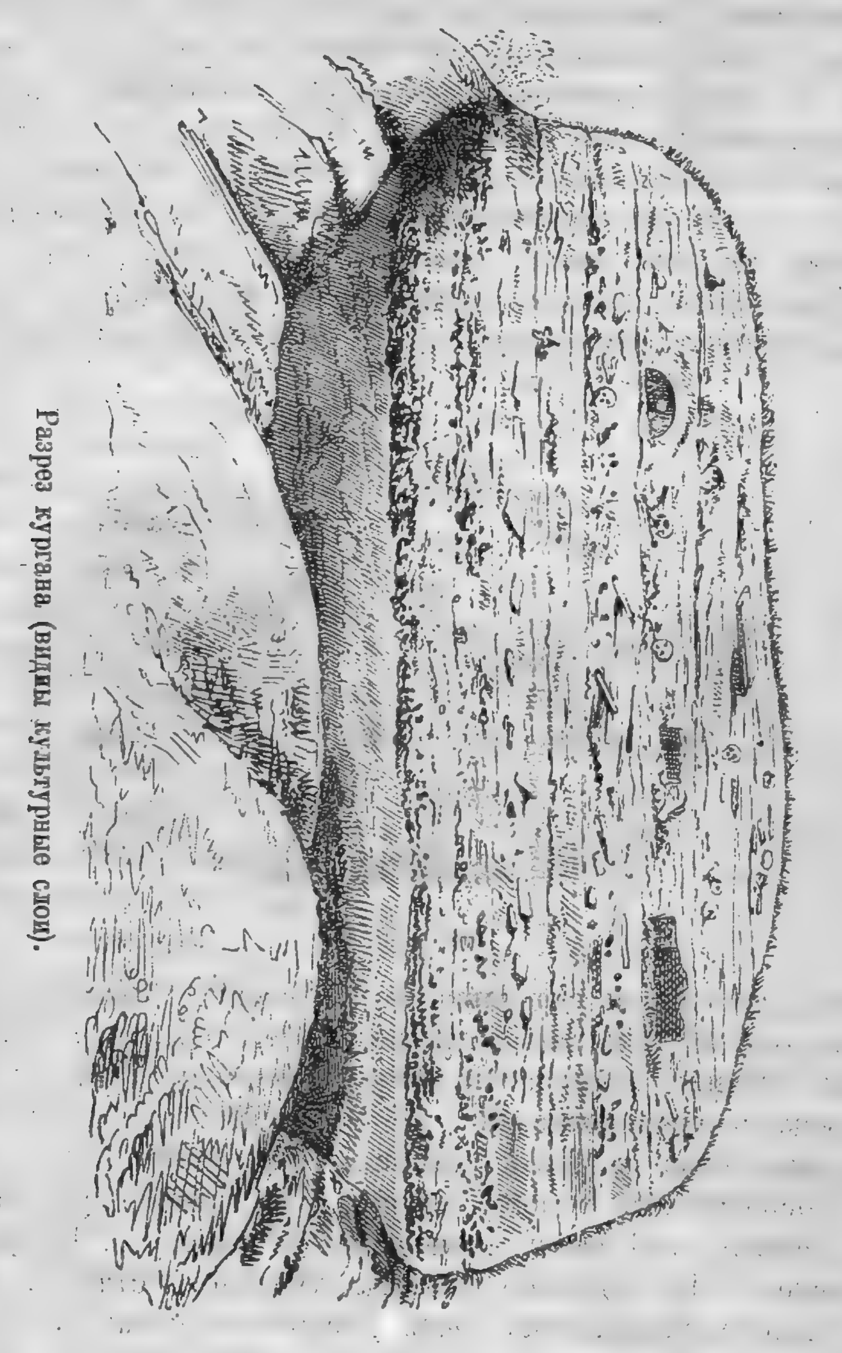

Вид кургана.

курганов находили и городища, но не всегда. Вероятно, городища строили только там, где опасались набега врагов; а в остальных случаях строили жилища прямо на ровном месте, и их места теперь сыскать невозможно. И в Московской и в соседних губерниях нашли множество таких курганов-могил, гораздо более, чем городищ. В особенности, хорошо сохранилось целое курганное кладбище верстах в 6 от г. Подольска, на берегу р. Пахры, у села Покровского. Там больше десятка курганов, старых, обросших мхом и деревьями; сколько веков стояли они и сколько видели они за это время!

Если мы посетим Ростовское „поле“, то там мы найдем и городища и курганы чуть ли не у каждого села и у каждой деревни; там ученые раскопали около 300 курганов да около 4.000 в соседних уездах Владимирской губернии; много курганов осталось

нераскопанными. Значит, Ростовское „поле“ в старину было очень густо заселено, и народ, который жил там, был уже не дикий, потому что в курганах были найдены даже серебряные вещи, монеты разных государств, весы и гири. Вещи, найденные в курганах

Разрез кургана (видны культурные слои).

Ростовского „поля“, похожи на вещи, найденные в курганах и городищах Московской и соседних губерний; значит, культура жителей была одинаковая, и, вероятно, жители принадлежали к одному и тому же народу. Какой же был этот народ? Нельзя ли узнать, как он назывался?

Если бы на вещах были какие-нибудь надписи, можно было бы сразу угадать его имя и племя. Но, к сожалению, ни на посуде, ни на оружии не нашлось никаких письменных знаков; а монеты, какие были в могилах, все были иностранные — немецкие, английские и арабские. Очевидно, народ, живший в старину в нашем крае, не умел писать, письменности у него не было. Но зато, по счастью, сохранились слова из его языка в говоре теперешних жителей. Прислушаемся к названиям рек, озер, деревень, сел и даже городов: многие из них кажутся совсем русскими. Вот, например, хотя бы Москва. Мы так привыкли и сроднились с этим словом, что не видим в нем ничего особенного, оно кажется нам коренным русским словом. А если нас спросят, что означает слово Москва, мы окажемся в большом затруднении. Названия других городов „Нов-город", „Выш-город", „Звени-город", „Дмитров", „Рыбинск" мы объясним сразу, а „Москва" никак не объясним. Очевидно, что слово это не русское, не славянское, а попало в русский язык из языка старинных жителей здешнего края, которые, значит, не принадлежали к славянскому племени. А среди названий рек здешнего края мы уже редко встретим русские: Волга, Ока, Москва, Клязьма, Пахра, Яуза,—все не русские названия. Только какие-нибудь маленькие речонки, скорее даже ручейки, чем речки, в роде Серебрянки (в Пушкине), Неглинки и Синички (в Москве), или Черной (за Коломной) называются по-русски. Отсюда мы можем заключить, что старинные обитатели нашего края были не русские, не славяне. А как они назывались, это мы можем узнать из названий рек, озер, городов и деревень, находящихся теперь в Ростовском „поле" и по берегам рек Московской, Владимирской и Ярославской губерний. Ростовское озеро называется Меро (Неро), в его бассейне находятся речки Меря и Мерль (Нерль), у Оки есть приток Мерская, есть села, прямо называющиеся Меря, и множество сел и деревень с составными названиями от того же корня: Мериново, Мерзеево, Мерилово, Мерялово, Меркушино и т. д.; есть уездный город Костромской губ. Нерехта (Мерехта); одна деревня Меря находится под самой Москвой, верстах в 40—50. А одна местность, на запад от Ростовского озера, прямо называется „Мерский стан". Сразу нам приходит в голову, что не случайно появились такие названия: в них упорно повторяется один и тот же корень. Не указывает ли он на имя того народа, который искони жил в нашем крае? И если мы прочтем в Начальной летописи (в летописи, которая рассказывает о начале русской истории), что говорит она о народах, населявших в старину нашу

Московскую область, то мы найдем там такие слова: „а на Ростовском озере Меря, а на Клещине (Переяславском) озере Меря же“. Наша догадка подтвердилась: ранее прихода славян здесь жил народ, называвшийся мерею или мерянами. Народ этот был не славянского, а финского племени, потому что черепа, найденные в мерянских курганах, все короткоголовые, как у теперешних финнов, а не длинноголовые, как у славян; и не русские названия рек, озер и поселений будут понятны, если их истолковать при помощи языка теперешних финских племен, мордвы или чувашей. Например, слово Москва сложное, musta-va, т. е. темная вода, Яуза—jausi значит „впадает река“.

Финский шалаш.

Меряне жили не поодиночке, а целыми небольшими селениями. Мы уже знаем теперь, что для построения своих жилищ они выбирали места вблизи леса и, по возможности, на высоком берегу реки. Жилища строили себе самые нехитрые, в роде тех, какие до сих пор строят себе теперешние финны, на востоке, в Приуралье—для временного или постоянного жилья, а на западе, в Прибалтийском крае и в Финляндии—для кухни или бани. Строили иной раз просто шалаш, коту, как и в старину, и до сих пор зовут финны такую постройку; у финнов до сих пор есть поговорка: „первой ловушкой было брюхо, первой посудой была горсть, первым жилищем—кота“. Кота строилась так: вытесывали сосновые или еловые колья, длиной 8—12 аршин и толщиной от 4 до 5 дюймов, вбивали их наклонно в землю, так чтобы верхние концы сошлись. Получался остроконечный шалаш; чтобы не дуло ветром и не мочило дождем, сверху его обкладывали на летнее время берестой, а на зиму покрывали еще звериными шкурами, иногда в два слоя — один слой шерстью вверх, другой — шерстью вниз; вход тоже завешивался шкурой и только наверху оставляли отверстие для дыма. Внутри коты посредине складывали из камней очаг, а над ним вешали котел. В таком шалаше было тесно, и большая семья тут поместиться не могла. Более просторными жилищами были землянки. Вырывали

яму, ставили по углам столбики, а по ним делали настилку из жердей, засыпанных сверху землей, с отверстием для дыма; а на земле сверху делали такой же остроконечный шалаш, как кота, только не покрывали его шкурами. Таковы были самые старинные жилища мерян. Позднее, когда меряне стали искуснее, когда появились у них металлические орудия, стали они строить более удобные жилища, в роде теперешних курных изб: небольшие бревенчатые домики, с плоской крышей, без окон, только с дверью; для света и для дыма делали одно отверстие в крыше (так до сих пор строят свои дома лопари и называют их п ы р т а м и, а эсты в этом роде делают бани). И в землянке и в доме также посередине складывали очаг, а под очагом вешали котел.

Построив себе жилища, меряне, если было необходимо, устраивали вокруг них ограду и укрепления. Ограда всегда была нужна: по соседству жили в лесу дикие звери, и от их нападений надо было уберечься. Вооружившись каменными топорами, в лесу нарубали кольев и делали из них частокол в рост человека; для защиты от дикого зверя и такой ограды было довольно. Но если меряне опасались, что на них может напасть человек, тогда одного частокола было недостаточно. Тогда либо выбирали обрывистый холм, окруженный оврагами, либо рыли искусственные рвы кругом холма; кругом рва насыпали вал, а по валу набивали частокол; только сторону, обращенную к реке, оставляли иногда открытой, потому что с реки напасть было не так легко, как с суши. Так устраивалось укрепленное поселение, г о р о д о к, или г о р о д и щ е. На городище ставили и бога, деревянного или каменного деда, с длинной бородой, а иногда и с рогами, а перед дедом-богом ставили из камней жертвенник. Когда кто-нибудь из селян умирал, тут же рядом хоронили его и насыпали над ним могильный холм. Как хоронили, об этом будет рассказано после.

Когда меряне выбирали место для поселения и устраивались на нем, они делали это не нестройной толпой, не каждый за себя, а все работали сообща и под начальством одного вождя, старшины, которому все подчинялись. Вождь был из стариков; чаще всего вождем был старый опытный человек, старший родственник, потому что родственникам естественнее всего было держаться вместе и сообща жить и трудиться. Вождь-старшина руководил всеми предприятиями дружины, бывшей под его началом: на охоте и на войне был он впереди других и во всем распоряжался. А зато давали ему лучшую часть добычи; когда же он умирал, насыпали над ним огромный холм, в несколько раз больше других могильных холмов простых людей. Под большим холмом на курганом клад-

бище у деревни Митиной был похоронен старик, наверно вождь, а кругом него легли его дружинники.

Под предводительством старшины собирались жители мерянского населения на охоту. Они вооружались луком и стрелами с железными наконечниками; за пояс затыкали железные ножи и кремневые топоры и молотки. А у вождя был и булатный меч, вымененный у заезжих купцов на мех какого-нибудь дорогого зверя. Вооруженные таким образом, углублялись меряне в лесную чащу по еле заметным охотничьим тропам. Цель охоты была разная. Нужно было осмотреть ловушки, поставленные для зверя; ловушки делались чаще всего в виде ямы, сверху замаскированной легким слоем хвороста и листьев; устраивали также капканы на мелкого зверя. Ямы делались глубокие и большие, особенно на волка, ночного беспокойного хищника, таскавшего мелкий скот у мерян. Зверя, попавшего в яму, убивали ударами сверху и снимали с него шкуру. На лисий, куний или беличий мех были любители среди заезжих восточных и северных купцов. С юго-востока по рекам приезжали из далекой волжской страны болгарские и хозарские купцы, предлагавшие в обмен за меха блестящие серебряные монеты, серьги и запястья; монеты не нужны были мерянам в качестве денег, но в них можно было провертеть дырочки и сделать из них красивые ожерелья, которыми любили украшать себя не только мерянские женщины, но и мужчины. Такие же монеты да еще булатные мечи и ножи предлагали за меха и варяжские купцы, приезжавшие из скудной холодной Скандинавии искать себе счастья и удачи в чужих краях; покупателей много, была бы только охота удачна. И каких только монет не было на мерянском ожерелье! Тут и монеты багдадских калифов, и персидских царей, и германских императоров, и англо-саксонских королей! Но крупный зверь — не единственная приманка охотников, даже не главная. Не поймается зверь — беда не велика, от этой беды с голоду не умрешь. Вот если не удастся охотникам настрелять птицы, это уже большая беда. Лесной тетерев и глухарь, болотная утка и куропатка — это, как и серый заяц, дичь съедобная, и без нее не хочется возвращаться домой. Трудно прожить здесь в лесной глуши без мяса: в травах, ягодах и хлебных злаках нет соли, а соль нужна для

Бронзовые орудия из Дьякова городища.

человеческого организма; где же достанешь соль в пресных реках и озерах? Говорят, что где-то далеко, на востоке, в непроходимых лесах, куда еще не проходил ни один охотник, есть соляное озеро, но разве скоро туда доберешься? В хозарской стране есть тоже соляные озера, но купцы, приезжающие оттуда, не всегда привозят с собою соль. Потому-то так и дорожил мерянин дичью. С удовольствием он ел ее сырую: кровь соленая, и так приятно отведать ее после пресной растительной пищи.

Но охотой на птиц и зверя не кончаются лесные экскурсии мерян. В лесу есть еще для них важная приманка: ульи диких пчел, гнездящихся в дуплах деревьев. На охоту за пчелами меряне идут весною и осенью. Весною пчелы роятся: надо заранее присмотреть удобное дупло или выдолбить сердцевину дерева, чтобы иметь наготове место для пчелиного роя. Найдя на ветви дерева пчелиный рой, охотник берет его в сетку или в корзинку и пересаживает в присмотренное дупло. Так получается лесной улей, *борть*, как его звали в старину. Теперь можно оставить пчел на все лето в покое: они уже сами сделают все, что нужно, устроят соты, наберут меду, и охотнику останется только прийти к борти осенью, выкурить дымом пчел и обобрать запасы меда и воска в глиняные горшки, разукрашенные нехитрыми узорами в роде дырочек или черточек, сделанных прямо ногтями. Из меда можно сварить хмельной напиток; хорошо и сберечь его до весны, когда приедут купцы с востока и с севера, — они охотно берут и воск и мед.

Охота кипит во всю не только в лесу или на болоте. В реке много рыбы, очень полезной для мерян: рыбу можно есть, мелкие кости употреблялись вместо наших стальных иголок и булавок, а из крупных костей можно выварить прекрасный рыбий клей, который хорошо клеит дерево. Рыбу ловили удочками с бронзовыми или железными крючками, а также ставили сети. Но кроме рыбы, на реке в иных местах водятся такие звери, которые стóят лесных лисиц и куниц. На берегу рек живут речные животные, бобер и выдра — меха их не менее драгоценны, чем куньи и лисьи. Лучше всего поселиться рядом с „бобровым гоном“ — тогда никакой другой дичи не надо. „Бобровый гон“—это целое селение бобров. Бобер—очень ловкое и хитрое животное; при помощи своего хвоста, плоского и широкого, покрытого чешуей, как у рыбы, и при помощи своих перепончатых лап бобер ловко ныряет и плавает; зубы у него острые, как у всех грызунов, он может перегрызть ими и свалить даже толстое дерево. Бобры так и делают: сваливают на берегу реки деревья и запружают ими в одном месте реку, чтобы

Костяные и кремневые орудия из Дьякова городища. 1. Костяная фигура какого-то зверя. 2. 3. 4. Костяные стрелки. 5. Костяная рукоятка для меча. 6. Костяной гарпун. 7. Костяной нож. 9. Часть костяной рукоятки для меча. 10. Кремневый брусок. 11, 12. Кремневые орудия неизвестного назначения.

вода всегда была на одном уровне; а потом начинают рыть себе из-под воды кверху домики. Вход в норы они делают под водой и ведут его кверху до поверхности земли; сверху над норой бобры устраивают крыши из сучьев и глины в виде невысокого купола. Работа трудная, и поэтому бобры ведут ее сообща: работают и живут всегда целыми большими обществами, и их „гон“ сразу приметен: стоит на берегу целый ряд маленьких холмиков, с острой или круглой верхушкой, и под каждым холмиком живет пара бобров. Пожива охотнику в бобровом гоне большая: мех бобра прекрасный, а мясо очень вкусное, в особенности хвост—для дикарей настоящее лакомство. Лисицу не съешь, только мехом попользуешься, а бобер и на мех и на еду годится. И раз уж напало охотничье общество на бобра, оно от него не отстанет. Потревоженный на одном гоне, бобер скоро уходит и устраивает „гон“ на другом месте; следом за ним идет и охотник. Легкие хижины бросаются, нехитрый скарб собирается в мешки и корзины, и под предводительством вождя бобровники переходят вслед за своим зверем на новое место. А кроме бобров, в сети для крупной рыбы иной раз попадется и другой речной зверь, черная выдра. Ее найти труднее, чем бобра: вход в нору у нее также под водой, но сверху, на поверхности земли, никакой приметы нет. Надо следить за ней, заприметить ее в воде, где она охотится за рыбой и играет, и поставить тут большую сеть или капкан. Мех у нее тоже дорогой и теплый, и приезжие купцы охотно его берут.

Пока мужчины на охоте или на рыбной ловле, женщины остаются дома, где у них немало занятий. Прежде всего, на женщинах лежат заботы о хлебопашестве. Около своих хижин они разрыхляют весною землю деревянной мотыкой или железной лопаточкой и сеют семена ячменя и проса. Посевы невелики, и жатва скудная; но когда много дичи и рыбы, об этом меряне не жалеют, употребляют хлебную пищу, как приправу. Когда созреет хлеб, женщины жнут его железными серпами, вымолачивают палками зерна и перетирают их в грубую серую муку между двумя камнями. Из такой серой муки на воде замешивают тесто и приготовляют из него лепешки. Женщины смотрят и за домашней птицей и за домашними животными. Вокруг них вертятся и клохчут куры, горланит петух, когда утром выходят они из хижины и отворяют дверь у загонов, в которых стоят ночью овцы и козы; кто из мерян побогаче, тот держит и свинью и корову. Длинной хворостиной гонят женщины скотину в общее стадо всего селения и поручают присмотр за ним подросткам. Молодой пастушок целый день гоняет стадо; около него все время верные стражи, злые собаки, которые и днем и

Бронзовые украшения из Дьякова городища.

Бронзовые привески из курганов Костромской губернии.

ночью чуют хищного зверя и предупреждают о его приближении громким лаем. Другой скотины у мерян мало. Только у вождей и у других мерян побогаче есть кони: дорого они стоят, восточные купцы просят за них много мехов, и только вождю, которому всегда достается лучшая часть добычи, под силу купить коня. Зато и ходит он за ним сам, не доверяет женщинам.

Женщины же варят пищу и занимаются изготовлением одежды. Весною они стригут овец, чистят их шерсть, треплют ее и затем палками валяют из нее грубую войлочную ткань; из этой ткани костяными иглами женщины шьют верхнюю одежду и украшают ее привозными серебряными и медными привесками, позументами и бляшками. Исподнюю рубашку шили из льняных тканей, покупавшихся у варягов; на нее и надевали шерстяной кафтан. Вожди не любили грубой домашней ткани, покупали шерстяные материи потоньше у заезжих купцов и украшали одежды, сшитые из них, самыми замысловатыми украшениями. А когда бывал праздник, женщины и девушки украшали себя серьгами, ожерельями и головными повязками. Эти повязки делались из березовой коры; на нее нашивались привески в виде колец, гребешков и фигурок уточек, петушков, коньков и змеек. Разрядившись, красавица шла, помахивая головой и позванивая своими побрякушками; а за нею шел парень, тоже разодетый, подпоясанный праздничным поясом, не простым кожанным, какой надевали на охоту, а также расшитым монетами, бляхами и другими безделушками. Зимою, когда затрещит дед-мороз, простые меряне кутались в овчинные тулупы, а вожди и старики надевали лисьи шубы.

Так проста и однообразна была жизнь мерян. Под стать их простой жизни была и вера. Больше всего занимала их внимание и страшила их своею таинственностью смерть человека. Умер человек, лежит неподвижный и бездыханный, молчит, с каким-то ужасным, „не своим“ выражением лица. Видят его ближние во сне,— а что сон, что явь — для некультурного человека все равно, — и приходят в величайшее смущение: мертвец во сне и двигается, и говорит, и даже как будто угрожает живым. И приходит дикарю в голову, что надо позаботиться о том, чтобы мертвец не беспокоил живых, а то не оберешься от него беды и горя. Для этого лучше всего похоронить, т.-е. спрятать куда-нибудь мертвое тело или сжечь его на огне. Но и похороненный и сожженный покойник продолжает грезиться во сне живым. Тело похоронено или сожжено: как же может покойник являться опять и беспокоить живых? И приходит некультурному человеку в голову мысль, что, кроме тела, есть, должно быть, еще что-то такое в человеке, по-

хожее, как две капли воды, на него, его **двойник**, но только не телесный. Замечает дикарь, что, когда человек умирает, он тяжело дышит, дыхание вырывается из его груди с трудом и с шумом, и, наконец, после последнего вздоха наступает смерть. И думает дикарь, что двойник — это дух, дыхание человека; дух и сообщает человеку жизнь, когда же дух уходит из человека, тело его не живет больше. Ушел двойник — тело не двигается, не говорит, не пьет, не ест, холодное и страшное. Что же нужно двойнику, чтобы он был покоен и не мучил живых? Надо давать ему есть и пить, кормить его; дикарь думает, что двойник может вернуться в свое тело, и тогда ему понадобятся и всякие предметы, необходимые живым. И меряне, подобно всем дикарям, думали, что двойник может поселиться в теле животного, или камня, или растения: недаром во сне грезится, что животные, камни и растения двигаются и говорят. Много хлопот с живыми; но еще больше с умершими. И меряне, подобно всем некультурным народам, прилагали немало забот к тому, чтобы не обидеть мертвеца, чтобы снабдить его для загробной жизни всем необходимым, чтобы похоронить его с честью, чтобы потом заботиться о нем, приносить ему есть и пить, вспоминать его. Мы очень хорошо можем представить себе их заботы, потому что, как мы уже знаем, мерянские курганные кладбища сохранились в целости до нашего времени, сохранились в них скелеты мертвецов и вещи, с которыми мертвецов хоронили.

В загробный путь мертвеца одевали, как на праздник, в лучшую одежду, на голову надевали берестовую повязку с блестящими украшениями. Если хоронили мужчину, то с ним клали огниво и кремень, чтобы мог он зажечь себе огонь на том свете, за пояс ему затыкали нож, а рядом с ним клали лук и стрелы. Женщине клали в могилу все принадлежности ее мастерства: костяные иголки и шпильки, серп и также иногда огниво и кремень. Мало было этих вещей хозяйственного обихода: может быть, на том свете захочется двойнику поохотиться и порезвиться, завести дом и хозяйство. И хоронили с умерщим его коня и собаку, петуха и курицу. Снабжали покойника и всякой едой: ставили горшок с медом и мукой, закалывали на могиле овцу или барана. Собрав покойника в далекий путь, приступали к похоронам. Обычаи погребения для сожигания трупов свято хранились с тех незапамятных времен, когда, как я уже говорил, хоронили или сжигали тело для того, чтобы избавиться от покойника; теперь уже такого сознательного желания не было, но старые обычаи свято соблюдались. Чаще всего меряне хоронили своих мертвецов, а сжигали редко.

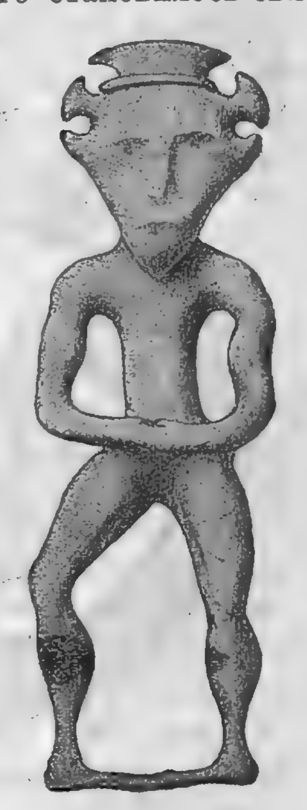
Выбрав место для погребеия, меряне разравнивали его и слегка углубляли; в углубление клали мертвеца головой к солнечному закату, так, чтобы лицом он был обращен к восходящему солнцу. В ноги умершему ставили горшок с медом, а рядом клали разные вещи и припасы. Тут же закалывали жертвенных животных и сжигали их на костре. Потом, с причитаниями и слезами, могилу засыпали сверху землею и делали высокий холм. Обычай насыпать холм над могилой также идет из глубокой старины: когда покойника хоронили, чтобы избавиться от его тела, тогда старались закопать его поглубже да камнями придавить, чтобы он не мог из могилы выбраться. А если мертвеца сжигали, то сжигали вместе с ним и все то, что давали ему с собою; остатки костра засыпали землею, только пепел от тела собирали в глиняный горшок и ставили на вершину холма [1]). Рядом с могилой отца хоронили его жену и детей, а рядом с могилами односельчан хоронили и их старшину. Так и образовывались целые курганные кладбища, молчаливо простоявшие до наших дней. Родные не забывали их: это место для них оставалось навеки „жальником", как говорят теперь наши крестьяне; на дорогие могилы родственники приходили „жалиться", т. е. плакать по умершим, и приносили им в поминовенные дни лепешки и яичницы, ставили их на могилу и ждали, пока „душеньки" умерших, в виде птиц, не прилетят и не склюют принесенную жертву. А рядом с мертвыми, тут же у могилы, устраивали пир и живые: как будто снова во вкушении пищи соединялись все члены семьи.

Конечно, больше всего заботились о погребении и поминках умершего вождя. И при жизни ему был великий почет и большая власть; а после смерти умерший старшина казался существом еще более могущественным. Меряне думали, что невидимкою он может сопровождать своих живых сородичей на охоте и на рыбной ловле и помочь им; а если чем-нибудь прогневить его, он может невидимкою жестоко покарать их. При жизни он превосходил всех опытом и мудростью; а после смерти, когда начнет он вселяться в тело птиц или животных, он станет, думали меряне, совсем колдуном, совсем сверхестественным существом. Поэтому для остающихся в живых не было больше заботы, как ублаготворить умершего

---

[1]) В Московском Историческом Музее вы можете увидеть уменьшенные модели курганов с точными маленькими моделями всего того, что в них обыкновенно находится: черепа, кости, горшки, вещи и пр. Курганы эти, правда, из Смоленской губ., но они очень похожи на мерянские. В этом же Музее вы увидите в особой зале и целый скелет вождя, вынутый из могилы (из Кубанской обл.) и, как есть, помещенный в музее в особом стеклянном ящике.

вождя. Хоронили его с особыми церемониями и могилу для него делали больше, чем для простых людей; а затем постоянно поминали его и звали в минуту опасности. Новый старшина, заменивший умершего, производил все церемонии: приносил умершему вождю жертвы, обращался к нему с речью и молитвой, и все окружающие верили, что умерший вождь слышит жреца и даже отвечает ему. Умерший старшина, особенно если он при жизни прославился чем-нибудь особенным, становился для живых настоящим богом. Из поколения в поколение почитали его, имя его становилось святым, про него слагались песни, составлялись чудесные рассказы. И в конце-концов такому богу-вождю устраивали капище. Рядом с городищем или на самом городище выравнивали площадку и обносили ее частоколом; на ней ставили каменную или деревянную статую деда, с длинною бородой и волосами, а перед ней складывали из камней жертвенник. Собирались все почитатели бога-деда, выходил вперед вождь со стариками и начинал призывать духа-бога поселиться в статуе. Ей приносили жертву на жертвеннике, привлекая ее вкусным запахом мяса и жира, и громко призывали имя бога; а толпа притопывала, подпевала и приплясывала. После такой церемонии верили, что бог поселился в устроенном для него капище; и к нему приставляли особых стариков, „волхвов“, которые должны были служить богу, приносить ему жертвы и узнавать его волю. Известный всем город Нижний-Новгород построен на месте такого капища-городища. Оно существовало еще в XII веке: еще тогда там стоял каменный дед, и приносились ему жертвы.

Бронзовый мерянский божок.

Как у общества мерян был свой общий бог-дед, так и каждая семья особенно почитала своих предков и старалась привлечь их двойников к себе. Меряне делали маленькие изображения таких домашних богов предков из бронзы или из глины. Несколько таких бронзовых божков сохранилось, и один из них хранится в Историческом музее. Божок совсем маленький, всего $2^1/_2$—3 вершка в длину; голова у него треугольная, и на ней шапка в форме топора; кроме ушей, торчат рожки тоже в форме маленьких топориков, руки сложены, как у мертвеца, а ноги соединены перекладинкой. Вероятно, за эту перекладинку божков вешали у косяков две-

рей, чтобы они сторожили дом и отгоняли злых духов. Меряне думали, что таких духов очень много: все мертвецы—сила нездешняя, все они духи, летают в воздухе, живут в траве, и на деревьях, и в животных, и в птицах. Духи умерших враждебного племени—злые духи: как живые враги стараются повредить друг другу, так и мертвые. Злой дух легко может вселиться в человека: спит человек с открытым ртом, злой дух исподтишка к нему подберется, вселится через открытый рот в его тело и начнет его мучить: начнется у зараженного человека лихорадка, сыпь какая-нибудь выступит, и до того может замучить человека злой дух, что больной умрет. Старики, которые служат в капище, волхвы, могут помочь: они знают средства, как выгнать злого духа. Они произнесут над больным страшные волшебные слова, чтобы злой дух испугался и вылетел из человека, или привесят к телу какую-нибудь волшебную привеску, которая также испугает беса, и он улетит (такие волшебные привески обычно называются амулетами, а наши предки называли их наузами). Лучше всего привязать амулет с изображением доброго духа: или в виде человеческой фигурки, или в виде маленького конька или уточки. Конь и утка—хорошие животные, и в них вселяются, верили меряне, только добрые духи. Хорошо также положить больному под изголовье мертвую конскую голову. А лучше всего постоянно носить на теле амулеты: тогда злой дух не пристанет; хорошо класть их и умершему в могилу, ибо на том свете злые духи могут донять умершего. Чаще всего употреблялся амулет в виде маленького бронзового конька, пришитого к поясу; резную голову конька приделывали к крыше дома и к ларям для хранения всякого добра; этот обычай сохранился до сих пор у наших крестьян. А у финских племен Приуральского края до сих пор существуют и волхвы (их называют теперь шаманами), которые славятся уменьем изгонять злых духов.

Амулет с фигуркой гуся или лебедя.

Меряне задумывались также над вопросом, кто был родоначальником людей и создателем мира. Конечно, думали они, это был дух; существует он и теперь, но где его искать? И когда над лесными вершинами они видели высоко парящую величественную белую фигуру дикого гуся или дикого лебедя, которая сверху как бы видит весь мир и любуется им, им казалось, что добрый дух, создавший мир, живет в диком гусе или диком лебеде. И этих птиц они считали священными. Убить дикого гуся или лебедя считалось грехом; только раз в году, весною, убивали гуся или лебедя и устраивали общий жертвенный пир. Каждый получал кусок священной птицы и, так сказать, приобщался ею. Меряне, как и другие дикие народы, верили, что это верный способ получить здоровье и силу; соединиться с божеством—значило съесть часть божества. Не даром африканские дикари во время битвы стараются заприметить наиболее храбрых из павших воинов и потом съедают их сердце, чтобы доблесть и сила умершего перешла в живых. Фигурки гуськов, лебедей и других птиц меряне носили также в качестве амулетов, предохраняющих от всяких напастей.

А родоначальником людей меряне считали медведя: от него пошли меряне и прочие племена, говорившие с ними на одном и том же языке. Медведь — это царь, „сам хозяин“, „умный старичок“ — так еще сейчас зовут медведя финские уроженцы в Приуралье. Медведя меряне щадили и убивали только в самых крайних случаях, со всякими извинениями и мольбами о прощении. Медведь казался таким же существом, как и человек, и много чудесных рассказов о нем ходило. Ему приписывалась волшебная сила. В качестве амулетов меряне часто привешивали себе медвежьи зубы, даже целые бусы из таких зубов, или глиняные дощечки с отпечатками медвежьей лапы.

Трудно сказать, сколько веков жили так меряне, пока не стали вытеснять их из родных лесов славянские переселенцы. Для торговли с мерянами купцы стали приходить с VII века после Р. Х.; это мы знаем наверно, потому что самые старые монеты, найденные в мерянских городищах и курганах, относятся к VII и к VIII веку. Но сколько времени жили тут меряне до начала торговых сношений, сказать трудно, по всей вероятности, не одну сотню лет. В X веке пришел конец мерянскому господству в лесах нашего края: сюда стали переселяться славянские колонисты.

III. Славянские переселенцы в земле мерян.

Вы уже знаете, что в нашем крае, кроме мерянских названий городов, рек и местностей, встречается немало и русских; многие из этих названий вы уже слышали, когда читали рассказ о мерянах. Эти русские названия показывают нам, что, кроме мерян, были в нашем крае другие поселенцы, славяне; приходя в нашу землю и поселяясь в ней, они называли те места, где поселялись, славянскими именами.

Откуда же приходили они и почему уходили они из своей родины? Попробуем поискать ответа на эти вопросы вокруг нас, на карте теперешней Европейской России. Вот подмосковный город Звенигород; если мы поищем на карте, то мы найдем, кроме московского, еще другой Звенигород в Киевской губ. (теперь называется Звенигородка, но еще в XV веке звался Звенигород) и на австрийской границе местечко Звенигород. Вот город Переяславль, в мерянской земле, у озера Клещина; южнее Киева мы найдем тоже на самом Днепре город Переяславль. Теперешний город Владимир-губернский имеет тоже тезку на юго-западе, г. Владимир, уездный город Волынской губ. Есть в Московской губернии город Дмитров, тезка городу Дмитриеву Курской губернии. Какие же города назывались по каким: юго-западные по городам нашего края, или наши по городам юго-западного края? Тут поможет нам летопись. Оказывается, что все юго-западные города, одноименные с городами нашего края, гораздо древнее наших городов. Да к тому же мы знаем, что исстари жила здесь, в нашем крае, меря; значит, не могли итти с севера на юг славянские переселенцы.

Нам станет яснее, откуда шли переселенцы, основавшие города с русскими названиями, если мы обратим внимание на названия рек, на которых выстроились новые города. Возьмем город Переяславль: киевский Переяславль стоит при впадении в Днепр речки Трубежа, Переяславль Залесский, оказывается, стоит также при впадении в озеро Клещино речки Трубежа, а в старину был еще третий Переяславль, на месте нынешней Рязани, и также на речке Трубеже.

Такое совпадение прямо поразительно. Объяснить его можно только одним способом: переселенцы, приходившие в наш край, называли места и реки новых поселений названиями тех мест и рек, где они жили раньше. Так поступали не одни славянские переселенцы, обычай этот был сродни переселенцам самых различных стран, народов и времен. Например, как вы знаете из истории

древнего Востока, был восточный народ, финикияне, родственный евреям; финикияне из-за тесноты у себя дома также переселялись и назвали две своих „колонии“ по именам главных городов своей родины, Тира и Сидона, Новым Тиром и Новым Сидоном. А вот другой пример, более близкий к нашему времени. Вы знаете, что есть часть света, называемая Америкой; европейцы долго не знали о ее существовании и случайно открыли ее четыреста лет тому назад. В Америку стали тогда переселяться люди из разных европейских государств, одни просто ради наживы (там оказалось много золота и серебра), другие потому, что на родине им жилось тесно и плохо. Среди последних было много переселенцев из Англии; они селились преимущественно в Северной Америке и называли основанные ими города именами своих родных городов. Главный город в Северной Америке называется Нью-Иорк, т.-е. Новый Иорк, по имени английского города Иорка; далее, и в Англии, и в Северной Америке мы найдем Бостон, Кембридж, Бирмингам, Ричмонд, Норфольк, Манчестер и т. д. Французские колонисты, также переселявшиеся в Северную Америку, назвали главный город своей колонии Новым Орлеаном, по имени французского Орлеана. Отсюда мы видим, что по названиям городов часто бывает возможно безошибочно определить родину их основателей.

Итак, приходили селиться в наш край славяне с Днепра. Что же это за славяне, жившие на Днепре? Зачем они сюда приходили?

Если ехать по Николаевской дороге, то верстах в 30-ти от Москвы будет небольшой полустанок Сходня; так называется он по имени речки Сходни, через которую около полустанка перекинут железнодорожный мостик. Речка эта, теперь небольшой ручеек, текущий в глубоком живописном овраге, начинается недалеко от Николаевской железной дороги, а от ее истоков рукой подать до реки Клязьмы, которая также начинается рядом со Сходней. Если итти вдоль по берегу Сходни, пересечь Николаевскую дорогу и спускаться все дальше вниз по ее течению, то мы дойдем до устья этой речки; впадает она в реку Москву, близ Митинских курганов. Между Москвой-рекой и Сходней тут обширные поемные луга, пепересеченные косогорами и холмиками; и вся эта местность при устье Сходни носить такое же название, как и река. А раньше, как говорит летопись, название речки и местности искони, с незапамятных времен, было не „Сходня“, как говорят теперь, а „Всходня“, от слова „всходить вверх, подниматься“. Нам теперь уже сразу понятно, почему так назвали эту речку: вверх по ее течению

можно было восходить из реки Москвы к реке Клязьме, переволочить лодки сухим путем между Всходней и Клязьмой. А по Клязьме можно было проехать в Оку, оттуда в Волгу, в Болгарское царство.

Итак, маленькая, незначительная речонка, название которой мы теперь машинально повторяем, оказывается, может нам очень много рассказать. По ней ехали и так ее назвали люди, которые, несомненно, ездили с торговыми целями; люди эти ехали при этом не с востока на запад, а с запада на восток, по Всходне они поднимались, а не спускались. К какому же племени принадлежали эти люди? Это были, конечно, русские славяне, потому что название „Всходня“ чисто-русское. А если мы проследим течение реки Москвы до самых ее верховьев, то узнаем, откуда ехали эти славяне. Москва-река начинается на границе между теперешней Московской и Смоленской губерниями; значит, славянское племя, ездившее через Всходню, было из Смоленской земли, с верховьев Днепра. Летопись называет это племя „кривичами“. А кривичи были люди торговые. В своих „Смоленских“ лесах, богатых „смолою“, делали они лодки и снабжали ими и северных соседей, ильменских славян, и южных соседей, славян по Днепру, и варягов, заходивших к ним по дороге на юг. В земле кривичей главное их поселение на верховьях Днепра, Смоленск, было, так сказать, станцией на великом водном пути с севера на юг Европы, „из варяг в греки“. Варяги, жившие на Скандинавском полуострове, переплывали Ботнический залив, вдоль берегов Финского залива доплывали до Невы, а по Неве плыли в Ладожское озеро; из него Волховом попадали к Новгороду, в Ильмень-озеро, оттуда рекою Ловатью спускались до „волока“—волочили лодки от Ловати до верховьев Днепра, до города Смоленска. Дальше Днепром была прямая дорога в Черное море, в греческое царство. Из страны кривичей можно было Москвой, Всходней и Клязьмой проехать также на восток, в страну болгар, в хозарское царство, и в Каспийское море; а на северо-запад от страны кривичей течет река Западная Двина, по которой можно было проехать в Балтийское море к немцам. Вот почему кривичи и были торговыми людьми. Когда стали приезжать они в страну мерян, трудно сказать доподлинно. Есть по берегам Москвы курганы, в которых находят вещи не мерянского, а славянского образца: славянские монеты, кресты (кривичи были христиане), оружие и утварь того же типа, какой находят в славянских курганах Киевской и Новгородской областей. Очевидно, это могилы заезжих кривичей. Монеты, какие были найдены в этих курганах, по большей части XI и XII веков; значит, в XI веке уже двигались кривичи

Карта водныхъ путей изъ Новгорода въ Москву и на Волгу.

в мерянскую землю. А в середине XII вѣка уже часть мерянской земли, вплоть до среднего течения реки Москвы, принадлежала Смоленску. Были здесь тогда и славянские городки: как раз у устья Всходни есть пустырь Вышгород, очевидно, на месте старинного славянского города, носившего это имя.

В чем же заключались торговые дела, привлекавшие в мерянскую землю жителей Смоленской земли? Для этого сначала мы

Карта окрестностей Москвы.

должны узнать, кто торговал среди смольнян. У смольнян, как и у других славян Приднепровья и Заднепровья, были князья по большей части из варягов. Князей окружала их дружина, или бояре; княжеские дружинники были самыми знатными и важными жителями днепровских городов. Бояре и князь были также и купцами. Вся торговля была в их руках, кроме них, никто торговлей не занимался. Вам, конечно, это кажется странным: князь и бояре, люди военные—и вдруг купцы, да еще такие, с которыми никому нельзя

было соперничать. Но дело в том, что и торговое дело они вели не так, как его ведут теперь купцы. Теперь купцы торгуют разными товарами, чтобы промыслить себе средства к жизни: один торгует хлебом, а на вырученные деньги покупает себе у другого мясо, овощи, одежду, обувь; так же поступают и другие купцы, а те, кто не торгует, но живет каким-нибудь другим промыслом, покупают все, что им нужно, у различных купцов. Товары, которыми торгуют купцы, делаются в разных местах различными лицами. Там, где зёмля плодородная, жители больше всего занимаются хлебопашеством, сеют только хлеб, чтобы не только хватило самим, но чтобы осталось и на продажу в города или в такие местности, где хлеба родится мало. Там, где хлеба родится мало, жители, напротив, занимаются ремеслами или работают на фабриках, хлеб они покупают, а свои изделия продают туда, где родится много, а жители занимаются больше всего хлебопашеством. Значит, теперь торговля имеет очень важное значение для всего народа, без нее никому не прожить. Можно себе представить, что сделалось бы с москвичами, если бы в один прекрасный день прекратился в Москву привоз хлеба и мяса: магазины и лавки, торгующие съестными припасами, быстро распродали бы свои запасы и закрылись бы, а москвичам пришлось бы умирать с голоду.

Совсем иного рода была торговля, которою промышляли смоленские и другие днепровские князья и их дружины. Они торговали не предметами необходимости. У них были большие вотчины, которые доставляли им все, что нужно для хозяйства: большие запасы „жита“, т.-е. хлеба, целые подвалы меду и вина, стада рогатого скота и табуны коней; а в лесах своих вотчин они всегда могли вдоволь набить дичи и зверя. Продавали они товар не своим одноплеменникам, а везли его в чужие страны: по Днепру в греческое царство, по Западной Двине в Ригу и на остров Готланд, к шведам, по Москве, Оке и Волге к болгарам и хозарам. Везли они товары, которые очень ценились и на востоке, и на западе: меха куниц, лисиц, бобров и выдр, мед и воск. Товары эти они сбывали в обмен на булатное оружие, коней, а главное в обмен на рабов, которых заставляли работать в своих вотчинах. А товары свои доставали они не покупкой, но собиранием дани и разбоем. Князь со своею дружиною был куда лучше вооружен, чем меряне или славяне, жившие в лесах: против булатных мечей конных богатырей залешане ничего не могли поделать. И приходилось им подчиняться городским князьям. Дань определялась просто: по беличьей шкурке или по черной кунице со двора. Каждый год князь со своей дружиной отправлялся на „полюдье“, „хо-

дил в дань“. Эти хождения в дань были иногда настоящими разбойничьими набегами. Князь часто не довольствовался положенною данью, а требовал больше. Так поступал, например, киевский князь Игорь; в конце-концев, древляне, с которых он брал дань, не выдержали и убили его.

Смоленские князья вели торговлю более всего с Ригою и Готландом; они даже заключили с рижанами особый торговый договор. Когда в их „волости“ вокруг Смоленска стало уже мало дичи и зверя, так что не хватало им мехов для торговли, они начали отправлять дружины в страну мерян и заставили жителей мерянского края вплоть до середины течения реки Москвы платить себе дань. Для сбора дани нужны были им остановочные пункты и места для хранения запасов собранной дани. Они и устраивали „городки“ или городища, в роде Вышгорода. Вышгород стоял на очень удобном месте, при слиянии Москвы и Всходни; мы бы сказали, что он был узловой станцией. Вероятно, он был устроен по образцу мерянских городищ. Уже самое название его показывает, что он стоял на холме; был он обнесен валом и частоколом, потому что „городом“ в старину называлось именно такое, обнесенное оградой, огороженное место. А внутри ограды были большие деревянные сараи, в роде балаганов, в которые складывалась собранная дань; один из балаганов отводился под жилье князю или его тиуну, или тысяцкому, или посаднику, если князь не сам собирал дань. Значит, Вышгород и другие „города“, основанные смольнянами, если такие были, представляли из себя нечто в роде укрепленного стана. Постоянных жителей в них не было, населялись они только один раз в году, когда князь или его наместник приезжал для сбора дани. Такими же станами были первоначально и другие города в днепровской Руси, и Смоленск, и Киев, и Чернигов, и Переяславль. Когда приезжал в „город“ князь с дружиной, туда же подплывали чужие купцы, „гости“, как их тогда звали, хозары или арабы, или немцы. И начиналась „гостьба“, т.-е. торг; от этого такие города первоначально звались „погостами“, а в VIII и IX веках постепенно превратились в настоящие большие города. Самый большой из них, Киев, был большим городом, в котором было будто бы 400 церквей, а население его состояло из людей самых различных национальностей: кроме славян, были и варяги, и греки, и немцы, и евреи.

Переселяться из Приднепровья в мерянскую землю заставляли славян не только торговые дела, но также и неурядицы, происходившие в Киевской земле, в особенности княжеские усобицы. У каждого города была своя „волость“, т.-е. область, которая была

под властью городского веча и князя. Выгоднее всего было управлять князю таким городом, у которого волость была больше и богаче. Таким городом был в днепровской Руси Киев. Киевский князь считался старше других князей, носил титул „великий“; когда освобождался киевский стол, начипалась всегда кровавая усобица из-за киевского стола. Один князь говорил, что он должен быть киевским князем, потому что он старше других; сын прежнего князя, напротив, говорил, что он наследник своего отца и потому должен быть киевским князем; тут вмешивалось еще киевское вече и выбирало своего князя. Но выбранному князю часто не хотели уступить другие князья. И начиналась долгая кровопролитная усобица, пока победитель не садился окончательно на киевском столе, подчинив и ограбив побежденных соперников. В других волостях также шли постоянные усобицы. Поспорят или поссорятся два соседних князя— и начинают войну; победитель брал „в полон“ побежденного, т.-е. отбирал у него людей и рабов, а самого заставлял откупаться. Побежденному трудно было оправиться, потому что победитель разорял его обыкновенно до тла. Разоренные усобицами, некоторые князья не оставались больше в Приднепровье, а шли искать себе „волостей“ в другие, не тронутые еще места. Ближе всего и удобнее всего было уйти именно в мерянскую землю. Так ушел в половине XII века путивльский князь Святослав Ольгович, разоренный до нитки. Столько всего было у него добра, что не удалось победителям увезти на возах; тогда они подожгли и княжеский дом и оставшиеся 900 стогов жита, ограбили до чиста и княжескую церковь. Кроме разоренных усобицами князей, шли в мерянскую землю и другие князья, которые видели, что днепровская Русь вся уже „изъехана“, негде больше достать рабов и дани. В половине XI века даже киевская волость стала разоряться, и киевские великие князья, Юрий Долгорукий и Андрей Боголюбский, все больше и больше обращают внимание на Залесье. Юрий Долгорукий часто ездил туда и поставил там несколько городов, в том числе уже известный нам Юрьев Польский и Переяславль Залесский. А Андрей Боголюбский совсем переселился в Залесье, жил не в Киеве, а во Владимире на Клязьме и продолжал только числиться киевским великим князем. Следом за князьями шли и их дружинники. Князья назначали их „управлять“ городами и селами, т.-е. собирать с них дань. Эти-то князья и их бояре и давали вновь построенным в Залесье городам названия, сходные с названиями городов в их днепровской родине.

Но самые древние города, основанные славянами в мерянской земле,—это Ростов и Суздаль, Ростов на известном уже нам Ро-

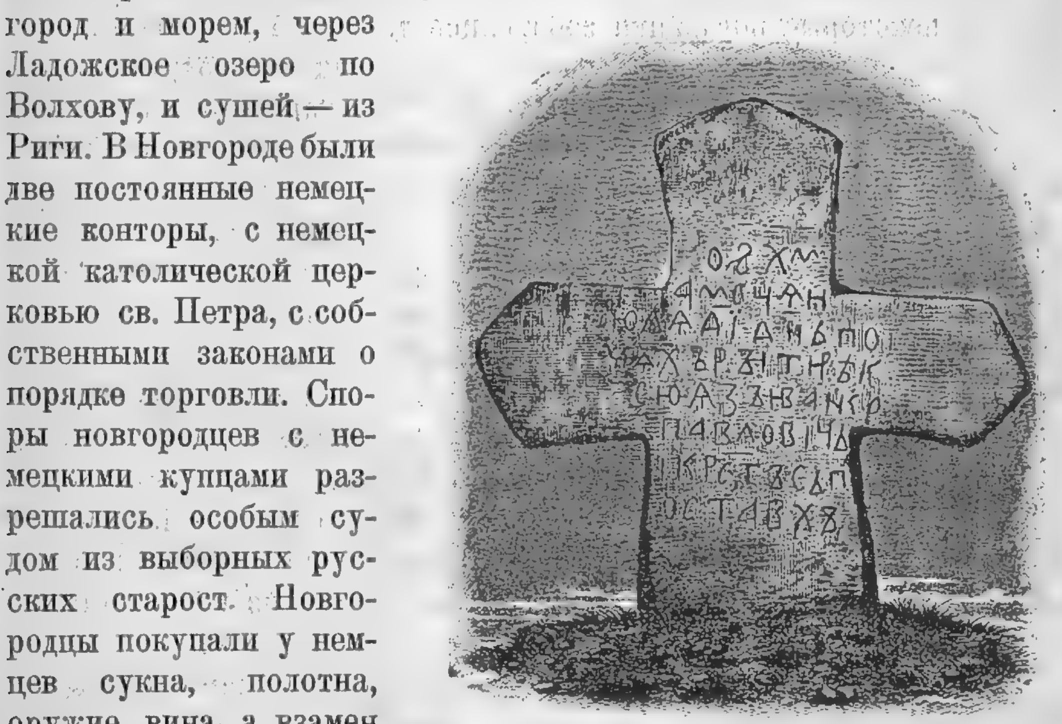
стовском поле, а Суздаль — в 30 вер. к северу от Владимира на Клязьме. По словам летописи, эти города уже были в мерянской земле, когда туда двинулись переселенцы с Днепра. Кто же основал эти города? Если мы поедем из Москвы к Ростову или к Владимиру, то стоит нам проехать верст 100 от Москвы, как в говоре пассажиров, подсаживающихся на поезд в пути, нас поразит о̀канье, т.-е. произношение на *о*: москвичи а́кают, а владимирцы, суздальцы, ростовцы, ярославцы — о̀кают. Но о́канье—отличительная черта говора жителей Новгорода и Новгородской области. Новгород на озере Ильмене—чуть ли не самый старинный славянский город,—лежит гораздо ближе к мерянской земле, чем Киев, и связан с нею многочисленными речными путями. Очевидно, и Ростов и Суздаль были основаны новгородцами; нашу догадку подтверждает и летопись. В летописи рассказывается, что финские волхвы бывали в Новгороде и в подчиненном Новгороду Белозерске; а из Белозерска Шексной, Волгой и Которослью—прямой речной путь к Ростовскому озеру. Летопись прибавляет, что „чудь“, т.-е. финны, в Ростове поклонялись славянскому богу скота Велесу — очевидно, почитание Велеса было заимствовано мерянскими волхвами у белозерцев или самих новгородцев. Но раз финны ездили в Новгородскую землю, то и новгородцы ездили в мерянскую и лет за 100—150 уже основали там Ростов и Суздаль.

Обратим теперь внимание на города, лежащие в Ростовско-Суздальской земле к северо-западу и западу от Ростова: мы встретим и здесь несколько городов, принадлежавших Новгороду, бывших его „пригородами“, т.-е. подчиненными ему городами. Самое название и расположение этих пригородов укажет нам, каким способом передвигались новгородцы в мерянский край и с какой целью.

В верховьях реки Тверцы, впадающей в Волгу под городом Тверью, есть городок Вышний Волочек. Мы знаем уже, что такое „волок“ или „волочек“ — это место, по которому в древней Руси перетаскивали по суше суда из одной реки в другую. Близ Вышнего Волочка, между рекой Тверцой и Мстой, впадающей в озеро Ильмень, проведен в настоящее время Вышневолоцкий канал; в былые времена вместо канала был волок. Город возник здесь, очевидно, потому, что через этот волок часто ездили, и ездили именно новгородцы—город был новгородский. Но раз есть Вышний Волочек, то должен быть и нижний. По приложенной карте (см. стр. 37) мы видим, что правые притоки Волги близко подходят к левым притокам Оки; стало быть, из Волги можно перетащить суда в Оку. И действительно, несколько ниже Твери в Волгу справа впадает река Шоша, а из притока Шоши, Ламы, суда перетаскивались

в Истру, приток реки Москвы. У Ламы в 100 верстах от Москвы, и стоит до сих пор город, который является как бы нижним волоком—„Волоколамск“, т.-е. Волок на Ламе. Это был тоже новгородский пригород.

С какой же целью стремились новгородцы в Ростовский край? Между Вышним Волочком и Тверью стоит на реке Тверце город Торжок: самое название его показывает, что новгородцы проникали в междуречье Оки и Волги, между прочим, с торговой целью. Мы знаем, что уже Смоленск торговал с Ригой, но еще больше развилась торговля с немцами у новгородцев: немцы приезжали в Новгород и морем, через Ладожское озеро по Волхову, и сушей — из Риги. В Новгороде были две постоянные немецкие конторы, с немецкой католической церковью св. Петра, с собственными законами о порядке торговли. Споры новгородцев с немецкими купцами разрешались особым судом из выборных русских старост. Новгородцы покупали у немцев сукна, полотна, оружие, вина, а взамен этого продавали немцам меха, мед, воск; все эти продукты, особенно мед и воск, удобно было получать из лесистой области верхнего и среднего Поволжья. Кроме того, новгородцы вели торговлю и с восточным народом, болгарами, и с русскими землями по Оке; последние доставляли в Новгород хлеб, которого в неплодородной новгородской области, покрытой болотами и озерами, родилось мало. Вот одна из причин поездок новгородцев в мерянскую землю.

Стерженский крест.

Новгород был богатым и сильным городом; под его властью были обширные земли: на запад от него — до Пскова, „младшего брата“ Новгорода, на север—до Невы и великих озер, на восток—до самого Урала, а на юго-восток—до Клязьмы. Сначала Новгород признавал над собою власть великого князя киевского, но о Нов-

городе киевские князья заботились мало, редко там бывали, и понятно, что Новгород скоро стал „вольным“ городом. Все в Новгороде зависело от собрания горожан, веча; вече избирало главного новгородского правителя, посадника, а впоследствии, когда Киев ослабел и разорился, стало выбирать и князя. Посадник и судил, и управлял волостями, и вел сношения с другими государствами, а в отсутствии князя командовал войском. Посадник избирался из бояр, которые, как и в Киевской Руси, были самыми богатыми землевладельцами и купцами. Понятно, что посадник должен был заботиться и о торговле: он заключал договоры с иноземными купцами, а некоторые посадники заботились также об улучшении водных путей. В верхнем своем течении Волга близко сходится с речкой Полой, впадающей в озеро Ильмень; тут также был торговый путь. И вот в самом начале Волга протекает через озеро Стерж. На берегу его есть насыпь в 4 сажени вышиной, зовут ее „городок“; на этом городке недавно еще стоял каменный крест, теперь перенесенный в Тверской музей. На кресте надпись: „6641 (год от сотворения мира, от Р. Х. 1133) месяца июля 14 день почах рыти реку сю аз Иванко Павлович и крест сь поставих“. Иванко Павлович был новгородским посадником; очевидно, он производил какие-то работы, чтобы углубить тут русло реки. Что путь здесь был трудный, об этом говорит и сооруженный здесь крест: на севере есть обычай ставить высокие кресты по речным и морским берегам в тех местах, где в виду трудности или опасности пути следует подкрепить себя молитвой; такие кресты из камня ставили на путях и новгородцы, называя их поклонными[1]).

Понятно, что между новгородцами и пришельцами из Поднепровья могли происходить распри и войны. Южные князья захватили Суздаль и построили Владимир на Клязьме, а затем хотели подчинить себе и Ростов, и другие новгородские пригороды. Память о кровавых столкновениях между северянами и южанами хранят многие курганы. Недалеко от Юрьева Польского есть речки Гза и Липица, а между ними несколько курганов и остатки старинного вала. Это—следы двух битв: в одной владимирцы победили ростовцев, а в другой новгородцы и ростовцы победили суздальцев. На месте первой битвы, в верхнем слое одного из курганов, найдено много лошадиных костей: конская рать составляла главную силу в древнерусском войске. На конях выходили на войну тяжеловооруженные воины, из бояр и других зажиточных людей, в же-

[1]) Несколько поклонных крестов имеется в Ростовской Белой палате, а точное изображение Стерженского креста—в Московском Историческом музее.

лезных бронях и кольчугах; из бедных людей составляли пешую рать, а если она и шла в поход на конях, то, по непривычке к верховой езде, часто предпочитала сойти с коней перед битвой; вооружена она была щитами, короткими копьями и топорами. Войско распределялось на пять полков: „большой“ полк в середине, „правая“ и „левая“ рука по бокам, „передовой“ — впереди и „сторожевой“—позади. Полками командовали воеводы из бояр, а главнокомандующим был или князь, или посадник. И после смерти не одна была честь человеку лучшему и простому. В другом кургане было найдено 29 человеческих скелетов; из них три были в гробах, обращенных головами к востоку; на черепах оказались остатки позумента, украшавшего шапки, а у шеи—пять золотых пуговок от ворота. Это три новгородских боярина, и мы знаем из летописи даже их имена: Добрыня Долгий, Иванко Степанович и Матвей Шибутович. Бояр похоронили заботливо, а остальные 26 скелетов лежат в кургане без всякого порядка, без всяких украшений: очевидно, это простые люди, которых похоронили кое-как.

Но в мерянскую землю шли не только торговые люди, не только князья и их бояре, искавшие новых мест для сбора „оброков и дани“. Простое население Приднепровья и Новгородской земли, платившее князьям и боярам дань, также переселялось в мерянскую землю. Простые люди Приднепровья, „смерды“, как их там звали, тянутся в Залесье с XI века. Многие причины заставляли их переселяться. Не то, чтобы они хотели уйти от обязанности платить дань: дань приходилось платить и в Залесье. Но в Приднепровье они не могли спокойно жить и заниматься хозяйством. Княжеские усобицы их не щадили: конная княжеская дружина вытаптывала поля, поджигала избушку смерда, если она мешала военным действиям. А управы было искать негде, жаловаться некому; смерд—человек „под данью“, подданный, и для него закон, ограждающий жизнь и имущество городского жителя, не существовал. Городской житель мог всегда найти управу на обидчика; но смерду найти управу было трудно. А еще хуже, чем княжеские усобицы, были для смерда набеги кочевников из степи. Правда, князья должны были сторожить русскую землю от их набегов, строить крепости, выходить в степь и истреблять их; но, занятые своими усобицами, они плохо это делали. И горожанам за стенами приходилось от кочевников плохо; а смерды ничем не были защищены: выедет смерд пахать, а на него вдруг налетит половчин, самого убьет, а жену и детей уведет в рабство. Потому-то и беспокойна была жизнь смердов в Приднепровье. К тому же и зверя

в лесах становилось все меньше: леса вырубались, а зверь уходил. Так и тянулись смерды из Приднепровья в Залесье.

Переселялись в мерянскую землю и простые новгородские люди, „черные люди“ или холопы, как их там в насмешку звали (холоп—собственно значит раб). О переселениях новгородских холопов до сих пор говорят нам названия сел и монастырей в Моложском уезде, Ярославской губернии и в разных местах Тверской губернии. Так, в 50 верстах от впадения р. Мологи в Волгу есть село Борисоглеб, иначе называемое Старое Холопье, а недалеко монастырь—Афанасьев-Троицкий-Холопий; много сел и деревень Холоповых. Целая Холопья улица была в Новгороде, а недалеко от Новгорода, на р. Волхове, был в XIII в. тоже Холопий город. Какая же беда гнала с родины новгородских холопов? В Новгороде население делилось на вящших, или лучших, т.-е. бояр, купцов, и „молодших“, т.-е. младших, простых людей, крестьян и чернорабочих. Молодшие во всем почти зависели от богатых, так как плодородной земли здесь было мало, всю ее захватили бояре, и земледельцам осталось жить на боярской земле за дорогую плату; не заплатит земледелец боярину во́-время, и приходится отрабатывать долг, превращаться в подневольного работника. Чернорабочие в городе тоже работали на богатых: перевозили товары, делали разные ремесленные работы. Понятно, что вящшие нередко могли помыкать молодшими, не только называть их холопами, но и обращаться с ними, как с холопами. Бедные и богатые не были равны и на новгородском вече. Перед собранием веча бояре заранее решают на своем совете, как следует постановить; молодшие люди присутствуют на вече, но чаще всего только присоединяются к боярскому решению, так как не смеют ему перечить. А если все-таки молодшие захотят решить по-своему, то прибегают к силе, бросаются на боярские жилища, грабят их, начинается смута, после которой многим молодшим все-таки достается от богатых. Выходит, что молодшим людям жилось в Новгороде плохо, и потому они стремились к выселению, основывали поселки на новых местах; к молодшим присоединялись, может быть, и настоящие беглые рабы-холопы, и так возникли городки и села, названные холопьими. Иные из новгородцев образовывали вольные дружины, плававшие по Волге в особых лодках или „ушкуях“, по имени которых и сами дружинники назывались ушкуйниками. Ушкуйники занимались разбоем и также основывали иногда городки. Так в XII в. новгородские ушкуйники положили начало городу Вятке: в летописи сказано, что новгородские бояре называли основателей Вятки своими рабами, но на самом деле это были не рабы, а просто молод-

шие люди, которым трудно было жить дома из-за боярских притеснений.

Когда славяне приходили в Залесье, они отличались от мери не только своим языком и внешностью, но также и верой: они были христиане, и эта кличка стала к ним применяться постоянно, в отличие от мерян, так появилось название „крестьяне“. Но отличие недолго просуществовало. Встреча мерян и славян была мирная. Живя бок о бок, рядом, платя дань одному и тому же князю, пришельцы христиане и финны постепенно сближались; меряне и другие финские племена принимали христианскую веру, язык и обычаи пришельцев, потому что пришельцы были гораздо культурнее их. Между пришельцами и мерянами заключались браки, и постепенно оба народа, финны и славяне, смешались, составили одно племя, которое зовется теперь великорусским. Ни финнов, ни славян в нашем крае больше нет; о них остались только одни воспоминания. Великорусское наречие, на котором мы говорим, сильно отличается от украинского и белорусского, на которых говорят прямые потомки приднепровских славян; внешний вид великоруссов также иной, чем вид украинцев. От финнов великоруссы заимствовали белокурые волосы, светлые глаза, окладистые бороды; от славян—высокий рост, русскую речь, быстрый ум. От мери и других финских племен остались только курганы, городища и названия (вспомните, что рассказано во II статье); от первоначальных славянских поселенцев осталось также только то же самое—курганы, городища и названия. Так в XIII веке образовалось в Залесье племя великорусское. Оно постепенно распространялось на юго-восток, к Каспийскому морю и за Волгу и Урал—в Сибирь и Забайкалье; оно подчинило себе с течением времени западных соседей и долгое время властвовало над ними, пока великая революция не дала всем народам России равноправия и не соединила их в братский союз крестьян и рабочих.

IV. Христианская вера.

Мы познакомились с первоначальным населением нашего края, с первобытными верованиями финнов-мерян, узнали, как среди финнов водворились славянские поселенцы с юго-запада и севера, как они основали свои города, а в городах появилась славянская княжеская власть. Теперь посмотрим, как с приходом славян проникает в наш край новая вера—христианство, и как распространяли эту веру не только славянские поселенцы из днепровской Руси,

но также и пришельцы с севера, Руси новгородской, занявшие верхнее Поволжье еще до появления здесь днепровских славян.

Сядем на поезд Ярославской ж. д. и после семи часов езды приедем из Москвы в уездный город Ярославской губ. — Ростов Великий.

„Ехал чорт в Ростов, испугался крестов", говорит одна из русских пословиц. Действительно, Ростов, хотя и не славится так, как раньше, своею торговлей, богат до сих пор своими церквами и стариной. Еще издали, подъезжая к Ростову во время церковной службы, вы услышите звон ростовских колоколов, правильно подобранных друг к другу, так что на них можно вызванивать неко-

Вид Ростовского кремля.

торые церковные напевы. Над городом высятся главы многочисленных церквей; пять церквей расположены на стенах самого ростовского кремля, который, со своими старыми башнями, стоит, словно задумавшись, над глубоким озером Неро. С одной из кремлевских башен, Садовой, открывается прекрасный вид на озеро и на ростовскую окрестность, и здесь нередко можно встретить художника, рисующего с натуры. Войдем в кремль. Здесь мы увидим соборный храм успения богоматери; против него, с другой стороны, Ростовский музей древностей, устроенный в так называемой „Белой палате", где некогда ростовские митрополиты принимали знатных гостей; к Белой палате примыкают прежние княжеские терема — жилище древних князей ростовских, — и прежняя „Отдаточная палата", где, при прощании, отдавали гостям последний поклон. Обой-

дем по галлерее вокруг кремля, заглянем в построенные на стенах храмы. Внутренность их поразит нас тонкой резьбой царских врат и иконостасов, богатой и яркой живописью на стенах; близ куполов в стенах храмов мы заметим отверстия, похожие на отдушины— это „голосники", для усиления звука при церковном пении. Храмы полны света, а в одном из них разноцветная живопись стен получает особенно красивое освещение от разноцветных окон. За пределами кремля, в одной из приходских церквей есть икона с изображением всех ростовских чудотворцев и святых—их более 20.

Старинные здания, которые бросятся нам в глаза в Ростове, все почти относятся к XVI — XVII в. Ростов — древнейший русский город, который, как и Суздаль, стоял уже между Окой и Волгой ко времени прихода сюда переселенцев с Днепра. В Ростове найдутся, конечно, предметы, которые расскажут нам, какое значение имел этот город в начале русской истории. Теперешний ростовский собор построен в 1411 г.; но, войдя в него, обратим внимание на южный придел храме, устроенный ниже поверхности земли, в подпольном помещении. Это остаток более древнего храма, который стоял на месте нынешнего; спустившись по ступенькам к маленькому иконостасу придела, увидим по правую его сторону золоченую раку, в которой хранились останки епископа ростовского Леонтия, одного из проповедников христианства в Ростовском краю. Владимир святой, князь Киевский, принял крещение от греков около 988 г., и тогда же крестились киевляне; немедленно по крещении киевлян князь отправил проповедников в далекий финский край, где уже были и славянские поселенцы. В киевской и вообще днепровской Руси давно торговали или воевали с греками, давно были знакомы и с греческой верой — христианством, а потому и введение христианства здесь не встретило препятствий. Наоборот, в Ростовском краю, отрезанном от прямого сообщения с Киевом глухими лесами, старая вера держалась упорнее. Первые христианские епископы Ростова, Феодор и Иларион, должны были бежать от ростовцев, так и не успев обратить их в христианскую веру. Только третий епископ решился не оставлять проповеди — это был Леонтий, инок старейшего русского монастыря, Киево-Печерского. Леонтий пришел в Ростов, вероятно, из южной Руси; но так как ростовцы впоследствии ни в чем не хотели уступать киевлянам, то сложилось сказание, что, как киевские проповедники прибыли в Киев из столицы Греции — Царьграда, как будто бы и Леонтий был родом грек и прибыл в Ростов из Царьграда. Около Ростова стоит маленькая каменная церковь во имя архистратига Михаила, построенная в XVIII в.; здесь, как рассказывают, стояла раньше

деревянная церковь, построенная Леонтием, когда он, преследуемый сторонниками старой веры, должен был переселиться из города в его окрестность. Живя близ церкви, Леонтий, по преданию, старался привлечь на сторону христианства детей, а через детей действовать и на родителей. Местные жители плохо поддавались проповеди: они так привыкли к своей старой вере, с детства выросли в той мысли, что и радость и горе, и удача и неудача, и урожай и голод — все посылается их старыми богами, которых нельзя не чтить; а в новой вере столько было непонятного и чуждого. Мы мало знаем о жизни Леонтия, но все-таки можем с достоверностью сказать, что его деятельность закончилась смертью от рук язычников. Недалеко от придела Леонтия, близ главного иконостаса, уже над уровнем пола, лежали останки преемника Леонтия, Исайи, также пришедшего из Киево-Печерской лавры. Проповедь его шла успешнее, чем у Леонтия, но, пробыв епископом 13 лет, Исайя все-таки покинул Ростов и скончался в Киеве. Так через Ростов стала распространяться христианская вера из Киева на северо-восток, хотя с большими препятствиями. В Ростове и близ него строились церкви, монастыри; церковное богослужение приучало население к новой вере, а в монастырях могли найти себе убежище те христиане, которые еще подвергались преследованию со стороны язычников. Старую веру каждый с малолетства узнавал из рассказов родителей и стариков; с учением новой веры надо было знакомиться из книг. Еще раньше, в VIII в., была изобретена греком Константином славянская азбука для западных славян, а теперь чтению и письму по этой азбуке стали учиться и некоторые русские люди.

Впрочем, победа христианства над язычеством не уничтожила окончательно старой веры. Прежние боги казались попрежнему живыми существами, и им даже приносились жертвы; рассказы про старых богов теперь перемешались с христианскими рассказами о боге и его святых. Образовалось так называемое „двоеверие“, а простой народ, по местам, и до сих пор верит в старых языческих богов—домовых и леших. Как перемешалась новая вера со старой, очень хорошо видно из рассказов о жизни третьего ростовского проповедника христианства Авраамия. Из собора отправимся в окрестности города—в Авраамиев богоявленский монастырь, лежащий близ озера, по левую сторону от дороги. Здесь в храме богоявления господня, среди лепных украшений северного столпа собора, найдем изображение медного шестиконечного креста, в роде крестов из новгородских церквей. Житие Авраамия рассказывает, что такой крест был на его жезле, и им сокрушил он идола Велеса (самый крест находится в Ростов-

ской Белой палате). Велесу поклонялся в Ростове целый чудский конец, т.-е. часть города, в которой жили финны. По словам сказания, Авраамий, хотя и не поклонялся идолу, но признавал его за живое существо, и притом могущественное: сказание говорит, будто бы идол волшебными чарами долго не позволял Авраамию приблизиться к себе. Вера в идолов соединялась и с верой в особенное могущество бесов, как видно из другого рассказа о том-же Авраамии. Хочет раз Авраамий умыть руки перед церковной службой, вдруг вошел в умывальник нечистый, чтобы помешать Авраамию. Авраамий возложил на умывальник крест, бес уже не мог выйти из умывальника, оказался запертым, как в клетке; и лишь когда, в отсутствие Авраамия, князь Владимир нечаянно снял крест,

Змеевик (лицевая и обратная сторона).

бес будто бы вышел в виде смрадного столба дыма и нашел случай отомстить святому, оклеветав его перед князем. Бог и бес,— думал народ, — почти равны по силе, и беса можно победить только после долгой борьбы. В ограждение от беса новокрещенные русские люди усвоили себе обычай носить особые образки, так называемые змеевики: на одной стороне изображалась богоматерь или святые, а на другой — дьявол в виде головы с расходящимися от нее змеями. Зайдите в Московский Исторический музей: в зале VII, в витрине посреди комнаты, вы найдете много таких змеевиков.

Но христианская вера проникла в наш край и с другого конца—из г. Мурома. Вернемся из Ростова в Москву и предпримем отсюда путешествие в Муром, город, лежащий на Оке, в ее нижнем течении. Это опять-таки очень небольшой городок, но богатый древними церквами. На одной из городских площадей мы встретим

часовенку, которая, как скажут нам местные жители, поставлена на месте убиения князя Михаила. Что это за князь Михаил? Поищем ответа в старинных храмах Мурома. Вот в конце Московской улицы, направо, блестит своими главами Благовещенский монастырь. Северная галлерея главного храма привлечет нас своею росписью, а особенно одной старинной иконой направо от входа: на ней представлено обращение муромцев в христианство князем Константином Святославичем; тут, между прочим, изображено и то, как сын Константина, Михаил, посланный к муромцам для переговоров о вере, был убит сторонниками старой веры. Константину пришлось пойти войной на муромцев и, только победив их оружием, построив в Муроме несколько церквей, успел он утвердить новую веру.

Новая вера постепенно вытеснила старую, но долго еще не мог расстаться народ с привычными для него священными обычаями предков; а кое-что из старых обычаев продолжает жить и до сих пор. По местам еще зажигают и теперь костры в ночь на Ивана Купала, как бы для большого жертвоприношения; в радуницу, после пасхи, носят на могилы усопших пищу и питье; в Троицын день наряжают молодую, свежую березку и носят ее с песнями, как божество весны... И кажется, что при этих праздниках даже люди нашего времени возвращаются к далекому прошлому, когда, по словам старинных проповедников, одни приносили жертвы источникам, другие озерам, третьи растениям и камням...

V. Княжеский город Суздальской Руси.

Познакомившись с жизнью новгородцев и днепровских славян и узнав, какими путями и зачем приходили они в Суздальскую Русь, посмотрим теперь, как устраивались они и жили на новом месте. Для этого нам лучше всего совершить прогулку в московский Кремль. Отправимся туда, но не через главные ворота, Спасские, выходящие на Красную площадь, а через другие ворота, с противоположной стороны, со стороны Большого Каменного моста. Представим себе, что мы идем в Кремль из Замоскворечья; не доходя немного до Большого Каменного моста, мы пройдем мимо низменной части города, лежащей теперь между Водоотводным каналом и Москвой-рекой. Это место называется Болотом. Странное название для площади, вымощенной камнем, застроенной каменными амбарами и домами и покрытой в сухую и ветреную погоду столбами пыли. Но мы уже привыкли угадывать смысл таких странных названий; очевидно, что в те времена, когда еще только зарождался

город Москва, эта часть низменного берега р. Москвы была, действительно, болотом. Пройдя Болото, мы взойдем на Большой Каменный мост, высоко поднявшийся над рекою. Но еще выше его, справа на противоположном берегу реки, поднимается круча, а на ней расположился Кремль. Высоко над рекою стоит Кремлевский дворец, прямо над обрывом к реке; внизу обрыва—зубчатые стены и башни с бойницами, а откос обрыва покрыт, точно зеленым ковром, шелковистой травою. Только в сторону моста, к угловой башне, обрыв сглажен, вместо него идет пологий спуск; еще недавно, лет 60 — 70 тому назад, когда строили Большой Кремлевский дворец, и тут покатого спуска не было, а был такой же крутой обрыв. Полюбовавшись на вид Кремля, посмотрим набережную реки между угловой кремлевской башней и мостом. В набережной мы сейчас увидим сводчатое отверстие, слишком большое для обыкновенной сточной трубы. Это, действительно, не сточная труба, а подземная труба, в которую заключена река Неглинка. Еще лет сто тому назад эта речка текла открыто вдоль западной кремлевской стены и впадала в реку Москву в том самом месте, где мы видим отверстие в набережной. По имени этой речки называются теперь улицы, под которыми проложена труба: Неглинная улица, идущая вдоль Кремлевской стены и Александровского сада, и Неглинный проезд, от Театратральной площади до Трубной площади. Речка маленькая, всего на 4 — 5 верст протянулось ее теченое, и теперь она умещается в узкой каменной трубе. Но в старину, когда здесь был густой бор, речка эта была, правда, узкая, но очень полноводная. А самое главное, тот ее берег вблизи устья, на котором расположился Кремль, был такой же крутой и обрывистый, как и кремлевский берег Москвы-реки. Сто́ит нам только сойти с Каменного моста и войти в Александровский сад, как мы убедимся в этом. Западная стена Кремля громоздится на отвесной высокой круче; а при таком береге даже маленький ручеек в старину был уже серьезным препятствием для того, кто вздумал бы напасть на жителей, поселившихся на крутом берегу.

Когда еще не было Москвы, место это было покрыто дремучим бором, только поблизости рек были открытые заболоченные прогалины. Круча на берегу Москвы при впадении в Москву Неглинки была сразу заметна для глаза: из-за Москвы реки ее было видно с Болота, из-за Неглинки она была видна с другого болота, память о котором сохранилась в названии „Моховой“ улицы, идущей рядом с Неглинной улицей. И на круче еще в незапамятную старину поселились люди, вероятно, еще меряне. Когда строили Большой Кремлевской дворец, то пришлось сломать древнюю цер-

ковь Иоанна Предтечи, чтобы очистить место для площади перед дворцом; под полом этой церкви нашли лошадиную голову и лошадиные и коровьи кости. Значит, тут было жилье; может быть даже на том самом месте, где стояла церковь, было старинное капище, а кости остались от жертвенных животных. Можно даже догадаться, в честь какого бога было капище: наверное, в честь бога Купала, так как обычно во время распространения христианства церкви оа месте капищ в честь Купала строили во имя Иоанна Предтечи (Иван-Купала), как на месте капищ в честь Перуна строили церкви во имя Ильи пророка. Когда появились здесь переселенцы с Днепра,

Современный вид Кремля от Б. Каменного Моста.

то кремлевская круча сразу приглянулась им для поселения. Место неприступное, хорошо защищенное самой природой, и не глушь какая-нибудь, а прямо на берегу торгового пути — вы уже знаете, что по реке-Москве езжали и новгородцы и смольняне и на Оку и на Волгу, а по берегам Москвы было немало мерянских поселений и славянских станов.

Конечно, местность тогда имела совсем иной вид, чем теперь. Не было ни гранитной набережной, ни мостовой, ни тенистого Александровского сада, ни громады домов и улиц кругом. Вместо того кручу окружал бор, сосновый и еловый густой лес, воздух был смолистый и ароматный, не испорченный парами серы из фабричных труб и песчинками городской пыли, поднимаемой ветром с мостовой. Под обрывистым берегом, поросшим также соснами и

Первоначальная Москва (ориг. рис.).

елями, текла река Москва, широкая и полноводная, а в нее с веселым журчанием вливалась быстрая Неглинка. На круче расположился княжеский „город“, то самое маленькое зернышко, из которого выросла впоследствии необъятная Москва. По круче лепилась бревенчатая ограда, „тын“ из остроконечных бревен, поставленных рядом друг с другом плотною стеною, чтобы не было между ними даже маленькой лазейки, а на углах стояли деревянные четыреугольные башеньки, в верхних этажах которых жили сторожа и с вышины наблюдали, не подбирается ли откуда к городу враг. Ворота в „город“ были в башенке, стоявшей как раз на том самом месте, где теперь находятся Боровицкие ворота. Эти ворота—самые древние в Кремле; и название свое они получили от того бора, который когда-то окружал со всех сторон кремлевскую кручу. Теперь к Боровицким воротам ведет вымощенный камнем проезд над трубой, в которую заключена Неглинка; проезд постепенно поднимается кверху, к воротам, и пешеход даже не замедляет шага, взбираясь на эту гору. А в старину пробраться в „город“ было не так легко, как в теперешний Кремль. Если пешеход направлялся к „городу“ со стороны замоскворецкого болота, то через широкую Москву он мог переправиться только на лодке; а если пешеход шел из какого-нибудь села к северу от городка, то ему нужно перейти по утлому узенькому мостику через Неглинку и потом с трудом подниматься на кручу по узенькой дорожке. Проехать по этой дорожке можно было только верхом на лошади, на повозке проехать было нельзя. Поднявшись на вершину кручи, дорожка поворачивала вдоль дубовой стены налево, к воротам, пробитым в деревянной башне. Тяжелые дубовые ворота день и ночь были закрыты; их открывали только тогда, когда кто-нибудь уходил из „города“ или приходил в него. Над воротами была вделана в стену икона; всякий входящий благоговейно снимал перед ней шапку и крестился. Пройдя через ворота внутрь „города“, мы очутимся в древнейшей Москве. Совсем не похож был вид ее на теперешние кремлевские здания.

Первое здание, которое бросается нам в глаза, это маленькая деревянная церковь, стоявшая прямо против ворот. Эта церковь, во имя Иоанна Предтечи, была построена здесь еще раньше, чем был срублен город. Кто ее построил и когда, неизвестно; летопись только говорит о ней, что она „в том бору была и рублена“, т.-е. была построена из деревьев, срубленных тут же на месте; летопись еще рассказывает про нее, что в 1461 г. она сгорела, и на ее месте построили каменную церковь во имя того же Иоанна Предтечи. Эта маленькая церковь, как я уже говорил, была сломана во время

постройки Большого Кремлевского дворца, но место, где она стояла, легко найти: идя от Боровицких ворот ко дворцу, надо отсчитать 120—150 шагов, и на таком расстоянии от ворот и будет место, где стояла самая старинная церковь Москвы. На месте теперешней Оружейной палаты, построенной вдоль западной стены Кремля ближе к Боровицким воротам, стояли княжеские палаты. Направо от церкви были построены амбары, баня и помещения для дворовых людей, и тут же кончался и город. Задняя стена его проходила между Неглинкой и Москвой-рекой в том самом месте, где начинается здание Кремлевского дворца. Вот и весь маленький зародыш теперешней огромной Москвы! Но как из крохотного зернышка вырастает могучее высокое дерево, так и из этого маленького городка на кремлевской круче вырос теперешний город Москва с населением в два миллиона человек. Как это вышло, об этом я еще буду говорить; а теперь посмотрим, как и кто жил в этом городке в XII веке, т.-е. 800 лет тому назад. Как жили тогда в Москве, так жили и во всех других таких же городах; каков был московский князь, таковы были и другие князья, его соседи.

Первым князем, устроившим на кремлевской круче город, был владимирский великий князь Андрей Боголюбский; раньше тут, вероятно, было только „село“, а не город. Городом тогда называлось огороженное укрепленное поселение, которое могло быть защитой для живших в нем и убежищем для окрестных жителей. На кремлевской круче был устроен деревянный, дубовый город, как и большинство других городов. Тогда только богатые „стольные“ города, где жили большие князья, которые вместе с боярами вели торговлю, были каменные, т.-е. стены, княжеский дворец и церковь строились из камня. Каменными были Владимир на Клязьме, построенный греческими мастерами, Ростов, Тверь; Москва же была маленьким городком, спервоначала никакой торговли не вела, и построили ее из дерева. Поэтому и все постройки в ней были незатейливы, не такие, как во Владимире или в Суздале. Каменные храмы в этих городах строились на греческий образец, были для того времени огромными и величественными зданиями. А из дерева „божий дом“ рубили так же, как рубили и человеческое жилье, как рубят крестьянскую избу. Складывали из бревен четыреугольную „клеть“ (клетку), покрывали ее двухскатной крышей из теса или из мелко нарезаной щепы, посредине крыши ставили купол с крестом, а спереди и сзади делали две маленьких постройки: спереди для входа или сеней, а сзади для алтаря. Пол в церкви делали высоко над землею, так что окошки приходились под крышей, и в церкви было темно и низко. Иначе и нельзя было сделать: зимой

вьюги заносили глубоким снегом все строения, и если бы окна делались невысоко над землею, их замело бы вплотную снегом. И внутри церковь была также проста и незатейлива, как и снаружи. Узкие окошечки под самым потолком были затянуты слюдою; стекла тогда не было. Не было такого иконостаса, как в теперешних церквах; алтарь отделялся от внутренности церкви простою стеной; в ней делались три двери, а над дверями устраивали полочки, на которые ставили икону, считавшуюся покровительницей города и еще одну-две иконы. Такие церкви еще и теперь можно увидеть

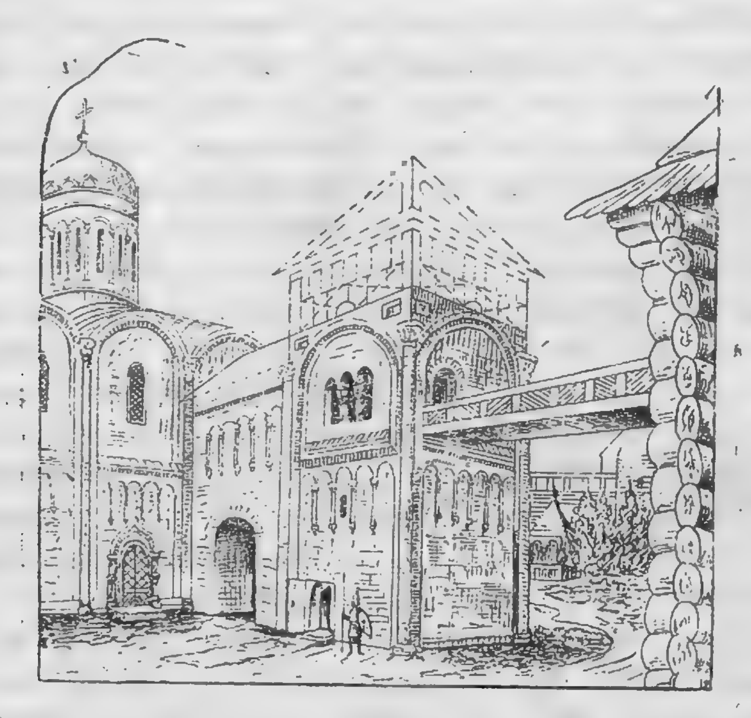
Старинная церковь в селе Турбичеве Дмитр. у. Моск. губ.

где-нибудь в глуши, в дальних уездах Московской губернии, в Костромской, Вологодской или Архангельской губерниях. Около такой скромной церкви не было и колокольни; колокола были очень дороги, и даже у каменных церквей в больших городах не всегда были колокольни. Около церкви ставили под навесом просто металическую или деревянную доску, она и заменяла колокол. Перед началом службы сторож ударял палкой о такую доску, и для маленького городка этого было достаточно. Удары гулко разносились по двору, их сейчас же повторяло эхо в соседнем бору, и, услыхав их, жители княжеского дворца спешили на молитву в свою церковь. Кроме князя да приближенных, никого другого туда не пускали;

церковь в княжеском „городе“ считалась как бы домовой церковью князя, он был в ней хозяин. По всей вероятности, княжеская церковь даже соединялась с дворцом особым переходом: по крайней мере такое было устройство в Боголюбове, недалеко от Владимира, где были построены дворец и церковь Андреем Боголюбским; здания эти частью сохранились до сих пор. Там в церкви были устроены хоры, или „полати“, как их тогда называли, а от них шел переход во дворец, сначала над аркой, затем по второму этажу башни, а оттуда был перекинут мостик к самому княжескому дворцу. От Боголюбовского княжеского дворца ничего не осталось, но церковь (Рождества Богородицы), переход над аркой и башня были каменные и в переделанном виде уцелели до сих пор. Если побываете в Боголюбове, зайдите в церковь; увидите там и эти „полати“ и увидите, как строились в старину каменные церкви. Такие же „полати“ до сих пор существуют и в Звенигородском Успенском соборе, недалеко от Москвы.

Княжеские „хоромы“ устраивались столь же просто и без затей; строились они, конечно, основательно, прочно, но по своему внешнему виду близко напоминали теперешние избы зажиточных крестьян в северных губерниях. Если посмотреть на княжеский дом снаружи, то сразу бросится в глаза странная особенность: дом как будто двухъэтажный, но окна только в верхнем этаже, а низ без окон, точно слепой. И действительно, дом двухъэтажный; жилые комнаты помещались наверху, их так и звали обычно „горницы“, т.-е. верхние комнаты. А в нижнем этаже, в „подклети“, как его называли, были кладовые, чуланы и подвалы. Делалось так по той же причине, по которой в церквах высоко поднимали пол: чтобы зимняя вьюга не заносила окон снегом, и чтобы не заливала жилых помещений вешняя вода от талого снега. В „горницы“ снаружи вело крылечко, начинавшееся лесенкой; взобравшись по лесенке наверх, мы попадаем на площадку, или „рундук“, как ее тогда называли. Над лесенкой и рундуком устроена досчатая крыша, стоящая на резных столбиках. С рундука дверь ведет в сени, а оттуда в обширную горницу, так называемую „столовую“ или „крестовую палату“. Столовой она называется потому, что в ней стоит большой стол, окруженный скамейками и деревянными креслами: тут князь задает пиры, угощает гостей, когда они собираются к нему на праздник. А крестовой она называется потому, что здесь, в красном углу, всегда стоит огромная божница, наполненная иконами. Тут мы увидим икону „ангела“ князя, живущего в доме, т.-е. икону того святого, имя которого носит князь; тут мы увидим и дедовские и прадедовские иконы, переходящие от отца к сыну, из рода в род:

все, так сказать, домашние боги, без которых не смел двинуться ни шагу древнерусский человек. Стены крестовой комнаты увешаны добычею князя. Тут висят и лосиные рога, с головой лося, убитого в подмосковном бору, и оружие соседа, побежденного им в бою, и целая коллекция луков, стрел, дротиков, с которыми князь ходит на охоту. Из крестовой палаты двери ведут во внутренние горницы дома, в опочивальню князя и княгини, в комнаты княжен и молодых князей. В этих комнатах зимой сосредоточивается вся жизнь дома. Только эти комнаты отапливались; в столовой печи не было, и ею можно было пользоваться только летом. В жилых комнатах обста-

Палаты Андрея Боголюбского в Боголюбове.

новка была еще проще, чем в крестовой палате. Окна затянуты тонкой промасленной кожей, плохо пропускающей свет; мебель—вся деревянная, только в поставце (т.-е. в шкапу) мы увидим дорогую вещь, серебряный ковш или золотую чашу.

Однообразно и скучно тянется жизнь княжеской семьи осенью и зимою. Княгиня и княжны, с помощью девушек, приглашенных из княжеских сел, прядут и ткут; надоедливо стучат прялки и веретена, трещит дымная лучина, а старая мамка, выходившая и княгиню и молодых княжен, развлекает работающих разными занимательными рассказами про лесных зверей, про куму-лису и ее проделки, про серого волка, про чудесную жар-птицу, а то и про какого-нибудь монаха-отшельника, про его чудесные приключения с бесами. Но, весной, как только сойдет снег и провянет земля,

жизнь из дома выходит наружу. Князь ездит на охоту, на сбор дани с своих сел, на войну вместе со своим великим князем; княгиня и княжны распоряжаются на огороде около дома, а когда поспеют грибы и ягоды, то ходят целыми днями с девушками в соседнем лесу.

В лесу и на болоте охотится сам князь; много и пернатой и звериной дичи приносит он с охоты. Проворные и искусные руки его жены и девушек приготовляют из дичи вкусные горячие кушанья к столу и заготовляют мясо на зиму: вялят на солнце лосиное и кабанье мясо, солят окорока и коптят их. Но одна только охота не может прокормить князя и его домочадцев: не всегда она бывает удачна, да и прискучат все время одни мясные блюда. К обеду нужны и хлеб, и овощи; в праздничный день надо испечь пирог. А потом мало ли еще есть всяких хозяйственных потребностей: нужно запасти корм на зиму и для домашней скотины, для княжеских коней, коров и овец, надо производить всякие починки и домашних построек и мебели, делать посуду и шить обувь. Между тем князь только охотится, да на войну ездит, да пиры задает; и все-таки во дворце у него всегда полная чаша. Откуда же все это берется?

У каждого князя было много доходов с принадлежавшей ему земли. Если посмотреть кругом с одной из башен московского городка, то, насколько хватит глаз, вся земля кругом княжеская. Понятно, что один князь, сам по себе, не мог такое огромное пространство земли обработать или использовать; для этого нужны были еще люди, много рабочих рук. Глядя с башенки, мы видим, что на княжеской земле есть селения, „села“: к северо-западу и к северо-востоку от княжеского дворца видны дымки, поднимающиеся из-за леса; это—княжеские села Сущево и Кулишки (села эти были на тех местах, где теперь расположены городские кварталы, носящие те же названия). Прямо на запад от дворца видно вдалеке сельцо Дорогомилово, за рекой Москвой; на востоке от дворца видно сельцо Рогож, за большим лугом, за Яузой. На месте теперешнего Замоскворечья тоже видны села; одно из них расположилось за болотом, на большой поляне, там, где теперь улицы Большая и Малая Полянка. Это сельцо так и звалось „под бором“. Все жители этих селений жили под защитой и управлением князя. Куда было им деваться, если придут враги? Князь откроет тогда для них ворота своего города-дворца, и они отсидятся там вместе с князем. К кому обратиться с жалобой на обидчика, укравшего какую-нибудь вещь или убившего кого-нибудь из семьи? Тоже к князю, притти к нему на двор, он выслушает жалобу и рассудит. Но князь

все это делал не даром. Он говорил крестьянам: вы живете на моей земле, я даю вам приют и защиту от врагов, я разбираю ваши ссоры и неурядицы—за это вы должны мне платить и на меня работать. И князь посылал в каждое село своего доверенного приказчика; собирал приказчик „мир“ на сходку и уговаривался, какие „работы и дани“ крестьяне обязаны делать на князя. Потолковав и уговорившись, приказчик писал уставную грамоту, в которой точно обозначалось, что должны делать крестьяне села для князя и сколько должны ему платить. Заключив условие с крестьянами, князь мог жить без всякой заботы: все ему должны были сделать люди, живущие на его земле. Понадобится поправить тын—придут крестьяне, нарубят бревен в бору, вынут из тына подгнившие бревна и поставят новые; понадобится построить новые „хоромы“—крестьяне сломают старые и построят под наблюдением княжеского приказчика новые. Придет время пашни—жители должны вспахать для князя поля, какие он укажет, или, если готовых полей нет, то должны вырубить лес, выкорчевать пни, сжечь их и распахать „новину“, новое поле; вспахавши, крестьяне посеют хлеб, сожнут его, когда он поспеет, отвезут его на княжеский двор, там вымолотят и ссыпят в закрома. А пока зреет хлеб, успевают вырасти на лугах травы; князь опять кличет крестьян, они косят сено, сушат и возят на княжеский двор — вот и зимний корм для княжеской скотины заготовлен. Весной, когда мечет икру рыба и пристает для этого к берегам, и осенью, когда рыба стаями ищет себе укромных уголков для зимней спячки, опять князь зовет крестьян делать невода и сети и ловить рыбу. А если во время своих охотничьих поездок князь увидит случайно бобровый гон, то и туда гонит крестьян охотиться на дорогого зверя. Если нет князю охоты заводить *свою* пашню и *свой* сенокос, то он меняет с крестьянами условие: „берите себе всю пашню, а мне по осени несите и рожь и овес и лен, сколько мне нужно будет“. Так руками крестьян велось все княжеское хозяйство, всегда все было готово и на месте. Понятно, что князь дорожил рабочими людьми и не любил, когда крестьяне почему-либо уходили от него в чужие владения; бояре и князья заключали друг с другом условие не принимать к себе крестьян, уходивших от соседнего владельца. Бывали часто случаи, когда девушка из деревни одного князя выходила замуж за парня из деревни другого князя или боярина; князь наперед уговаривался с крестьянами, что если такой случай произойдет, то невеста должна заплатить ему пошлину, дать „выводную куницу“, т.-е. выкупить себя дорогим куньим мехом.

Судил своих крестьян князь также не даром: за всякое судебное дело он брал также плату, особую судебную пошлину. Это был немалый доход князю. А на реке, в тех местах, где она входила в пределы его княжества и выходила из них, князь мог поставить особый двор и посадить там сторожей; сторожа должны были останавливать каждое купеческое суденышко и требовать с проезжавших купцов пошлину за товары, какие они везли. Эта пошлина называлась „мыт", а двор назывался Мытным. Около первоначальной Москвы торговая пристань была там, где теперь церковь Николы Мокрого в Зарядье, между Москворецким и Устинским мостами; тут до сих пор есть и Мытников переулок—очевидно, на месте прежнего Мытного двора. А под Москвой есть невдалеке от истоков Яузы село Мытищи; там тоже исстари был Мытный двор, собиравший пошлины с лодок, которые волоком тащили здесь с Яузы в Клязьму. Всеми этими сборами, оброками с крестьян, мытными и судебными пошлинами и жил князь. Московскому князю немало перепадало таких доходов, от этого он скоро разбогател и возвысился.

Но когда только основалась Москва, московский князь был еще маленьким князем. Не сразу после того, как Андрей Боголюбский построил на кремлевской круче город, сделалась Москва настоящим княжеством; около ста лет не было еще в Москве своего князя, а управлял ею служилый боярин великого князя владимирского. Только после татарского нашествия (о нем прочтете в VII главе) появился на Москве свой князь: великий князь Александр Невский отдал Москву самому младшему своему сыну Даниилу. Москве тогда принадлежало мало земли, меньше, чем теперешний Московский уезд, немного больше, чем то пространство, какое занимает в настоящее время город Москва. Значит, владения московского князя были не больше, чем владения современного крупного помещика. Было тогда много князей и мельче, чем московский князь. В особенности много таких мелких князьков было тогда в теперешней Ярославской губернии. Там множество мелких речек, впадающих в Волгу и в Мологу; течение каждой речки захватывал себе какой-нибудь князек, строил себе двор и город, еще меньше, чем в Москве, облагал данями и работами крестьян, живших в его округе, и жил себе припеваючи. Княжества эти так по речкам и назывались: речка Сить—княжество Сицкое, речка Кемь—княжество Кемское, речка Андога—княжество Андожское. В сравнении с этими князьками князья владимирские или тверские были настоящими богачами: области у них были большие, и народу жило немало, деревни и села считались сотнями.

Но и эти крупные князья управляли своими княжествами совершенно так же, как московский князь. Все управление великого князя также состояло в том, чтобы собирать как можно больше доходов с своего княжества. Тверской князь и владимирский князь собирали очень много торговых доходов, потому что им принадлежали важные речные пути: тверскому князю—реки Тверца и часть Волги, а владимирскому — Клязьма. Владений тверского князя не могли объехать новгородцы, ехавшие из Новгорода Вышневолоцким путем на Низ, а владений владимирского князя не могли объехать ни смольняне, ехавшие через Всходню, ни новгородцы, ехавшие Волоколамским путем. Собирать мытные пошлины князьям было не так трудно: мытный двор достаточно было поставить в одном-двух местах, и ни одна лодочка уже его миновать не могла. Но труднее было собирать доходы с крестьян и судить их. К московскому князю мог притти на двор любой крестьянин из княжеских владений—дальше 12—15 верст от Москвы итти не приходилось. Не то во владениях крупных князей. Там иное село отстояло от княжеского города верст на 50, а то и на 100; и крестьянину было до князя дойти трудно, и князь не мог часто наезжать в такое отдаленное село. Поэтому крупный князь старался устроить управление так, чтобы и выгоды своей не потерять, и хлопот больших не иметь. Он приглашал к себе на службу бояр или мелких князей и давал им в управление части своих владений. Во владениях крупного князя, кроме главного „стольного" города, где жил он сам, строились еще города поменьше; князь и давал служилому боярину такой город вместе с прилегавшими к нему селами и деревнями, чтобы боярин управлял им. Управление боярина состояло в том, что он собирал княжеские доходы и судил людей; князь заключал с боярином условие, что за свою службу боярин часть доходов будет брать себе; а то бывало так, что за службу князь прямо дарил боярину „вотчину", т.-е. землю с селами в вечное наследственное владение. Иногда вместо бояр князь раздавал в управление города и села своим сыновьям, давал им „удел" в своем княжестве, как тогда говорили. Бояре и подручные князья должны были помогать своему князю на войне: если начнет князь войну с соседом, то призывает бояр, они приходят с вооруженными людьми и составляют войско князя.

Дворцовое хозяйства такого крупного князя отличалось от хозяйства маленького князя богатством и множеством слуг. Стены Твери или Владимира были каменные, палаты княжеские и княжеская церковь были тоже каменные. А во дворце крупный князь уже не обходился силами только своих домочадцев, т.-е. своей семьи и прислуги.

Для заведывания разными частями хозяйства большой князь держал у себя во дворце особых бояр; палаты, в которых жили эти бояре, строились тут же, возле княжеского дворца. Каждому из таких бояр князь поручал заботу о каком-нибудь „пути", как тогда говорили. Одному боярину поручался стольничий путь; этот боярин должен был заботиться обо всем, что касалось княжеского стола. Он ведал все рыбные ловли, ему приносили оброки рыбой из княжеских сел, он заведывал княжескими садами и огородами, с которых собирались овощи и плоды к княжескому столу, он заведывал хлебными амбарами и пекарней. Другому боярину поручался чашничий путь, т.-е. он должен был заведывать всем, что касалось княжеских напитков. Чашник заведывал селами бортников: напитки тогда варились из меду, а мед собирали в лесах особые бортники. Таким важным делом, как охота, заведывали два пути, сокольничий и ловчий. Сокольничий заведывал соколиной охотой. У боярина, заведывавшего этим путем, были в подчинении люди, приучавшие молодых соколов к охоте, он же заведывал содержанием соколов, он распоряжался на соколиной охоте. А ловчий заведывал всеми другими способами охоты. Он заведывал псарней, под его руководством ставили капканы и ловушки, ему же были подчинены и все бобровники. А дворней князя, его пашнями и „страдниками". т.-е. людьми, работавшими на княжеских пашнях, заведывал „дворецкий", особый боярин, самый важный из всех других бояр, служивших князю в его дворце. А когда нужно было князю решить какое-нибудь важное дело, он собирал всех своих бояр на совет, на „боярскую думу". Как советовали бояре, так князь и поступал.

Очень часто в боярской думе заходила речь о том, как бы „примыслить" князю еще землицу. Чем богаче был князь, тем больше ему хотелось получать доходов. Часто выходили споры с соседями из-за крестьян, уходивших от одного князя к другому, или из-за границ владений. Крупные князья пользовались такими случаями, чтобы напасть на более слабого соседа. Они собирали своих бояр и „наезжали" на своего недруга, нападали на его город, окружали его со всех сторон, если удавалось, поджигали, а если не удавалось, то брали его голодом. Победив, крупный князь принуждал побежденного „служить" себе. Побежденный князь становился тогда как бы служилым боярином победителя. Он должен был отдавать победителю часть своих доходов и помогать ему на войне. Поэтому мелкие князья не любили ссориться с крупными князьями. Они охотно признавали владимирского или тверского князя „великим князем", а себя называли его слугами. Но при случае они не прочь

были и изменить ему особенно, когда великий князь ссорился с новгородцами. Война с новгородцами всегда была трудная, и мелкие князья всегда в таких случаях начинали вести себя с великим князем заносчиво и гордо: без нас не обойдется!

VI. Монастырь Суздальской Руси.

Если мы проследим течение реки Москвы, то по берегам ее мы встретим, кроме старинных городов, еще немало старинных монастырей. На верхнем течении Москвы, близ города Звенигорода, раскинулся старинный Саввино-Сторожевский монастырь; на окраине города Москвы, на высоком берегу реки Москвы, мы увидим Новодевичий монастырь, раскинувшийся в том месте, где р. Москва вступает в пределы города; в центре города, на месте теперешнего храма спасителя, был раньше старинный Алексеевский монастырь; там, где р. Москва выходит из городских пределов, друг против друга расположились Даниловский и Симоновский монастыри. А при впадении Москвы в Оку, на высоком обрыве стоит Голутвинский монастырь. Кроме этих монастырей, кто не знает Троице-Сергиевской лавры, Хотькова монастыря, Андроньева монастыря в самой Москве? И в какой бы древний город в пределах старинной Суздальской Руси мы ни приехали, везде найдем в этих городах и вокруг них старые монастыри. Если пересчитать все монастыри нашего края, их наверное мы насчитаем не меньше, чем городов, наверное даже больше. И если мы будем в каждом монастыре спрашивать, когда он был основан, мы чаще всего услышим ответ: в XIII или в XIV веках, т.-е. тогда же, когда основалась большая часть городов нашего края. Такое множество монастырей, основанных, именно, в XIII—XIV веках, не могло появиться без причины. Попробуем поискать, не найдем ли мы в существующих монастырях объяснения.

Конечно, теперь монастыри имеют уже не тот вид, что прежде. Как и города, монастыри первоначально были деревянные; только немногие монастыри сразу были выстроены из камня; большая часть монастырей были впоследствии перестроены. Но материал, из которого строились монастырские здания, не так важен, как самый их вид и расположение. И вот какое у нас получится странное впечатление от вида решительно всех старинных монастырей: все они имеют вид крепостей, замков, как будто в них живут не

монахи, проводящие время на посте и молитве, а военные люди[1]). И по большей части монастыри расположены на высоком месте, либо прямо на обрыве над рекою, либо на холмике, несколько отступя от реки. Сто́ит, например, пойти и посмотреть, как расположен и устроен Симонов монастырь. Со стороны реки и теперь до него добраться очень трудно. Надо перейти по мосту через Москву реку; на песчаной отмели, образованной наносами, за мостом, расположилась небольшая станция Казанской жел. дор., а за ней

Стена и башня Саввино-Сторожевского монастыря.

отвесной кручей поднимается гора, на которой высоко над рекой расположился монастырь. По обрыву кручи вырублена лестница, ступени ее обложены деревянными досками, и сделаны перила. По этой лестнице с большим трудом, с отдыхами, мы взбираемся на кручу и поподаем прямо к главным монастырским воротам. Сверху вагоны и паровозы, бегающие по товарной станции, кажутся прямо игрушечными, шестиэтажные здания Цинделевской фабрики на противоположном берегу Москвы кажутся прямо карточными домиками, Москва далеко видна, как на ладонке, видны и храм спасителя, и Кремль, и даже Крестовские водонапорные башни, совсем на дру-

[1]) Посмотрите рисунок, изображающий вид Троице-Сергиевской лавры, в главе XIV.

гом краю Москвы. Вокруг монастыря — широкие зубчатые стены так что на верхней поверхности стены свободно могуть встать два — три человека в ряд; в зубцах бойницы для стрельбы, а по стене — пять башен, крытых черепицею, также с большими и маленькими бойницами. Налево в углу башня Тайнинская — под нею был темный подземный тайник, а из него, через заложенную теперь дверь, шел подземный ход к соседнему пруду. Следующая башня — Сторожевая, на которой стоял дозор для наблюдения за окрестностями; за ней — Солевая, под которой был склад соли из монастырских варниц, за ней, посредине южной стены — Кузнечная, в которой была кузница, и, наконец, в углу направо от ворот — Дуло, которая прежде была главным хлебным амбаром, хранила запасы хлеба на несколько лет. Все приспособлено для обороны и для осады: и боевые сооружения, и запасы провианта. Так же расположены и так же устроены и многие другие монастыри — Саввин в Звенигороде, Высоцкий в Серпухове. Другие монастыри стоят не так неприступно, но тоже на высоких местах.

Военный, грозный наружный вид монастырей представляет странную противоположность с тем, что мы увидим, когда войдем внутрь монастырской ограды. Во всех монастырях мы увидим внутри одну и ту же картину: один-два храма, около них здания, где помещаются кельи монахов и настоятеля, все остальное огромное пространство земли, окруженное монастырской оградой, представляет из себя кладбище. Монахи живут среди мертвецов, окруженные могилами. Бродя по кладбищу любого монастыря, мы прежде всего увидим великолепные памятники недавно умерших людей, непременно людей состоятельных, или богатых аристократов, или богатых купцов; мы увидим могилы и знаменитых людей, также недавно умерших. Кто из москвичей не знает в Новодевичьем монастыре могилы Чехова или в Даниловском монастыре могилы Гоголя? Но мы очень ошибемся, если решим, что монастыри недавно стали местом погребения, потому что мы не видим кругом себя древних могил. От могилы Гоголя в Даниловском монастыре два шага до главной монастырской церкви; это — двухъэтажное здание, в верхнем этаже новая церковь, построенная над старой очень недавно, а в нижнем этаже древняя церковь, построенная при Иване Грозном (в XVI в.). В верхнюю церковь можно попасть без всякого труда, каждое воскресенье там совершается служба. Войдя туда, мы увидим там между главным алтарем и левым приделом гробницу, в которой лежит тело первого московского князя Даниила. Расспросив монахов, мы узнаем, что монастырь основан этим князем, и князь завещал себя похоронить здесь. Попросим отворить нижнюю церковь

и показать ее нам; там служат только раз в году, и потому она всегда на запоре. Мы входим под ее низкие серые своды; в ней полутемно и холодно. Своды расписаны старинным орнаментом, потемневшим от времени; иконы на стенах написаны недавно заново. Через алтарь мы проходим вниз, в еще более темный и покрытый плесенью склеп. Там лежат мертвецы. Кругом всей церкви идет этот склеп, и в нем много безвестных могил; теперь уже и имена умерших забылись. Возвращаясь назад в алтарь, мы увидим там на столике синодик: список имен умерших, которых в монастыре поминают. В других монастырях нам покажут также древние гробницы. Значит, монастыри были местами погребения; некоторые монастыри, как Даниловский, специально даже для этого и были основаны.

Конечно, не все монастыри были основаны князьями. Многие монастыри были основаны отшельниками, которые хотели постом и молитвой спасти свою душу. Такие люди уходили в леса, искали там глухих, незанятых мест и строили там себе церковь и кельи. Монахи строили монастырь для того, чтобы молиться и спасти свою душу. Но князья и бояре, остававшиеся в миру, тоже заботились о спасении своей души. Они верили, что за грехи вечно придется им гореть в огне в аду; и, конечно, им хотелось попасть на том свете в рай, а не в ад. Рай изображали тогда самым привлекательным образом. Говорили, что это — тот самый рай, где жили Адам и Ева; там растут райские деревья, дерево жизни и дерево познания добра и зла; живут там праведные и наслаждаются там яблоками с этих деревьев. Чтобы попасть в этот рай, считали нужным замаливать грехи чтением лишних молитв, лишними постами, ставили свечки к иконам. Но самое верное средство попасть в рай состояло, по мнению тогдашних князей и бояр, в том, чтобы после смерти быть похороненным в святом месте, и чтобы об умершем непрестанно молились за церковной службой. Если похоронен человек в монастыре и монахи ежедневно за него молятся, значит, душа его „устроена“. Поэтому князья и бояре основывали монастыри, покровительствовали монахам и даже перед смертью сами принимали монашество. Рядом с гробницей князя Даниила, на колонне нарисовано его изображение: он в монашеском одеянии и в схиме. Перед смертью он постригся в монашество и умер монахом; так же поступали многие цари и бояре. И вообще монахи были из князей и бояр. Простого человека в монастырь не принимали; в монастырь шли князья и бояре, которые могли принести с собою вклад в монастырь, приписать к нему село или вотчину.

Теперь нам понятно, почему монастыри так похожи на кладбища. Но почему же так похожи они на крепости? Первоначальные деревянные монастыри тоже обносились деревянною стеною, и в стенах тоже были башни; значит, и первоначальные монастыри были укреплены. Так было оттого, что тогда всякий должен был защищать сам себя. Монастыри тоже могли подвергнуться нападению, как и города; как же стали бы они защищаться от нападения, если бы они не были укреплены? А приманки для нападений были в монастырях не малые. В монастыри жертвовали золото и серебро, отдавали монахам деньги на сохранение; умерших хоронили в богатых одеждах, иногда усыпанных драгоценными камнями. Недаром татарский хан Тохтамыш разорил могилу митрополита московского Петра в Кремле, в Успенском соборе, ища там золота и серебра. Монахи должны были, значит, строит укрепления для самозащиты. Но была еще другая причина, по которой монастыри строили укрепления. Когда основывался монастырь, основатель монастыря обыкновенно должен был спрашивать разрешения у того князя или боярина, на земле которого находилось выбранное для монастыря место. Князья и бояре охотно разрешали и давали даже окрестную землю во владение; но зато они и от монастырей, как и от бояр, требовали военной службы и военной помощи. Монастыри посылали своих ратных людей на помощь своему князю, и князь смотрел на монастыри, как на свои крепости; поэтому, некоторые монастыри, как Саввин в Звенигороде, называются *сторожевыми*. Вы еще узнаете, как отправились на бой с татарами монахи из Троице-Сергиевской лавры, вместе с московским князем Дмитрием Донским. А в качестве крепостей монастыри служили долго: сколько ни было войн у Москвы с поляками, почти каждый раз, когда поляки подходили близко к Москве, им приходилось сначала брать подмосковные монастыри, чтобы пробиться к самой Москве. Во время войны вооружались все монахи, и монастырь превращался в военный лагерь. Закипала работа и в боевых мастерских: варили смолу и серу, чтобы обливать сверху осаждавших; а когда было изобретено огнестрельное оружие, то ставили на стенах пушки, а в мастерских лили пули. Вы еще узнаете о военных делах многих наших старинных монастырей.

Старинные монахи жили трудами своих рук. Спасать свою душу они хотели своими собственными трудами. В рукописи старинного жития Сергия есть рисунки, изображающие жизнь Сергия и его монахов в первое время после основания монастыря. Там изображено, как монахи сами рубят в лесу деревья, сами обтесывают бревна, сколачивают из них клеть, выстраивают церковь и

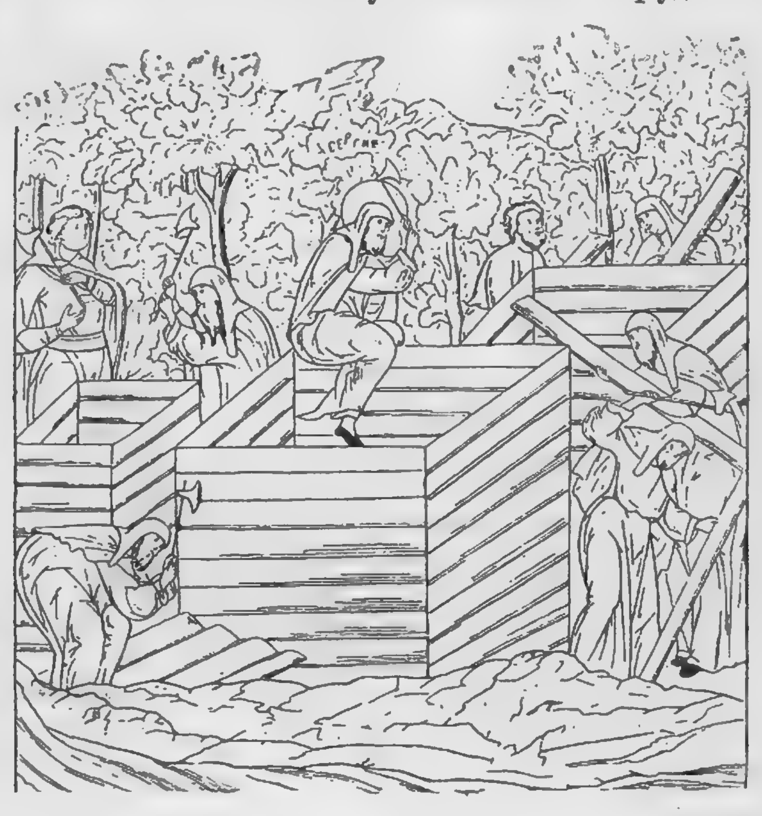
кельи. Сами обнесли они кельи и церковь тыном и сделали огороды, вырыли колодозь и таскали из него воду. Но такая скудная и трудовая жизнь монахов просуществовала недолго. В ризнице Троицкой лавры, рядом с бедными одеяниями и скудной утварью Сергия, хранятся блистающие золотом ризы первого преемника Сергия, Никона, и драгоценные богослужебные сосуды, заменившие прежние деревянные. Такие же богатые ризницы есть и в других монастырях. Как произошла такая перемена?

Построение Сергием монастыря.

Рядом с Даниловским монастырем расположилась вдоль теперешнего Серпуховского шоссе большая Даниловская слобода. Слобода эта зажиточная, дома в ней все большие и каменные; и както странно видеть эти дома после маленьких деревянных домишек, почти лачужек конца Серпуховской улицы, соединяющей Даниловскую слободу с городом. А против самого монастыря еще лет 40 тому назад было незастроенное поле; тогда и конец Серпуховской улицы был застроен домами только с одной стороны—Александровских казарм еще не было, а на месте их был пустырь. Очевидно, что Даниловская слобода — старинная и богатая слобода. Раньше эта слобода называлась Даниловским селом и принадлежала Даниловскому монастырю. Царь Иван Грозный, восстановивший Дани-

ловский монастырь и отстроивший его заново из камня, приписал это село к монастырю и по постоянному тогдашнему обычаю дал игумену монастыря жалованную грамоту: монастырское село свободно от всяких царских податей, судит сельчан игумен и собирает с них подати, а они обязаны на монастырь работать. Трудами своих крестьян и доходами со своего села и жил Даниловский монастырь. Так же стали жить еще раньше и другие монастыри. Князья и бояре „на помин души“ жертвовали монахам села и деревни с крестьянами, и монахи мало-по-малу отвыкали от труда и привыкали

Сергий и монахи рубят кельи.

жить трудами крестьян. А крестьян у них стало много: богатый монастырь владел обыкновенно десятками сел и деревень. С крестьянами монастыри заключали такие же договоры, какие заключали с крестьянами князья и бояре. Крестьяне работали на монастыри, распахивали монастырские пашни, приносили в монастырь оброки продуктами и деньгами, все в таком же порядке и в таких же размерах, как и князьям и боярам. Насколько богаты были монастыри, можно судить по Троице-Сергиевской лавре: у нее в XVI веке было во владении около 100 сел и множество деревень, а крестьян было несколько десятков тысяч. Так монастыри стали жить трудом чужих рук, монахи стали вести праздную и часто распутную жизнь и стали паразитами на теле народном.

Над всеми монастырями был один господин — русский митрополит, управлявший всею русскою церковью. Митрополит жил сначала в Киеве; но когда Киевская Русь запустела и разорилась, он переехал во Владимир, а потом в Москву. Митрополиту все монастыри должны были платить пошлину, т.-е. отдавать часть своих доходов; он утверждал настоятелей монастырей (выбирали их монахи) и давал им посвящение; монастыри должны были во всем митрополита слушаться. Значит, очень было важно всякому князю, который хотел приобрести побольше силы, дружить с митрополитом. Дружба с митрополитом была очень выгодна: князь, друживший с митрополитом, всегда мог надеяться на военную и на денежную помощь монастырей. Как вы узнаете из следующего рассказа, митрополит и монастыри пользовались особенным уважением и со стороны татар, подчинивших себе русскую землю. Иные татары даже сами крестились, строили монастыри, а монахи там молились за них.

Такова была в XII — XIV веках суздальская Русь. Вся она была усеяна укрепленными поселениями, княжескими городками и монастырями. Князья и бояре, жившие в городках, и монахи, жившие в монастырях, были господами; они охотились, воевали, молились, судили и управляли. А вокруг городков и монастырей были села и деревни; крестьяне этих сел и деревень работали на князей, бояр и монахов. Не было единого государства, потому что каждый князь и каждый настоятель монастыря вел себя, как настоящий государь: судил своих людей, собирал с них подати, воевал; кто был побогаче, даже чеканил свою монету. Князья жили не дружно, часто враждовали; вследствие этой разрозненности и пришла на Русь тяжелая беда: напали на нее татары, азиатское племя, полудикое и кочевое, победили вечно ссорившихся русских князей и наложили на русскую землю тяжелую дань. Пришлось волей-неволей признать всем власть одного царя, татарского хана. Как это случилось и что из этого вышло, вы узнаете из следующей главы.

VII. Татарское иго.

Прислушаемся к названиям некоторых московских улиц и местностей: Арбат, Балчуг, Басманная. Все это названия, которые, очевидно, происходят не от русских слов. С какого же языка они взяты? Об этом нам лучше всего сказал бы какой-нибудь татарин-торговец, которого и теперь еще можно встретить на московских улицах. „Арба“ — по-татарски повозка, „балчех“ — грязь,

„басма“—особый род печати. В Москве есть и прямо Татарские улицы—Большая и Малая, где издавна живут татары.

„Менять-продавать! Старья старого!“ Проходит татарин, и мы его несколько насмешливо называем князем. К этому князю мы не питаем никакого особенного почтения. Совсем не так отнеслись бы мы к татарину, если бы встретили его не в нынешней, а в старинной Москве, лет за шестьсот до нашего времени. Предки татар-торговцев, расхаживающих теперь с котомкой за плечами, были тогда грозными воинами, грозными завоевателями всей русской земли—и встречавшиеся с ними русские невольно снимали шапки и сторонились.

Как же случилось это? Как и при каких обстоятельствах русская земля оказалась в зависимости от татар?

Сначала, много лет тому назад, татары не были торговцами, жили в далеком от нас краю, у Байкальского озера, занимались скотоводством и, перегоняя свои стада, перевозили и свои легкие хижины на запряженных быками повозках. У каждого татарского племени, или орды, был предводитель—хан; но как раз в то время, когда русская земля распалась на отдельные княжества, один татарский хан подчинил себе всех других ханов, стал великим ханом или Чингис-ханом. Татары объединились и образовали большое государство, научились у соседей-китайцев военному делу, разным придворным обычаям и письму. Чингис-хан покорил нынешние азиатские области—Туркестан, Хиву и Бухару. Два татарские воеводы пришли через Кавказ на русскую землю и нанесли нам жестокое поражение на реке Калке, у Азовского моря; а через тринадцать лет после этого, уже по смерти Чингис-хана, его сын, Огадай, подарил своему племяннику Батыю всю русскую землю, предоставив ему окончательно покорить ее.

Двинулся Батый — не с войском, а как бы с целым народом. За воинами ехали в разукрашенных повозках ханские жены, шли женщины, дети, старики; от скрипа телег, ржания лошадей и крика верблюдов еле можно было слышать друг друга. Татары были страшны не только своей численностью: они, по словам одного персидского историка, „имели мужество львиное, терпение собачье, предусмотрительность журавля“. Посмотрим, не осталось ли следов Батыева нашествия в тех местностях, которые прошли татары.

Батый наступал с юга, а потому и станем искать следов его нашествия прежде всего на южной границе нашего края, по Оке. Доедем по Московско-Рязанской ж. д. до станции Луховицы, пересядем здесь на ветку, ведущую к Зарайску. На высоком берегу притока Оки, Осетра, стоит старый зарайский кремль, со своими

белыми стенами и башнями, а прямо против одного из входов в этот кремль, у Предтеченского собора, встретим памятник странной формы, в виде как бы трех каменных колод, над каждой из которых возвышается каменный крест. На крестах нарисованы человеческие фигуры, и по надписям можно узнать, что это изображены сын рязанского князя Юрия, Федор Юрьевич, с женой своей Евпраксией и сыном, младенцем Иваном. Памятник подновлен, но каменные кресты сохраняют свой старинный облик. Чем замечательно это княжеское семейство и за что ему поставили такой памятник?

Подвигаясь, как туча, Батый подступил прежде всего к рязанским пределам, и к нему для переговоров князь Юрий Рязанский послал сына Федора, княжившего в Зарайске. Батый потребовал

Зарайский кремль.

полного подчинения всей рязанской области, выдачи ему тяжелой дани, а в числе ее — и красавицы-супруги князя Федора, молодой Евпраксии. Федор с негодованием отверг это требование и был убит; а когда Евпраксия узнала о гибели мужа, то и сама, взяв на руки сына, бросилась со своего высокого терема, чтобы не доставаться Батыю. До этого случая город Зарайск назывался Красным; а как убилась в нем красавица-княгиня, его стали называть Зарайском, от старинного слова „з а р а з“, т.-е. гибель.

Зарайск был разрушен, теперешний кремль его построен уже лет через триста после Батыева нашествия. Проедем в самую Рязань и спросим, не пострадала ли и она от Батыя? Но в Рязани нам скажут, что нынешняя Рязань—это не тот город, на который

напал Батый: нынешняя Рязань — это бывший город Переяславль на реке Трубеже, переименованный в Рязань потому, что в него переселились жители прежней, старой Рязани. Какая же участь постигла старую Рязань? Она-то и стала жертвой Батыева гнева. Сядем на пароход и спустимся верст на пятьдесят по течению Оки к городу Спасску. Окаймленная лугами и рощами, Ока образует у Спасска целую живописную заводь — и вот, говорят нам, переехав на лодке через эту заводь, мы и попадем к старой Рязани. Где же, однако, город? Мы видим издали с лодки только большие поросшие травой холмы, на них деревню и барскую усадьбу, и, наконец, надо всем этим высятся три церкви, по виду совершенно новые. Города нет, осталось лишь место города, городище. В гневе на сопротивление князей Юрия и Федора Батый так разорил город, что он не воскрес и до сих пор. Ученые раскапывали местность, окаймленную валами, остатками старинных рязанских укреплений; близ нынешнего храма во имя Бориса и Глеба стояли когда-то и древние рязанские храмы, один тоже Бориса и Глеба, а другой Святого Спаса; тут же, быть может, стоял и княжеский дворец. В земле нашли много драгоценностей и старинного оружия; но попадаются находки и другого рода—пепел, уголь, куски расплавленной меди, олова, стекла; оказались и две могилы с одними черепами, частью изрубленными. Так разорил Рязань Батый. За храброе сопротивление, оказанное жителями, татары всех, кто не пал в бою, подвергли жестоким мукам — кого бросали связанным в костер, с кого сдирали кожу, кого расстреливали из луков... Успевшие ускользнуть от этой расправы, охваченные ужасом, скрывались в леса и там, в лесной чаще, с тревогой прислушивались, не гонятся ли татары. Сложились сказания, что где проходил Батый, там целые сто лет не заростала травой земля; и страшный земной путь Батыя обозначался белой полосой на небе,—с тех пор протянулся по небу млечный путь...

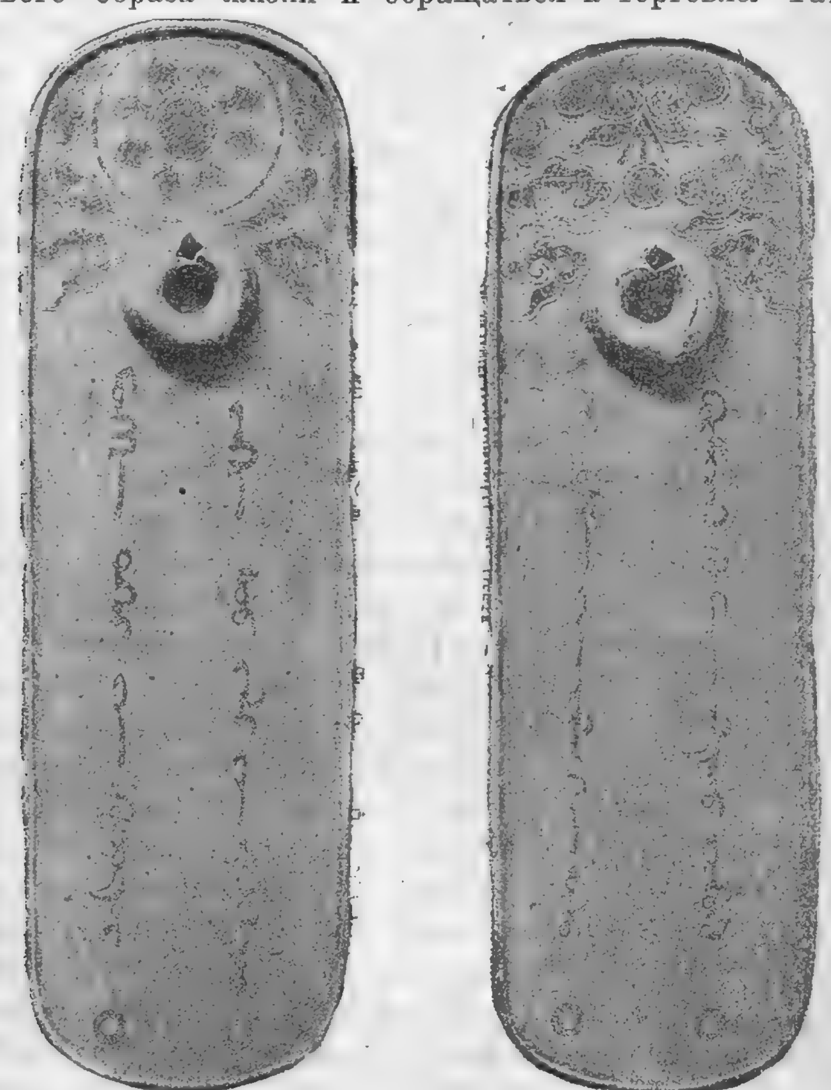
Покорив земли по Оке, татары пошли дальше к Владимиру, Суздалю, Москве. Татарские становища представляли порой шумный и пестрый лагерь. Между Суздалем и Владимиром есть так называемый Батыев курган: курган этот, по преданию, был специально насыпан для Батыева шатра во время одной из стоянок. Тут повелитель татар производил суд и расправу, следил за тем, чтобы все его воины подчинялись старшим и крепко стояли друг за друга. Начальники, родственники хана, назывались уланами, и знаком их достоинства был плоский четырехугольник на шапке: название вместе с головным убором перешло на уланов-кавалеристов европейских стран. Низший разряд татарских воинов на-

зывался казаками, и от этого имени получили свое название русские казаки.

Владимир был крепким городом, его укрепил еще Андрей Боголюбский. Но татар не установили окрепления. Во Владимире сохранились остатки вала и входившие когда-то в состав его каменные ворота с златоглавой церковью: со стороны этих-то северных, так называемых „Золотых" ворот татары и ворвались в город, истребив его жителей и в том числе все княжеское семейство. Сам князь Юрий Всеволодович удалился за Волгу собирать полки. Чтобы узнать о его участи, проедем от Владимира на северо-восток, в пределы теперешней Ярославской губернии, к маленькой речке Сити, притоку Мологи. На берегах этой речки расположился князь Юрий с собранным против татар войском. Наступила весна. Русские ждали татар с востока и думали получить надежное прикрытие в предстоявшем разливе рек, Мологи и Волги. Но татары успели подойти к Волге, когда она еще не вскрылась, перешли ее по льду гораздо выше Мологи и напали на русских с запада. Множество русских и сам князь сложили голову в битве. Весенняя распутица не позволила татарам дойти до Новгорода, но и этот город, как и все прочие области земли русской, скоро должен был признать над собой власть Батыя. „Силою вечного неба и счастьем царя-дяди", писал Батый, он завершил свои завоевания.

Настала пора татарского ига, т.-е. господства татар над русскою землею. Татары вели кочевой образ жизни, им было тесно среди русских селений, в местностях, обильных лесом; их тянула к себе просторная южно-русская степь. Они и поселились в степи, между нижней Волгой и Уралом, основав свое царство под именем Золотой Орды. Здесь у татар было до десятка городов. Спустимся по Волге к Царицыну. Не доезжая верст двадцати до него наш пароход свернет в главный из тех многочисленных рукавов, на которые разделяется Волга в своем нижнем течении, в так называемую Ахтубу, и тут, по берегам ее, мы встретим много курганов. Это и будут курганы, раскапывая которые ученые нашли следы двух обширных татарских столиц, Старого и Нового Сараев. Старый Сарай—это столица самого Батыя; в курганах тут много драгоценностей, но все это оружие или монеты, остатков же зданий почти нет: в Батыевой столице татары жили еще не столько в прочных домах, сколько в перевозных хижинах. Новый Сарай основан одним из преемников Батыя, Узбеком, близ места, где стоит теперь город Царев. Здесь перед нами все признаки благоустройства, остатки стен, валов, великолепного дворца, мраморных водоемов и фонтанов. Слово „сарай" по-татарски значит склад товаров:

действительно, поставив в низовьях Волги свои столицы, татары подчинили своей власти и всю местную торговлю как по самой реке, так и по сухому пути, между Уральским хребтом и Каспийским морем. В Сараях всегда было много товаров и много приезжих из разных стран купцов. Понемногу и сами татары стали отставать от кочевого образа жизни и обращаться к торговле. Татарские,

Паидзэ татарских баскаков с именем хана Узбека.

или, как их еще называли, бесерменские купцы приезжали в русскую землю, и по татарским образцам русские ввели у себя новую монету, новые меры: самые слова „деньги“, „алтын“, „аршин“— татарского происхождения; на одной стороне некоторых древнерусских монет русская надпись, а на другой татарская: это монеты времени татарского ига.

Хан стал царем над русскими князьями, русская земля стала его „улусом“. Как управлял он своим завоеванным владением? В

разных местах нашего края попадаются села под названием Баскаки, Баскач: название этих сел происходит от татарских чиновников, так называемых „баскаков“, которые командовали татарскими военными отрядами, поставленными по русским городам. Должность баскака считалась у татар очень важной: при назначении своем, в знак достоинства, баскак получал от хана особенные серебряные или золотые пластинки, „паидзэ“, с именем хана. Баскаки командовали войском, а особые данщики собирали с русских дань. Каждый русский при сборе дани платил известное количество серебра, деньгами или вещами; если не было серебра, брали что-нибудь из другого имущества, а если и другого не было, захватывали жен, детей... Стоны и плач поднимались в городах и селах, когда татарские сборщики гнали нагайками в свой стан целые толпы русских, чтобы продать их потом в рабство в Турцию. Не довольствуясь данью, татары поставили по дорогам и мостам своих заставщиков, взыскивавших плату за проезд; присланные от хана охотники и рыболовы принуждали русское население помогать им в работе; а для проезда татарских чиновников русские должны были устроить по дорогам особые станции с готовыми лошадьми. Кто не знает слова „ямщик“? Ямщик происходит от слова „ям“— татарского названия придорожной станции.

Не всегда собирали дань татарские данщики, иногда ханы поручали эту обязанность и самим русским князьям, если только полагались на их покорность. Много князей погибло при нашествии Батыя; оставшиеся князья, чтобы сохранить жизнь и власть, должны были ездить на поклон в Сарай, „в Орду“, как тогда говорили, и покупать там у хана грамоту на княжение, или ярлык. „Исполнять мою волю, — требовал хан, — являться, когда позову, итти, куда повелю, предать смерти всякого, кого наименую“. Надо было унижаться перед ханом, подносить дары и ему, и его женам, и его сановникам — уланам, мурзам, бекам. Иных князей, не угодивших хану, постигала горькая участь: погиб черниговский князь Михаил Всеволодович, рязанский — Роман Ольгович, тверской — Михаил Ярославич. Гробницы двух последних мы найдем в Твери и Рязани, а останки Михаила Всеволодовича московский царь Иван Грозный впоследствии перенес в Москву и поместил в Архангельском соборе.

Один только класс русского общества не терпел никакого притеснения от татар—это русское духовенство. Татары, явившись из Азии, придерживались сначала той же веры, которой придерживаются теперь в наших южных степях калмыки: признавали единого высшего бога, но больше всего боялись злых духов; с последними

боролись у них особые заклинатели, шаманы, при помощи зажигания огней, священных плясок, музыки и пения. Потом, в XIV в., хан Узбек принял магометанскую веру, которую исповедуют татары и до сих пор. Но еще Чингис-хан заповедал своим подданным уважать все веры. Среди остатков нового Сарая нашли кресты и другие предметы православного богослужения, доказывающие, что в татарской столице была русская церковь. Действительно, владимирский митрополит Кирилл испросил у хана Берке разрешение поставить в Сарай особого епископа. Духовенство должно было поминать хана при богослужении, и за это по всей русской земле было освобождено от дани.

На окраине Москвы есть живописный уголок, который, подобно многим московским местностям, может нам рассказать о прошлом: на высоком, поросшем травой холме, омываемом с западной стороны Москвой-рекой, видны старые кирпичные стены Крутицких казарм. Казармы устроены здесь недавно, а раньше был здесь двор, где останавливались сарайские митрополиты при своих поездках в Москву. Сначала глава русской сарайской церкви жил в Сарае и назывался епископом, потом получил звание митрополита, а впоследствии из далекого татарского города переселился и совсем в Москву. Тут-то и отстроены были пышные палаты в местности Крутицах, и сам бывший сарайский митрополит стал называться крутицким. Подойдите к Крутицким казармам с северо-западной стороны: вам бросится в глаза великолепный вход с высоким над ним теремом, весь изукрашенный зелеными и желтыми изразцами, каменными резными колонками, венчиками и карнизами. Внизу, в проходах, изображение святых, словно это врата монастыря или церкви. Красота и величие этого Крутицкого терема напомнят вам о значении и важности крутицких митрополитов, к сарайским предшественникам которых не раз обращались за помощью русские князья, купцы и несчастные ордынские пленники.

VIII. Возвышение Москвы.

Из маленького княжеского городка, скорее похожего на усадьбу помещика, Москва постепенно стала большим городом, а московский князь стал великим и подчинил себе остальные княжества. Поищем, не осталось ли памяти об этом превращении. Пойдем опять в Кремль. Это—самая древняя часть Москвы, и, наверное, там мы найдем, что нам нужно.

Войдем в Кремль опять через Боровицкие ворота, пройдем уже знакомым местом, на котором когда-то стояли княжеские хоромы и деревянная церковь, и пойдем дальше, мимо Большого Кремлевского дворца. Пройдя этот дворец, мы очутимся на Соборной площади; она называется так потому, что на ней стоят старинные каменные соборы. К восточной стене дворца прилепился маленький Благовещенский собор; но нас интересует стоящий направо от него старинный Архангельский собор. На его месте в старинном бору стояла деревянная церковь во имя архистратига Михаила; кто и когда ее построил, неизвестно; как и церковь Иоанна Предтечи, стояла она в бору еще ранее основания города Москвы. Когда при московском князе Иване Калите город разросся почти вдвое прежнего, вместо деревянной церкви Калита построил каменную и завещал похоронить там себя и хоронить там всех своих преемников. Так появился Архангельский собор. Собор не раз перестраивался; но завещание Калиты свято исполнялось, и если мы взойдем под низкие сумрачные своды собора, то мы увидим в нем длинный ряд гробниц, в которых покоятся московские князья, цари и царевичи, кончая царем Иоанном Алексеевичем. Каменные гробницы не очень древние, в XVII веке оне все были сделаны заново и снабжены однообразными надписями, напр., „в лето 6849 (1341) марта 31 преставись благоверный князь великий Иван Данилович“. А на стене около гробниц изображены портреты похороненных князей и царей, иных во весь рост, в полном царском одеянии, со скипетром и державой (например, портрет царя Федора Алексеевича), других только головные портреты.

Выйдя из Архангельского собора, позади его мы увидим высоко поднявшуюся к небу колокольню Ивана Великого, а несколько левее колокольни будет величественный Успенский собор. Этот собор моложе и церкви Иоанна Предтечи, и Архангельского собора, но в нем найдем мы то, чего ищем, найдем памятники, которые были свидетелями роста и возвышения Москвы. Успенский собор в первоначальном своем виде был построен первым московским князем, которому удалось сделаться великим князем, Иваном Даниловичем Калитою. Это был сын Даниила Александровича; умел он копить деньги, за это его и прозвали Калитою (калита — мешок с деньгами). При нем владения московские уже значительно расширились. Калите удалось захватить Можайск и Коломну; Можайск лежит на верхнем течении Москвы, а Коломна при впадении Москвы в Оку. Весь водный путь по Москве стал принадлежать московскому князю; увеличились и его мытные доходы, стали приходить в Москву купцы и бояре и селиться там. Бояре селились рядом с княжеским

двором, по высокому берегу Москвы; о них до сих пор напоминают нам названия современных кремлевских башен по южной стене Кремля. Западная угловая называется Свибловой, восточная угловая—Беклемишевской; одна из средних, Тайницкая, звалась раньше Чешковой: название эти происходят от фамилий бояр, Свибла, Беклемишева и Чешка, дворы которых были когда-то по соседству с этими башнями. А купцы стали селиться близ пристани у Николы Мокрого, по Великому лугу, который шел от теперешнего Москворецкого моста до впадения в Москву Яузы у Устьинского моста, и в Замоскворечье. Захватив московский водный путь, Иван Калита старался дружить с новгородцами, чтобы привлечь новгородских купцов с тверского водного пути на московский. Он рассчитывал, что если новгородские купцы перестанут ездить по Тверце, через владение тверского великого князя, то тот обеднеет, лишится многих своих доходов. А тверские великие князья часто притесняли новгородских гостей; новгородцы не раз заключали договоры с Тверью, чтобы князья тверские не чинили препятствий новгородским гостям и не брали с них пошлины больше, чем велось исстари, но тверские князья постоянно нарушали эти договоры и ссорились с новгородцами. Поэтому новгородцы рады были сами найти союзника против Твери. Через Москву шла также торговая дорога на Волгу, как и через Тверь — новгородцы и послали послов к московскому князю Калите и заключили с ним союз против Твери. Московский князь охотно согласился и в договоре написал: „если будет Новгороду обида от тверского князя, то „сесть на конь“ Новгороду и мне против тверского князя заодно“. „Сесть на конь“ значило начать войну; тогда сила войска была на конях. После союза с Москвою новгородские купцы стали ездить для торга в Москву и на Волгу по московской дороге. Так, благодаря союзу с Новгородом, разбогател московский князь Калита; а разбогатев, воспользовался ссорой Твери с Ордой и купил у хана „ярлык“ на великое княжение. Вместе с этим ярлыком перешел к Москве и великокняжеский город Владимир с его волостями. Но Иван, завладев Владимиром, остался жить у себя в Москве, только решил перестроить свой город так, чтобы он не уступал Владимиру — теперь на это были у него средства. Калита расширил город, так что восточная Кремлевская стена шла при нем уже от нынешней Арсенальной башни к тому месту, где находится галлерея бывшего памятника Александру II, пересекая пополам теперешний Арсенал и Чудов монастырь. Стены города Калиты были еще деревянные, но все его постройки каменные; главной постройкой был уже упомянутый первоначальный Успенский собор, сооруженный по примеру владимирских соборов.

Во Владимире было два главных собора: Успенский, построенный Андреем Боголюбским, и Дмитровский, построенный Дмитрием Всеволодовичем. Калита не имел средств построить два собора и построил один, но такой, который заменил бы оба: главный алтарь решил сделать во имя Успения, а правый придел—во имя Дмитрия Солунского. За образец внешнего вида он взял Дмитровский собор, который был меньше по размерам и проще по украшениям. Приглашенные Калитою „каменных дел подмастерья" из Владимира принялись за дело. Князь приказал крестьянам ломать белый камень в Мячкове, верстах в 25 вниз по р. Москве, и возить его в Москву, а искусные владимирские каменщики выстроили храм. Он не был похож на теперешний Успенский собор. Это было небольшое квадратное здание, с одноглавым куполом; стены были ровные и плоские, только со стороны алтаря были сделаны три круглых выступа. Так строились тогда все небольшие каменные храмы; точно по образцу этого первоначального Успенского собора был построен собор в Звенигороде, существующий до сих пор. Впоследствии, как мы узнаем, Успенский собор не раз перестраивался, но разделение собора на приделы было сохранено и во время последующих перестроек.

Войдя в Успенский собор, обратим прежде всего внимание на его приделы, находящиеся рядом с главным алтарем, в одну линию. Правый придел, как я сказал, во имя Дмитрия Солунского, вместо владимирского собора Дмитрия Солунского; левый придел—во имя апостола Петра; в этом приделе под шатровой сенью находится гробница митрополита владимирского Петра. Петр был близким другом Ивана Калиты. Он не ладил с тверским великим князем, находил, что тверской князь требует с церквей и монастырей слишком много дани, и считал тверского князя настоящим еретиком. А тверской князь, в свою очередь, обвинял Петра в злоупотреблениях, даже жаловался на него константинопольскому патриарху. Петр искал защиты и поддержки у врага тверского князя, московского князя Калиты; а когда Калита стал великим князем, Петр даже хотел переехать совсем в Москву. Он помогал Калите строить Успенский собор, часто и долго гостил у Калиты. Для житья Калита отдал Петру свой старый деревянный дворец, рядом с церковью Иоанна Предтечи, а себе построил новый дворец, рядом с Успенским собором. Намереваясь поселиться в Москве, Петр позаботился приготовить себе могилу в Москве. По его просьбе Калита и построил придел во имя апостола Петра при Успенском соборе, специально для того, чтобы там похоронить после смерти митрополита Петра. В 1325 году митрополит Петр умер, находясь в Москве, и

Калита похоронил его в приделе апостола Петра. А преемник Петра, Феогност, переехал совсем жить в Москву. Так митрополиты стали соседями и друзьями московских князей и во всем помогали московским князьям.

После Петра самым усердным помощником московских князей был митрополит Алексей, заправлявший всеми делами московского княжества при слабом сыне Калиты, Иване Красном, и в малолетство его внука, Дмитрия Ивановича, прозванного впоследствии Донским. Об Алексее нам напомнит здание бывшего Чудова монастыря, неподалеку от Успенского собора, основанного этим святителем. Это—обширное красное здание, с белыми колонками и кар-

Собор в Звенигороде.

низами у окон. Митрополита Алексея очень уважали в Орде, и ему удалось отвести от Руси большую беду. Когда хан Чанибек умер, и его сын потребовал от русских князей новой дани, Алексей съездил в Орду и добился отмены ханского требования. Облегчая для московских князей татарское иго, Алексей старался также о подчинении Москве других князей. В малолетство Дмитрия суздальский князь Борис не хотел слушаться Москвы и отдал своему брату Нижний-Новгород. Тогда Алексей послал в Нижний Сергия с приказом запереть все церкви в Нижнем. Нижегородцы оказались в ужасном положении: новорожденных не крестили, женихов и невест не венчали, умерших не хоронили, причастия не давали; и пришлось нижегородскому князю покориться четырнадцатилетнему Дмитрию. После этого случая одной угрозы церковного проклятия было уже достаточно, чтобы заставить непослушных подчиняться

московскому князю. Московские князья зато всячески дарили митрополита и церковь. Митрополиту они давали огромные доходные вотчины; строили новые монастыри и давали монастырям земли и крестьян. Церковные люди разбогатели настолько, что даже крупным боярам трудно было с ними тягаться. А кроме того, церковные владыки, епископы и монастырские настоятели получали еще множество льгот. Князья давали им жалованные грамоты, в которых освобождали их от всяких княжеских податей и пошлин и предоставляли им самим судить своих людей. Умерших митрополитов московские князья хоронили в Успенском соборе и провозглашали их святыми. Так дружно жили московские князья и московские митрополиты. Без помощи митрополита московские князья не скоро достигли бы и великого княжения и не сразу добились бы послушания со стороны других князей.

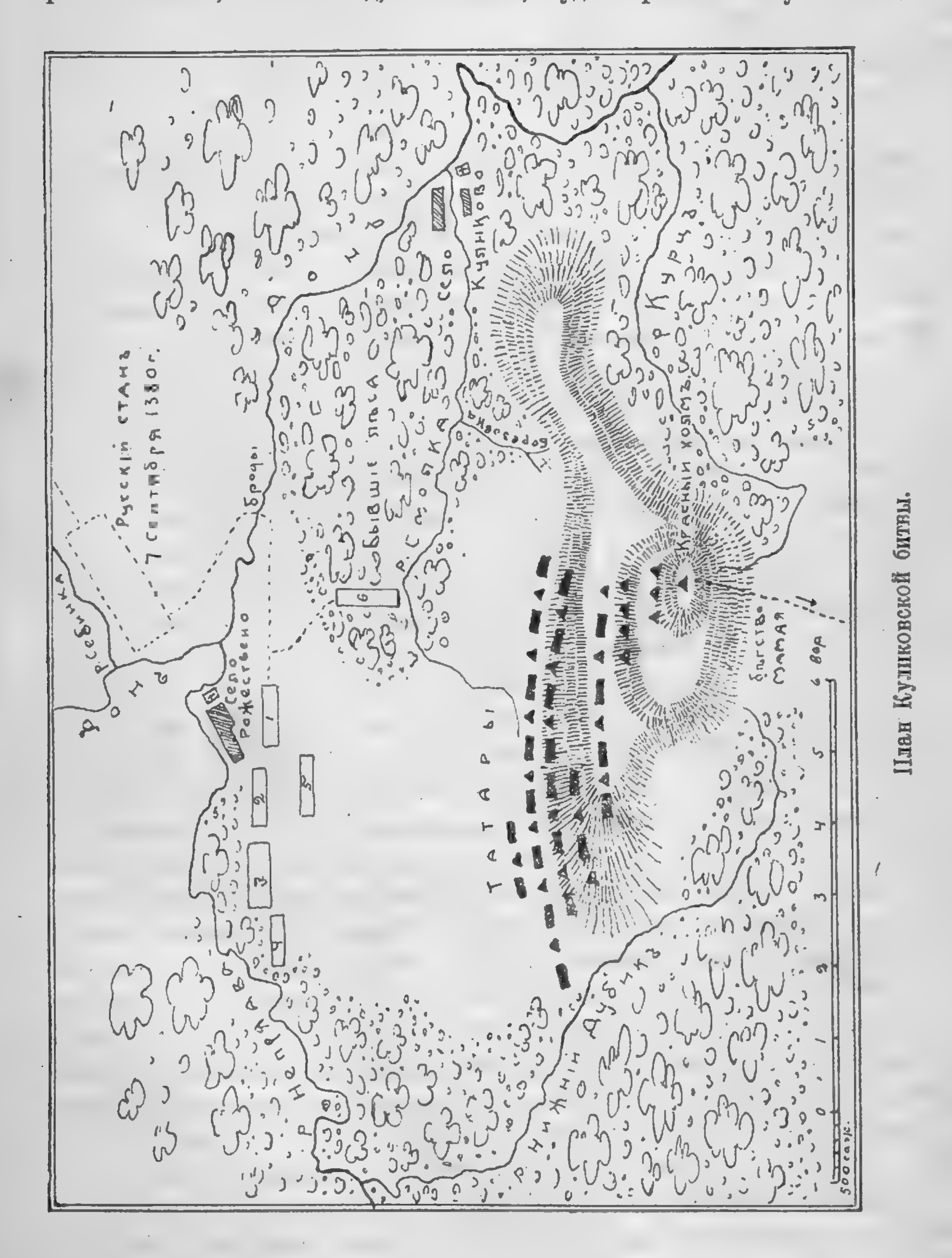
Вернемся теперь опять в Успенский собор и обратим внимание на икону Дмитрия Солунского у алтарных дверей правого придела. Эта икона считалась необычайной, старинной и раньше находилась во Владимире. Икону перенес в Москву уже упоминавшийся нами великий князь Дмитрий Донской. Во-первых, он хотел наказать этим владимирцев, которые поднялись против него в начале его княжения; во-вторых—и это самое главное — Дмитрий первый из русских князей решился вступить в борьбу с татарами, чтобы свергнуть татарское иго, и думал, что без особенной божественной помощи ему не удастся осуществить такое опасное предприятие. Поэтому перед разрывом с Ордою, икона была перенесена в Москву и поставлена в Успенском соборе.

Время для борьбы было благоприятное. В то время как Москва росла и крепла, Орда постепенно ослабевала. В Орде повиновались ханам, пока были войны, но как только войны прекратились, отдельные татарские военачальники начали враждовать друг с другом и с самим ханом и мало-по-малу основали себе особые царства. Золотая Орда стала распадаться на три орды—Ногайскую, Казанскую и Крымскую. Во время княжения Дмитрия власть золотордынского хана совсем ослабела. При ханском дворе были постоянные смуты, сменилось за два года три хана, убитых заговорщиками. Эти обстоятельства и придали решимость Дмитрию: он отказал в повиновении хану Мамаю. Тогда Мамай в 1380 г. с огромной ратью двинулся против Москвы.

С большим войском Дмитрий выступил против Мамая к верховьям реки Дона, на Куликово поле. Поле это в Тульской губернии, Епифанском уезде. Посреди поля—так называемый Красный

холм, а на нем памятник в виде бронзовой колонны с золотым куполом и крестом. На памятнике надпись: „Победителю татар великому князю Дмитрию Иоанновичу Донскому признательное потомство, лета от Р. Хр. 1848“. К северу от памятника река Непрядва, к югу—Рыхотка, а с востока — Дон. Теперь здесь сухая равнина, вся почти распаханная, но раньше поле было болотистым, на нем водилась болотная дичь—кулики, откуда оно и получило свое название. Вдоль речек по краям поля шел лес; с юго-запада он расступался—и отсюда-то должны были притти татары. Дойдя до Дона 7 сентября, русские расположились станом; тут прискакали разведчики и сообщили, что Мамай от русских на одну ночь пути и ждет к себе литовцев, с которыми заключил союз против русских. Общим советом решили переправиться через Дон. Ночью произошла переправа; войска стали пятью полками вдоль правого берега Непрядвы и Дона, а шестой полк скрыли впереди, в той части леса, которая от правого берега Дона, вдоль речки Смолки, вдалась в поле. Устройству засады благоприятствовал утренний туман, на целые два часа закрывший русских от татар. Стали готовиться к бою. По тогдашнему обычаю, в княжеские одежды одели одного из воинов, а сам князь пожелал сражаться на ряду с другими. Вооружение русского войска было самое разнообразное, заимствованное у тех соседей, с которыми приходилось воевать: из прибывших на Куликово поле у одних были короткие мечи, как у поляков, у других—сабли, как у азиатских кочевников, у третьих секиры, как у немцев. Туман рассеялся, и русские шлемы и панцыри ярко заблестели при утреннем солнце. Показалась и татарская рать, остановившаяся в средине поля, где Красный холм и памятник: противник Дмитрия, Мамай, был очень мал ростом, и ему особенно удобна была возвышенность, чтобы следить с нее за ходом битвы. Русские первые выступили на татар и застали их неподготовленными: не видя русских за туманом, татары принялись было за еду. Пришлось татарам побросать котлы и наскоро выстроиться в боевой порядок. В темных стальных шлемах, в доспехах из буйволовой кожи со стальными чешуйками, с темными щитами — татары казались черной тучей. Битва началась со схватки между татарским богатырем и сергиевым иноком Пересветом, и оба пали в битве. В стремительном натиске татары потеснили русских и принудили их отступить к тому месту поля, где было водружено черное великокняжеское знамя с образом Спасителя. Тут долго бились, но русские опять не выдержали и даже обратились в бегство. Татары бросились за бегущими мимо той дубравы, где был скрыт засадный полк. Настала удобная минута: бывшие в засаде князь Владимир Андреевич Ста-

рицкий и воевода Дмитрий Боброк ударили на татар сзади и сразу привели их в полное смятение. Русские ободрились. Теперь уже татары побежали, и не назад, к Мамаю, куда отрезал им путь засадный полк, а вперед, в сторону реки Непрядвы, где их много потонуло при переправе. Мамай, увидев бегство русских, готов был торжествовать победу и, сидя на коне, ожидал вестей. Перед Крас-

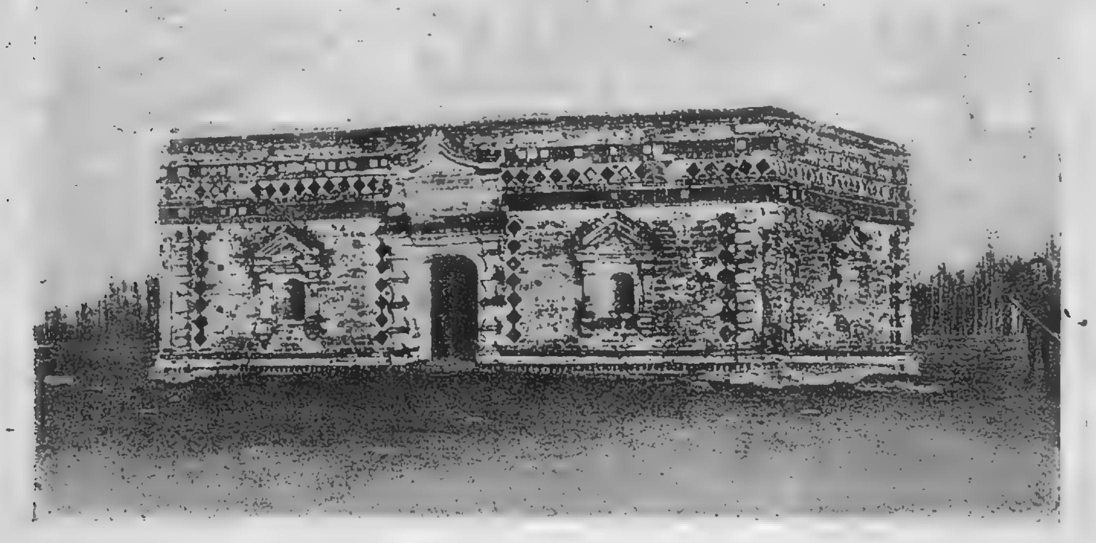
План Куликовской битвы.

ным холмом появляются воины... Кто это? татары?... Нет, это русские, которые, разбив татар у Непрядвы, обратились против Мамая. Тогда хан со всеми начальниками бежал в свою очередь, оставив русским весь свой лагерь с большими запасами. Победа русских была полная, только князя долго не могли найти. Наконец, нашли его, в избитом доспехе, под срубленным деревом. Целые восемь дней, с 8-го по 16-е сентября, хоронили убитых, и так как битва произошла в праздник рождества богородицы, то над общей могилой русских Дмитрий Донской поставил церковь во имя этого праздника; теперь около этой могилы село Рождествино. Тотчас по возвращении в Москву после победы Дмитрий в благодарность построил церковь Всех Святых на Кулишках, на углу теперешней Солянки; а сам Дмитрий за свою победу получил прозвание Донского.

Велика была радость на Руси после Куликовской победы; думали, что навсегда кончилась татарская неволя. Тогдашний поэт, прославляя Куликовскую битву, так изображает настроение бегущих с поля сражения татар: „уже нам, брате, в земле своей не бывать, и детей своих не видать, а в Русь ратью нам не хаживать, а выхода (дани) нам у русских людей не прашивать“. Однако, радость была преждевременна. В то время, как в Золотой Орде были смуты, в центральной Азии опять появился могучий хан, подобный Чингис-хану; звали его Тамерлан. Он составил себе огромное царство и за десять лет до Куликовской битвы дошел уже до Прикаспийских степей. Один из его полководцев, Тохтамыш, в 1382 г. напал на Мамая и завоевал его царство, а с русских князей потребовал дань. Неохотно те согласились и думали, что дело улажено; но Тохтамыш неожиданно пришел к Москве, разграбил Кремль и перебил много народу. Опять как будто настали тяжелые времена. Тем временем Дмитрий умер, князем стал его сын Василий I. И вот в 1395 г. надвинулась новая гроза: пришла весть, что идет на Русь сам страшный Тамерлан, все истребляя и опустошая на своем пути. Уже был взят и разграблен Елец, на Оке, всего в 400 верстах от Москвы. Казалось, вновь пришли времена Батыя. Однако, Василию удалось избегнуть опасности и при этом еще больше укрепить свою власть и значение Москвы.

В минуту такой опасности Василию казалось недостаточным одних военных приготовлений. Он послал на Оку большое войско, но в то же время, как и его отец Дмитрий, прибегнул к божественной помощи. В Успенском соборе слева от царских врат главного алтаря мы увидим огромную икону божией матери, аршина в $1^1/_2$ вышины и почти в аршин ширины. Это самая старинная русская

икона, так называемая икона Владимирской божией матери. Для нее был построен во Владимире Успенский собор; но туда она попала еще из Киева, а киевские князья достали ее в Константинополе. Икона эта была поставлена в соборе на Вышгороде, рядом с Киевом; в Вышгороде князем был Андрей Боголюбский, который не любил юга и ушел во Владимир тайком от отца, захватив тайком и эту икону. Про чудотворную силу этой иконы ходили самые необычайные рассказы; владимирцы дорожили ею, так как считали ее самою великой покровительницей своего города. Ни Калита, ни Дмитрий Донской не осмелились взять эту икону из Владимира; но Василий перед лицом грозной опасности решился перевести в Москву и икону Владимирской божией матери. Икону несли в Москву

„Токиэ" или усыпальница ханов в Касимове.

с торжественным крестным ходом, навстречу иконе вышел князь с семьей, митрополит, духовенство и бояре, и ждали ее за Москвою на Кучковом поле, там, где теперь улица Сретенка. Вскоре после принесения иконы в Москву пришла весть, что Тамерлан повернул назад, не приняв боя. Нерешительность Тамерлана приписали, конечно, чудесному действию иконы; торжество в Москве было полное. Князь и митрополит, а за ним и другие русские люди считали это событие настолько знаменательным, что постарались его увековечить. На месте встречи иконы был построен Сретенский монастырь, и от него получила название и улица. Церковные живописцы изображали перенесение иконы в стенах храмов. В Ярославле в церкви Иоанна Златоуста до сих пор есть такая картина. Она разделяется на две половины. Направо изображена встреча иконы в поле; вдали виднеется Успенский собор, а перед иконой стоят

коленопреклоненный князь и в полном облачении митрополит. Налево изображена внутренность Успенского собора; икона уже на месте, перед ней горит свеча, и ей поклоняются князь и митрополит.

Были после Тамерлана и еще нашествия, татары причиняли русским немало бедствий, но уже Москву взять не были в силах. Все сильнее и сильнее становились московские князья и все меньше платили татарам дани. Сами татары стали переходить на службу к русским князьям. На левом высоком берегу Оки есть городок, со старинным магометанским храмом-мечетью и многолюдным татарским населением: город этот называется Касимовым, так как был отдан внуком Дмитрия Донского, Василием II, татарскому царевичу Касиму, пришедшему из Казани на русскую службу. Около мечети и за городом сохраняются еще гробницы Касима и его потомков. Царевич Касим и пришедшие вслед за ним татары верно служили русским и не раз оказывали нам помощь против самих же татар. А в Костроме есть знаменитый Ипатьевский монастырь, основанный, по преданию, татарским мурзой Четом, который крестился и перешел на русскую службу через 50 лет после Куликовской битвы; от Чета пошел род бояр Годуновых. Наконец, 100 лет спустя после Куликовской битвы московский князь Иван III совсем отказался платить дань татарам. Тогда к русским пределам пришел с войском хан Золотой Орды Ахмат и долго стоял на реке Угре, не решаясь напасть на Москву. Тем времнем Иоанн III вступил в союз против Золотой Орды с враждебным ей другим татарским ханом — крымским, и крымцы с московскими воеводами напали в отсутствие Ахмата на его собственную землю; а вместе с тем приближалась зима, и начались морозы. Ахмат внезапно отступил, а потом был убит одним из своих же подданных. Иоанн III перестал платить дань Золотой Орде, — и с этого времени кончилось татарское иго. Так совершилось возвышение Москвы.

IX. Начало Московского государства.

Постепенно московскому князю подчинились князья тверской, рязанский и множество мелких князей. Когда в 1462 году сделался князем Иван III, Москве не были подвластны только Новгород и Псков. Правда, города эти признавали власть московского князя, платили ему дань, но по уговору, московский князь не мог нарушать новгородских и псковских законов и обычаев и не мог распоряжаться там так же, как в других своих владениях. Но недолго

пришлось Новгороду и Пскову пользоваться своей свободой; в том же Успенском соборе, который так много уже поведал нам, мы можем увидать памятник победы над Новгородом. Рядом с царскими вратами главного алтаря, налево от них, помещена икона спасителя, сидящего на престоле; в левой руке у него развернутое евангелие, а правая рука его протянута книзу; на развернутом евангелии мы видим греческие слова: „Я — свет мира". Значит, икона не русская; и действительно, икона была привезена из Корсуня (был в старину такой греческий город в теперешнем Крыму) и стояла до 1476 года в новгородском соборе св. Софии. А в 1476 году московский князь Иван III перенес ее из Новгорода в Москву в память покорения Новгорода. Как же случилось падение Новгорода? Ведь он раньше был в дружбе с московскими князьями; отчего же произошла ссора между Москвой и Новгородом?

После того, как московские князья одолели тверских князей, Москва быстро стала богатеть, а Тверь стала разоряться. Новгородские гости ездили теперь через Москву; у купцов московского посада покупали они хлеб, которого не хватало новгородцам, так как страна новгородская была сырая, болотистая. Московские же гости охотно покупали у новгородцев разные немецкие товары вместо тех, какие прежде покупались у арабских, болгарских и хозарских купцов. Новгородские купцы везли в Москву оружие и другие металлические изделия, дорогие шерстяные и шелковые материи, заморские вина и драгоценные украшения. На торговле с новгородцами богател московский „посад", как называли тогда купеческую слободу, образовавшуюся вдоль берега Москвы, между Кремлем и устьем Яузы. Московские купцы сначала охотно уступали первое место новгородским купцам; но как только они стали побогаче, они стали мечтать о том, чтобы торговать с Новгородом и с немцами самим, без участия новгородских гостей. Если бы московский купец мог продать хлеб прямо новгородскому жителю, он продал бы дороже; если бы московский купец мог купить прямо у немецкого гостя, он купил бы дешевле; но приходилось всегда иметь дело с приезжавшими в Москву новгородскими гостями, продавать им хлеб по той цене, какую они дадут, и покупать у них немецкие товары по той цене, какую они запросят. По этому московские купцы понемногу стали ссориться и соперничать с новгородскими купцами. Московский князь и бояре сочувствовали купцам московского посада. У Новгорода были огромные владения; а бояр у московского князя стало очень много, всем им хотелось получить побольше вотчин и выгодных должностей. Московский князь мог бы назначить их в Новгород и в новгородские земли, но

не имел права; новгородцы московских бояр к себе не пускали. Митрополит московский тоже был недоволен новгородцами. Новгородский архиепископ не слушался его, вел себя, как самостоятельный митрополит. Он говорил, что его выбирает новгородское вече, а московский митрополит только утверждает; он и должен прежде всего слушаться Новгорода, а не Москвы. Так мало-по-малу стали происходить между Новгородом и Москвой ссоры, сначала мелкие, потом крупные. Бояре новгородские поняли, что им грозит со стороны Москвы страшная опасность, и стали искать помощи у соседа, литовского князя. Когда слухи об этом дошли до Москвы, то сначала попробовали подействовать на новгородцев увещаниями. Митрополит послал в Новгород грамоту, в которой грозил новгородцам казнями от гнева божьего и предлагал им „смириться под крепкую руку благоверного и благочестивого государя русских земель“. Но бояре не послушались и заключили союз с Литвой. Тогда Иван III сейчас же поднялся походом на Новгород. Бояр он обвинил в измене и Москве, и православной вере (литовский князь был католик). Митрополит благословил Ивана III на поход, сказав: „как Самуил благословил Давида на борьбу с Голиафом, так я благословляю тебя на борьбу с Новгородом, ибо новгородцы отступили не только от своего государя, но и от самого бога“. Литовцы не оказали Новгороду помощи, и Иван III победил новгородское войско на реке Шелони. Новгородцы покорились Ивану на всей его воле. Скоро и колокол вечевой был увезен из Новгорода, и в Новгороде стал управлять посадник московского князя. Новгородских бояр переселили в Москву и отвели им место там, где теперь улицы Тверская и Большая Дмитровка (раньше тут шла большая дорога в Тверь и в Новгород); а на их место поселили московских. А 7000 новгородских богачей, „житьих людей“, выселили совсем из Новгорода „на Низ“, т.-е. на Волгу, к Нижнему-Новгороду. Через 30—40 лет после Новгорода пришла такая же участь и Пскову: сын Ивана III, Василий III, покорил Псков и увез оттуда также икону Псковской божией матери, которую поставил тоже в Успенском соборе, в приделе Петра; теперь она перенесена в соборную ризницу. Вслед за Псковом князь Василий отнял у Литвы захваченный литовскими князьями город Смоленск и увез оттуда икону Одигитрии Смоленской божией матери; эта икона также была поставлена в иконостас Успенского собора, и мы ее можем увидеть у врат правого придела. Так в иконостасе и в приделах Успенского собора собраны памятники всех успехов московских князей. Каждое важное событие князья старались отметить постановкой иконы в своем соборе; и они искренно были уве-

рены, что иконы, перенесенные из покоренных городов в Москву, перестают покровительствовать побежденному городу, но покровительство свое оказывают уже только Москве.

Взирая на иконы, собранные в Успенском соборе, московский князь чувствовал себя совсем иначе, чем его предки XIII—XIV века, у которых в иконостасе бедной церковки Иоанна Предтечи стояли иконы только дедов и прадедов. Он чувствовал себя уже не маленьким князем-помещиком, а „государем русских земель“, или „государем всея Руси“. Приходя в Успенский собор на молитву, московский великий князь уже не считал достойным своего сана стоять за службой, хотя бы и отдельно, но так же, как и все прочие.

Патриарх Неофит венчает Владимира Мономаха (с трона Мономаха).

Теперь для него был устроен особый трон, который мы и сейчас видим в Успенском соборе. Этот трон называется „троном Мономаха“; он покажет нам, как стали смотреть с XVI в. московские государи на свою власть.

Трон сделан из орехового дерева; верхушка его вся резная и увенчана двухглавым орлом, вместо ножек — четыре полулежащих льва. У входа сделаны дверцы с надписями в круглых рамках, а по трем остальным сторонам трона сделано 12 рельефных резных рисунков с объяснительными надписями (по 4 рисунка с каждой стороны). В надписи на дверцах рассказывается о великом князе киевском Владимире Всеволодовиче, как и за что получил он проз-

вище Мономаха, и какие от этого получились последствия. Решил Владимир на совете с боярами, по примеру предков своих, ходивших в поход на Царьград и бравших дань с царя греческого, тоже итти в поход на Грецию. „Сердце царево в руце божией, как писано есть, а мы в твоей воле, господаря нашего“,—ответили бояре. Тогда Владимир собрал большое войско и послал его в Фракию и другие царьградские области; войско „пленило веси Фракийские“ и вернулось с большим богатством. А царем греческим был тогда Константин Мономах, которому пришлось в это время воевать с персами и с латинами; испугался он при таких трудных обстоятельствах Владимира, снял с головы своей венец царский, собрал богатые дары и послал со всем этим к Владимиру посольство во главе с митрополитом Неофитом просить у него мира и венчать его самодержавным царем Великой России. Неофит прибыл в Киев и венчал Владимира царским венцом и нарек его Мономахом и царем Великой России; с тех пор, — заканчивается надпись, — и венчаются этим венцом все великие князья владимирские. Рисунки изображают различные моменты этой истории: как Владимир совещается с боярами, собирает войско, как войско побеждает греков и опустошает Фракию, как греческий царь держит по этому поводу совет, собирает дары и снаряжает посольство, как послы едут к Киеву и как Неофит венчает Владимира.

Трон этот, однако, не принадлежит Владимиру Мономаху, потому что вся история, написанная на нем, вымышленная. Греческий царь Константин Мономах царствовал много раньше Владимира Всеволодовича; когда Константин в 1054 г. умер, Владимиру всего было один год от роду. Никакого похода Владимир на Грецию не совершал; последний русский поход на Царьград был, действительно, при Константине Мономахе, но окончился он самым жестоким поражением русских: суда их были сожжены греческим огнем, и бóльшая часть войска вместе с воеводой была взята в плен. А в летописи мы читаем первое упоминание о троне Мономаха в 1553 г. — при Иване IV Грозном, который первый из московских государей венчался на царство и принял титул царя: до тех пор царем и самодержцем русские именовали только татарского хана. Надо полагать, что трон был сооружен именно для венчания на царство Ивана IV, а надписи должны были показать, что Иван— не первый из русских князей на царском троне, но имел на царский титул наследственное право. Царь всея великой России—вот как стали теперь титуловаться московские государи.

Но в вымышленной истории, которую мы прочитали на троне Мономаха, говорится, будто Владимир получил царский венец из

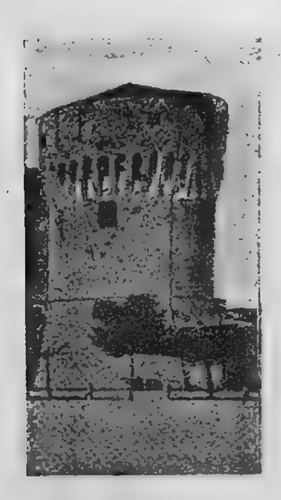
рук греческого митрополита, присланного византийским кесарем после победы русских над греческими войсками. Для чего понадобилось это упоминание? Не для того ли, чтобы показать, будто московский государь сильнее и славнее византийского кесаря? Действительно, такие претензии появились в XV и XVI веке у московских государей.

Незадолго до княжения Ивана III греческое царство пришло в окончательный упадок и было завоевано турками; не осталось другого самостоятельного православного государства, кроме Москвы. Естественно, что московский великий князь стал считать себя преемником греческих или, как их тогда называли, византийских императоров, главным защитником православия; в этом его поддерживали митрополит и бояре. Ивану III представился случай породниться с бывшими греческими царями. Он рано овдовел и стал свататься за племянницу последнего византийского императора, Софью Палеолог. Сватовство удалось, и Иван III на ней женился; а женившись, стал вести себя совсем, как византийский кесарь: завел при дворе новый необыкновенный порядок, пышные церемонии, поклоны, встречи, сшил себе особое одеяние наподобие одежд греческих царей. Так же вел себя его сын, великий князь Василий III; один монах составил для него сказание о Москве — третьем Риме. Был первый Рим—великий город, которому принадлежал весь мир; не было раньше царства могущественнее и больше, чем римская держава, — говорилось в этом сочинении, — и принадлежала ему вся земля; но впал он в латинскую ересь (т.-е. в католическую веру), и за то бог погубил его и передал власть над миром второму Риму, Константинополю, или Византии. Но и второй Рим не сохранил чистой веры; а за то бог отдал и его во власть неверных. Третий Рим — Москва, а четвертому не бывать; Москва и будет владычицей мира. А затем стали доказывать, что и род свой московские государи ведут от самих римских импера-

Успенский собор в Москве.

торов. Один из бывших киевских митрополитов написал для московского князя краткую историю всего мира и римского царства. В ней он говорит, что император римский Август поделился властью над миром со своими братьями; одному из них, Прусу, дал земли по берегам реки Вислы, потомки Пруса и царствовали здесь. Из рода Прусова призвали себе новгородцы князя Рюрика, и Рюрик сделался родоначальником всех русских князей. Значит, выходило, что и московский князь происходит из рода римского императора Августа. Эта льстивая вымышленная история пришлась московскому князю как нельзя более по вкусу. Тогда не умели разбираться в написанном, допытываться, что правда, а что вымысел: всякое писание казалось правдивым. И Василий в переписке с литовскими князьями прямо хвастался своим происхождением: ты, князь литовский, неизвестно какого происхождения, а я ведь от самого Августа род веду! Сын Василия Иван IV, венчался уже царем, и для него соорудили описанный нами трон Мономаха, с такой же льстивой вымышленной историей, как сказания о Москве — третьем Риме и о Прусе, брате Августа.

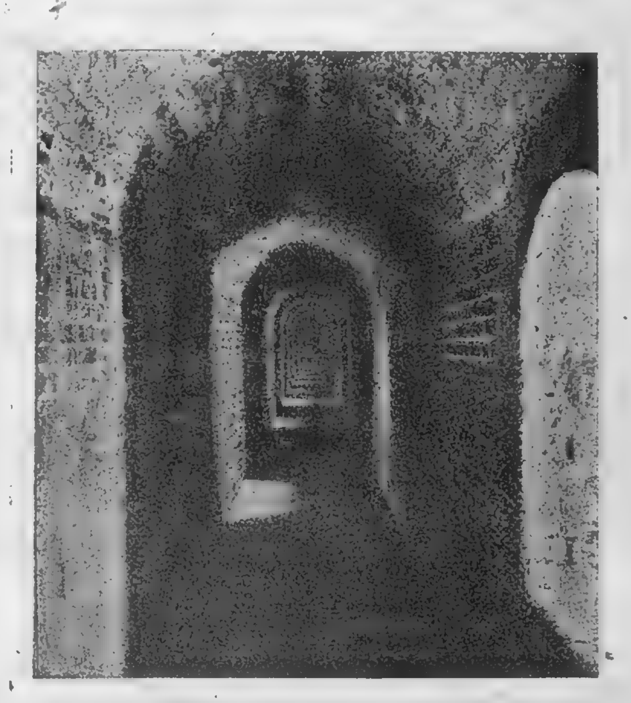

Башня в Луго.

Выйдем теперь из Успенского собора и обратим внимание на его современный внешний вид. Он не похож на старинные каменные храмы, которые, как мы знаем, строились просто, квадратной формы, с одним куполом—таков был первоначальный собор Ивана Калиты и другие старинные каменные соборы. Теперешний Успенский собор имеет продолговатую, а не квадратную форму; куполов на нем пять, на половине высоты идет по стене перехват, как будто собор двухэтажный. Архангельский и Благовещенский соборы, стоящие около Успенского, имеют такую же продолговатую форму и по пяти куполов; раньше вид их был тоже иной. Перестройка соборов произошла в то же самое время, когда московский великий князь сделался государем всея Руси.

Когда Иван III покорил Новгород, окончательно смирил Тверь и Рязань и женился на греческой царевне, Кремль имел неказистый вид и мало соответствовал новому достоинству московского государя. Собор и дворец, построенные Калитою, пришли в ветхость; стены Кремля, которые при Дмитрии Донском были построены заново, жестоко пострадали во время нашествия Тохтамыша и еле-еле поддерживались постоянными починками. Ивану III все эти кремлевские сооружения стали казаться уже совсем негодными.

Было отправлено посольство в Италию, и оттуда привезли мастера Рудольфа Фиоравенти, „кой ставит церкви и палаты"; этот итальянский архитектор у себя на родине был знаменитостью и получил прозвище Аристотеля „хитрости своея ради", — т.-е. за свои необыкновенные познания и искусство. Аристотелю было поручено перестроить Успенский собор; итальянский мастер сломал старое здание совсем и выстроил здание совершенно заново; иконы и мощи были временно вынесены, а потом были помещены на прежних местах в новом соборе. Перестраивая собор, Аристотель придал ему продолговатую форму, какую имеют храмы в Греции, в Италии и в других западных странах, по образцу первоначальных христианских храмов, которые обычно имели вид продолговатой залы. В этом отношении Аристотель отступил от старых русских образцов и подражал греческим и итальянским храмам.

Ход внутри Кремлевской стены.

Вслед за Аристотелем приехали три другие мастера; им было поручено перестроить Благовещенский и Архангельский собор, построить князю новый дворец и выстроить новые кремлевские укрепления — каменные стены, рвы и валы. Построенные ими стены Кремля — те самые, которые существуют и сейчас. Правда, они подвергались несколько раз переделкам, но в общем сохранили свой вид; больше изменились башни, в особенности угловые: на них построили впоследствии верхушки, каких при Иване III не было. Мастера, строившие стены и башни, были тоже из Италии; новые укрепления Кремля они соорудили совершенно по той же форме, по какой строились стены и башни в итальянских городах того времени — в Милане, Мантуе, Луго. Башни оканчивались наверху стрельницами особой итальянской формы: стрельницы были сделаны не прямые, а нависали вперед, под углом к стенам башни; из таких стрельниц было удобнее целиться и стрелять. Поверх башен были сделаны деревянные кровли; их теперь нет, они были сломаны при

постройке вышек. Двурогие зубцы на стенах, точно „ласточкины хвосты“, были сделаны совершенно такие же, как зубцы стен в Виченце, Милане, Вероне. В толще стен были сделаны потайные ходы, также по итальянскому образцу; некоторые из этих ходов теперь заложены, а некоторые существуют до сих пор. Так московский Кремль принял новый вид: с неприступными стенами, бойницами, рвами и валами он ни в чем не уступал западно-европейским твердыням. Вслед за царем стали перестраивать свои дома митрополит и бояре, и Кремль из деревянного весь стал каменным.

Так за триста лет изменился и вид Москвы и власть московского князя. Из маленькой деревянной усадьбы, где жил только князь да его дворня, Москва стала каменным городом, где жили уже митрополит и бояре. А рядом с Кремлем вырос купеческий посад, вокруг которого, в свою очередь, понемногу строились новые слободы. Власть московского князя признавали теперь уже не только крестьяне подмосковных сел, но жители огромной области, от Оки вплоть до Ладожского озера и Белого моря и от Смоленска до Уральских гор. И сам князь московский считал себя уже не одним из многих князей русских, а единым русским государем, царем, наследником византийских кесарей.

X. Города сторожевой границы.

Мы знаем теперь, что во время княжения Ивана III (в половине XV века) русские земли собрались под властью одного государя, великого князя московского. Избавилась Русь от подчинения татарам и стала независимой страною. Можно ее назвать с этого времени **государством**. Теперь надо нам узнать, каково было это Московское государство, каковы были его пределы и какие были его главные заботы.

В 93 верстах от Москвы есть уездный город Московской губернии, Серпухов. Лежит он на реке Оке, при впадении в нее речки Нары. Это старинный город. Еще в завещании Ивана Калиты упоминается он; в то время, вероятно, был он еще не городом, а только селом. Поездка в Серпухов будет для нас интересна и поучительна. Поедем туда и осмотрим этот город. Быстро везет нас поезд, мелькают одна за другой станции. Путь наш довольно однообразен. Первые 20—25 верст от Москвы поезд мчится по совершенно безлесной местности. Когда-то были и здесь могучие леса, но давно уже все они вырублены и обращены под огороды и под пашни. Только после станции Царицыно начинают попадаться перелески. За Подольском

они встречаются уже чаще; иной раз верст 5—6 поезд катит среди леса, и гулко разносится лесным эхом рев паровозного гудка. Лес довольно молодой; видно, что не раз его вырубали, и он вырастал вновь на вырубленной сече. Но все-таки этот лес—прямой потомок старинных дремучих лесов, окружавших когда-то Москву. Лес и перелесок бегут мимо нас почти все время, пока мы едем от Подольска до Серпухова. Приближаясь к цели нашего путешествия, мы издалека замечаем ряд фабричных труб, из которых клубами валит черный дым. Это уже виден Серпухов. Теперь в нем несколько больших фабрик; из всех уездных городов Московской губернии теперь он самый большой и богатый. От станции до самого города приходится ехать версты две слободой, грязной и пыльной, как все большие пригородные слободы. С шоссейной дороги, по которой мы едем, виден высокий противоположный берег Оки (от станции до Оки 6 верст, а город в 2—3 верстах от Оки). Далеко, насколько хватает глаз, виден этот берег; ширь там необъятная, лесов и даже деревьев там не видно, расстилается раздольная степь. Достигнув города, направимся по главной улице прямо к реке Наре, оставив в стороне базарную площадь, где стоит новый собор и сосредоточены все главные магазины. На самом берегу Нары, вправо от моста через нее, мы увидим огромную кручу, а на ней полуразрушенные каменные стены. Круча поднимается горою, слева от нее Нара, справа, в глубоком овраге, течет маленькая речка, почти ручеек, Серпейка. Из-за стен на круче видна церковная маковка, а за кручей еще несколоко церквей, а между ними видны фабричные трубы, изрыгающие клубы черного дыма. Сразу на нас веет каким-то своеобразным духом: старинные стены, простоявшие много веков, а за ними типичная картина XX века; старая крепость превратилась в промышленный город.

Крепость сразу заинтересовывает нас; очевидно, ранее Серпухов был твердыней, защищавшей доступ к Москве от какого-то врага. Тут, наверное, была и граница владений Московского государства: ведь крепости обычно строятся на границах, там, где может вторгнуться неприятель. Если мы случайно заглянем в другие города на Оке, восточнее Серпухова, то и там мы найдем то же самое. В Коломне, на высоком берегу между рекой Москвой и Коломенкой, которая впадает здесь в реку Москву, также есть остатки старой каменной крепости. Остатки укреплений сохранились и в другом селении, между Серпуховом и Коломной, в Кашире (теперь село Старая Кашира, верстах в 10 от нового города Кашира). Все это убеждает нас в том, что по Оке шла южная граница Мо-

сковского государства; она была укреплена, так как с юга всегда грозил Москве и ее владениям свирепый враг—татары.

После того, как при Иване III Москва перестала платить дань золотоордынскому хану, татары стали самыми надоедливыми и самыми свирепыми врагами Москвы. Татарская орда, как вы уже знаете, в это время распалась на несколько отдельных царств. Одно из самых крупных царств было царство Крымское, то самое, которое помогало Ивану III против Золотой Орды. Но времена переменились, и крымские татары из друзей сделались врагами. Отряды их делали ежегодно набеги на русские земли. От Крыма шли они

Вид Серпуховской кручи.

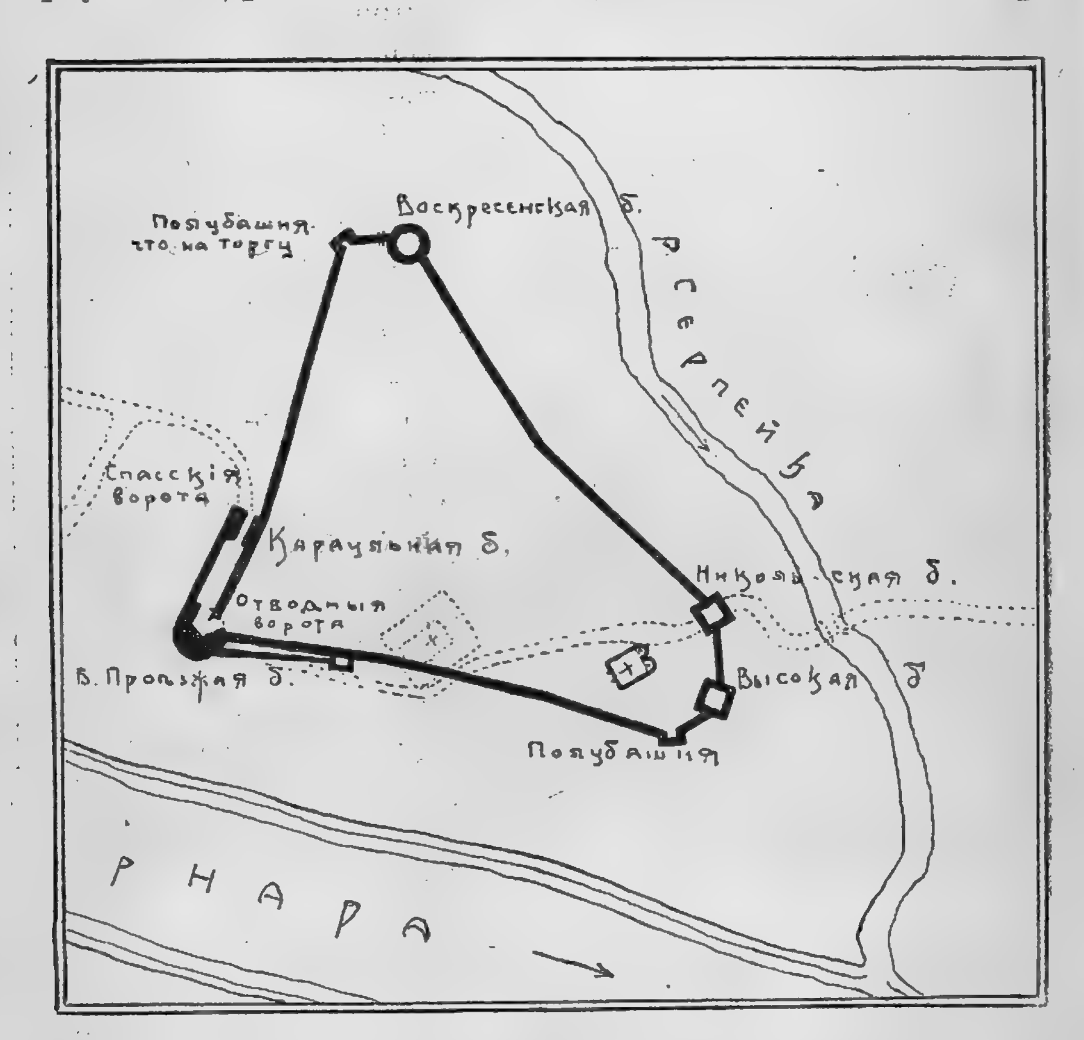
лощинами между Днепром и Доном; тут они изучили каждый бугорок и каждый овражек и так искусно прятались, что проследить их было почти невозможно. Степью шли они до Оки, не встречая отпора: трудно было выследить их и угнаться за ними. Подойдя к Оке, татары в брод переходили через нее и начинали производить свои опустошительные набеги на русские поселения. Пылали села и города, а татарские всадники грабили все, что попадалось под руку. Два раза крымский хан доходил даже до самой Москвы и опустошал ее. Главною приманкою для них было не разное добро, какое они могли награбить в опустошенных ими поселениях. Мало было тогда богатых золотом и серебром людей в Московском госу-

дарстве; богатства бояр и князей состояли по большей части не в деньгах и не в драгоценных вещах, а в земле и во всяких хозяйственных запасах. Татарам не дорога была добыча хлебом или медом; хлеба у них было много своего, а мед им был не нужен. Искали татары и уводили с собою живую добычу, людей и скот. Сжигая и разрушая села и города, татары не избивали населения, но старались захватить его в плен; не давали пощады только старым бессильным людям, а детей, юношей и взрослых людей старались сохранить и захватить в плен. Эту живую добычу и гнали они к себе в Крым; там в их приморских городах уже ждали их прихода торговцы рабами. Захваченных в плен русских татары продавали за большие деньги; русских невольников сажали на корабли и везли в Турецкую империю. Мы теперь не можем представить себе, какова была эта торговля рабами,—до того для нас она непонятна и бесчеловечна. Пленные приводились в Крым десятками тысяч, татары вели их не только из Московского государства, но также из соседней с нами Литвы и Польши. Теперь нам понятно, какие страшные враги были татары.

От них приходилось всеми силами обороняться. В степи, за Окой, татарам было раздолье, там их одолеть было невозможно. Первая трудная преграда для татар была Ока, широкая и многоводная река. Не везде через нее можно было переправиться, мелких мест, где были броды, на ней было немного. Правда, татарские кони прекрасно плавали, и в более узких местах татары переправлялись вплавь, но на это они редко решались. Поэтому русские люди того времени любили и благословляли Оку. Ока — точно непрелазная стена, данная самим богом,—говорили тогда. Вот эту-то „непрелазную стену“ и нужно было сторожить и укреплять, чтобы не дать врагу чрез нее перебраться. Для того и стали устраивать на московском берегу Оки сторожевые каменные города. Все они устраивались по одному образцу, были друг на друга похожи. Развалины каменного города в Серпухове дадут нам понятие о всех таких городах.

Направимся к остаткам серпуховской крепости от главной улицы, свернув с нее, не доходя до моста через реку Нару. Дорога к крепости пойдет по берегу Нары, покрытому огородами. Перед нашими взорами поднимается почти отвесная круча, а на ней видны остатки огромных каменных стен с пустыми промежутками. Промежутки находятся как раз в тех местах, где раньше стояли крепостные башни; по виду своему они походили на башни московского кремля. По деревянному мостику мы перейдем через речонку Серпейку, летом теперь почти пересыхающую; дальше до-

рога вымощена белым, как снег, камнем и поднимается по склону кручи зигзагами. Дорога эта новая, сделанная уже после того, как Серпухов весь перестроился, и крепость разрушилась. Через промежуток между стенами дорога вводит нас внутрь крепости. Перед собой мы видим невдалеке белую каменную церковь, а ближе к нам, слева, стоят рядом два невысоких каменных столба с крестами на верхушках. Церковь тоже новая; старая церковь стояла на том са-

Предположительный план древней Серпуховской крепости.

мом месте, где мы видим столбы; такие столбы всегда ставятся на месте алтарей сломанной и перенесенной на другое место церкви. Столбов два; значит, в церкви было два алтаря, главный и в приделе; а называлась церковь во имя св. Николая, как показывает название башни, стоявшей сзади церкви (Никольская башня) [1].

[1]) См. план. Пунктиром на нем обозначены современная церковь и современная дорога.

С высоты кручи окинем взглядом вид, открывающийся за Нарой и по ее течению. Тут мы видим прежде всего, что к крепости нелегко было добраться. Надо было перебраться через Оку, в которую впадает Нара, и через Нару, у самых стен крепости. Но прежде, чем неприятель подойдет к крепости, его издалека видно с крепостных стен. Круча так высоко поднимается над окрестностями, что даже простым глазом видно местность верст на 15 кругом. Теперь все пространство перед нашими глазами застроено городскими домами, окруженными зеленью прилегающих садов; ранее за Нарой было пустынное открытое пространство, а если смотреть вдоль ее течения, то была видна и серебристая лента Оки, загороженная теперь Высоцким монастырем и домами. Караульщики на башнях издали могли заметить приближение врага и дать сигнал воинам собираться на стены и готовиться к бою. Стены сложены из огромных камней, обтесанных прямоугольником, четверть аршина вышиной и около $^1/_2$ арш. длиной; вышина стен около 8—10 аршин, а ширина около 6 аршин. Такие толстые и твердые стены были непреодолимой преградой для нападающих. Отправляясь в степные набеги, татары составляли легкие конные отряды и не брали с собой никаких орудий, посредством которых они могли бы делать в стене бреши. Приходилось им или лезть по отвесной круче к стенам и стараться взобраться на стены при помощи лестниц, или сосредоточивать все свои силы против ворот крепости. Первый способ был очень простой, но и очень опасный: сверху защитники крепости все время могли осыпать татар ударами, стрелять в них из луков и пищалей, лить на них кипящую смолу. Поэтому не всегда могли решаться татары на такой прямой приступ; иногда они предпочитали действовать против ворот крепости. Строители крепости хорошо понимали, что ворота нуждаются в особой защите. И как вы увидите из плана, ворота были защищены очень искусно.

Ворота были сделаны не там, где мы вошли в крепость; тут была в старину глухая стена с двумя башнями, Высокой и Никольской. Ворота здесь устроить было опасно, потому что эта сторона крепости была слабее всего защищена: она прямо обращена к Оке и прикрыта только узенькой Серпейкой. Ворота были устроены с противоположной стороны крепости. Пройдем мимо теперешней церкви и направимся вдоль остатков стены, обращенной к реке Наре. Тут мы скоро заметим остатки другой стены, слева от нас; дорога, по которой мы идем, окажется между этими двумя стенами. Дойдя до угла, мы увидим, что вместе с остатками стен поворачивает и дорога, спускаясь постепенно вниз; напротив кручи, слева от нас, будет тоже овраг, а за оврагом площадь, и на ней старинная цер-

ковь Вознесения, церковь каменная, но как две капли воды похожая на старинные деревянные церкви, в роде церкви Иоанна Предтечи в первоначальной Москве. Эта дорога между двумя стенами и служила в старину входом в крепость, а площадь и церковь за оврагом—это самая старинная часть серпуховской торговой слободы. Тут, закрытая крепостью, была торговая площадь, окруженная улицами и переулками торговой слободы. Овраг раньше был рвом, наполненным водою; ров был прорыт между Нарой и Серпейкой, так что со всех сторон крепость была окружена водою. Со стороны этого рва, с задней стороны крепости и был въезд в нее. Главные ворота были Спасские, как раз напротив церкви Вознесения; но они были сделаны не прямо в главной стене, а между двумя стенами, главной и наружной, так называемой о т в о д н о й стеной. Над Спасскими воротами была Караульная башня; пройдя через ворота, дорога шла между двумя высокими стенами до угловой, Большой Проезжей башни. Только здесь, под защитой башни и отводной стены, были ворота в главной стене, Отводные ворота. А отводная стена продолжалась и вдоль Нары и соединялась с главной стеной маленькой полубашней. Теперь нам видно, как трудно было татарам овладеть воротами. Нужно было сначала обойти всю крепость кругом, под ударами с крепостных стен, в глубоком овраге; а затем, чтобы пробраться к воротам, нужно было взбираться вдоль стен, потому что ворота были устроены сбоку. Если бы удалось татарам взять Спасские ворота, то они еще не очутились бы в крепости; напротив, они попали бы между двух стен, как в ловушку. И Серпуховской город был действительно неприступен для татар. С тех пор, как царь Иван Грозный выстроил этот каменный город, татары не нападали на него — было бесполезно. Зато раньше, пока город был только дубовый, он не раз горел и разрушался от татарских нападений.

Такие же каменные города были в Коломне, в Кашире, в Алексине. Из них интересен город в Коломне, в 108 вер. от Москвы; там не только сохранились стены, но также уцелели некоторые части укреплений, исчезнувшие в Серпухове. Как в Серпухове, Коломенская крепость расположена тоже при слиянии двух рек — при впадении Коломенки в Москву, которая в свою очередь впадает в Оку верстах в 5 от города. В Коломне сохранились башни, которых мы не видели в Серпухове. Главная из них — Пятницкая, прикрывает ворота; впереди ее выступ, как у Московских Спасских ворот — это с т р е л ь н и ц а, где становились защитники и ставились орудия крепости, чтобы стрелять в врагов. А в проходе, в своде башни мы видим щель для опускания сверху железной ре-

шетки, чтобы была, кроме ворот, еще преграда для врагов. В левой части башни мы увидим остатки потайного хода, шедшего когда-то по самой толще стены. Опускная решетка, потайный ход—все это облегчало задачу защитников крепости и затрудняло врагов.

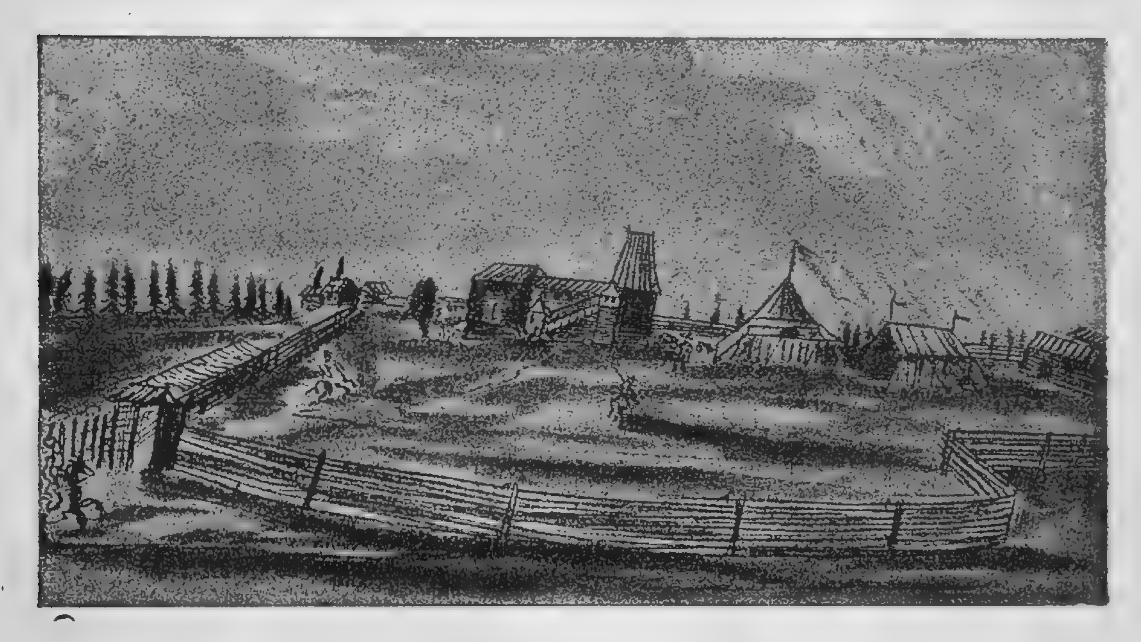
Но между этими каменными городами, при всей их крепости, татары все же могли найти удобное место для переправы через Оку и проникнуть внезапно в пределы Московского государства. Поэтому старались укрепить также пространство между городами. Между ними по берегу Оки устраивали окопы, т.-е. валы и рвы, а также засеки. Засеки были в особенности важны. Татары все были на конях; но конница легко может передвигаться по открытому месту, в лесу же ей передвигаться трудно. Защитники нашей границы не довольствовались тем, что по московскому берегу Оки было много лесов; они делали еще в лесах особые заграждения. За первыми рядами окопов срубали деревья и сваливали их в кучу; наткнувшись на такую „засеку", татарский всадник с конем никак не мог через нее перебраться и должен был сворачивать обратно.

Но все эти заграждения не могли помочь против внезапных нападений татар. Ведь всю границу сплошь превратить в засеки было невозможно; татары всегда могли высмотреть незащищенное место и проникнуть внутрь московских пределов. Поэтому из городов посылали в степь особые разведочные отряды. Время, когда татары чаще всего нападали, было хорошо известно; это всегда бывало по весне. Ранней весной и выезжали в степь разведочные отряды, „сторóжи", как их называли. Они также были на конях; они направлялись к обычной татарской дороге и высматривали, не идет ли татарин. Тут нужно было много ловкости, хитрости, а главное, быстроты. Сторожевой отряд выбирал себе какое-нибудь высокое дерево, одиноко стоящее посреди степи, и располагался около него станом. По очереди воины из отряда дежурили на верхушке дерева, как на караульной башне, и смотрели, не видно ли вдалеке пыли от едущих всадников. Как только опытным глазом сторож замечал вдалеке подозрительную пыль, он сейчас же давал знать своим товарищам. Одни из них сейчас же скакали к другим сторóжам с известием, что идут татары; известие быстро передавалось от одной сторóжи к другой, и из каждого отряда летел сейчас же гонец в свой город. А другие воины из сторожевого отряда мчались обходным путем к тому месту, где был замечен татарский отряд, и старались заехать сзади него; по следам от лошадей они приблизительно определяли, сколько всего татар в отряде, и затем как можно быстрее летели назад, делая опять-таки крюк, но стараясь обогнать татар. Это почти всегда удавалось разведчи-

кам, потому что татары обычно ездили по степи не быстро, жалели коней и делали частые остановки для отдыха. Разведчики почти всегда успевали обогнать татар и известить своих, сколько идет татар, когда приблизительно можно ждать их нападения и в каком месте они нападут. Тогда начинались лихорадочные приготовления к отпору. Население спешило укрыться за городские и монастырские стены; в крепости собирались и военно-служилые люди, и крепости, обычно пустынные, становились шумными и многолюдными. Военно-служилые люди останавливались в своих домах; у каждого военного человека, приписанного к крепости, был в ней „осадный дом“, где он поселялся во время осады. А прочие располагались, как придется — кто под открытым небом, кто у знакомых военных людей; женщинам и детям давали приют в церквах. А к тому месту, где ожидали татарского нападения, высылали сильный воинский отряд.

Но кто же были все эти военно-служилые люди? Кто защищал крепости, кто ездил в сторо́жи? Конечно, это были не князья и не бояре, их было слишком мало для этого. Князья и бояре только распоряжались, были только „воеводами“. Воевода должен был жить в городе постоянно, и ему должны были повиноваться все военно-служилые люди того уезда, который был к городу приписан. Эти военно-служилые люди были двух разрядов. Одни постоянно жили в каменном городе и около него. Они составляли постоянный гарнизон города, несли караульную службу, заботились о поддержании укреплений города в порядке. В мирное время они занимались сельскими и торговыми промыслами и образовывали целые слободы около города; под Каширой есть и сейчас старинные слободы Пушкарская и Стрелецкая. Таких военных людей, живших в городе и около города, было немного. Гораздо больше было таких военно-служилых людей, которые жили в своих имениях вокруг города. Все это был небогатый люд: младшие сыновья бояр и князей, которым их отцы давали по две—по три деревни, или просто служилые люди, получавшие за свою службу небольшие участки земли. Служит какой-нибудь человек на дворе у боярина или князя оруженосцем или подручным конюшего, дворецкого или другого какого-нибудь важного лица; если он чем-нибудь отличится, господин дает ему землю, поместье, заключает с ним договор о службе; получив имение, выслуживший человек уезжает туда и живет там, приезжает к князю или к боярину только тогда, когда понадобятся его услуги. Таких мелких служилых людей так и звали: дети боярские или дворяне. На них-то и лежала вся тягота защиты границы от татар. Их было много, и когда собирались все дворяне какого-нибудь уезда, то из них составлялось несколько полков.

Раньше, пока не было опасности со стороны Оки, дворяне жили тихо и незаметно; в их службе не было такой настоятельной нужды, как теперь. Но теперь вся безопасность Московского государства зависела от дворянской службы. Без дворян ни бояре, ни князья ничего не могли бы против татар поделать. И московский государь стал дорожить дворянской службой больше, чем боярской. Раньше московский государь мало интересовался этими неважными людьми; теперь он стал привлекать их на свою службу. И всякий дворянин охотно оставлял своего боярина или князя и переходил на службу к московскому государю. Московский государь давал дворянину **поместье**, землю с сидевшими на ней крестьянами. Дворянин должен был жить с этой земли и кормиться,

Дворянская усадьба в окрестностях Москвы.

а за то, когда приходила опасность, должен был ехать в свой город и под начальством воеводы сражаться против татар. А воеводы попрежнему назначались из князей и бояр. Но бояре уже чувствовали, что, хоть они и занимают попрежнему важные должности, все-таки благосклонность государя к ним теперь уже не прежняя. Московский государь с каждым годом все больше и больше доверялся дворянам. Царь Иван IV даже составил особый полк из 1000 дворян для своей охраны. Этот полк был набран из городовых дворян; всем дворянам этого полка царь дал поместья около Москвы; там они и поселились и стали называться дворянами московскими.

Но дворянское войско было нужно не только для защиты от татар. Московские государи хотели завоевать татарские царства

на Волге, Казань и Астрахань, чтобы овладеть всей этой великой рекой. Кроме того, они хотели пробиться к Балтийскому морю, чтобы иметь удобный путь для сношений с Западной Европой. Но берега Балтийского моря принадлежали Литве, немцам и шведам; без боя занять берега Балтийского моря было нельзя. Дворяне охотно шли и на эти завоевательные войны. Они не интересовались торговыми выгодами, которые могли достаться московским гостям от завоевания Волги и берегов Балтийского моря. Но они во время войны получали большое денежное жалованье, а после войны рассчитывали получить в завоеванных землях новые поместья.

Но все-таки главная служба дворян была на Оке. С тех пор, как границу по Оке укрепили каменными городами и засеками, татарские нападения стали реже. Тогда русские люди попробовали двинуться за Оку, попробовали понемногу завладеть степью. В степи привлекала переселенцев тучная черноземная земля, дававшая огромные урожаи сравнительно с песчаной или глинистой почвой Московского государства. Двинуться мирным людям, крестьянам и купцам, одним, самим по себе, было страшно. Но вслед за сторожевыми разъездами двинуться было легче. Мы уже знаем, что сторожевые разъезды останавливались станом в удобных для наблюдения пунктах степи. Вслед за разъездом приходили в его стан и переселенцы; сторожевой разъезд стоял в степи все лето, и если татары не появлялись, переселенцы строили себе хаты, мирно распахивали пашню и оставались тут на зиму. На зиму оставалась с ними и часть сторóжи, воины-„годовальщики". А весной опять приезжала „сторóжа" и охраняла вновь возникшую станицу от татар. Так мало-по-малу образовалась целая цепь русских поселений за Окой. В случае татарского нападения все переселенцы спешили назад, в города, а после ухода татар возвращались на места. Когда русских поселений за Окой стало много, то впереди их стали строить такие же каменные города, как и по Оке, чтобы совсем не подпускать татар к новым станицам. Построили Тарусу, Тулу, Малоярославец, Калугу; вокруг них так же, как по Оке, поселили дворян, дали им поместья, а в городах посадили воевод. Тогда в новых станицах стало совсем спокойно. Старые каменные города стали от этого пустеть. Торговая слобода в Серпухове быстро запустела: в начале XVI века в ней было около 1000 дворов, а во второй половине осталось только 600 дворов. Еще больше ушло народу из Коломны: там из 694 дворов осталось жилых только 32, а все остальные запустели. Это было вполне понятно. На степной чернозем охотно шли крестьяне и дворяне, а

вслед за ними тянулись и купцы. С течением времени и каменные крепости по Оке стали уже ненужны. Их перестали поддерживать, они постепенно разрушались и дошли в конце-концев до того состояния, в каком мы теперь их находим.

XI. Царь Иван Грозный.

На Красной площади в Москве наше внимание привлекут к себе два сооружения. Против Спасских Кремлевских ворот стоит посредине площади круглый каменный помост, в роде эстрады, окруженный каменными перилами; на помост ведет с площади лестница в несколько ступеней. А направо от этой каменной эстрады стоит затейливый собор о девяти верхах. Своим причудливым видом он сразу отличается от других старинных церквей. Каменная эстрада — это так называемое Лобное место; собор — Покрова Богородицы или Василия Блаженного. И Лобное место, и собор Василия Блаженного неразрывно связаны с царствованием Ивана Грозного. Замечательное было это время. Может быть, вы уже слыхали кое-что о грозном царе, о пытках и казнях, которыми он преследовал бояр, о его жестокости; может быть, даже видали в Третьяковской галлерее картину художника Репина, изображающую, как Иван собственноручно убивает своего сына. Но время его царствования было замечательно вовсе не потому, что Иван был таким жестоким человеком. Жестокие люди часто встречаются; бывают жестокие люди и между правителями; но не за жестокость слывут люди и их дела замечательными.

И действительно, если мы вдумаемся хорошенько в то, что напоминает нам об Иване IV на Красной площади, нам придет в голову не жестокость его, а нечто совсем другое. Оба памятника, напоминающие нам об Иване IV, стоят не в Кремле, а за его стенами, на Красной площади. Уже это странно и необычайно. До Ивана IV жизнь всех московских государей была тесно связана с Кремлем: в Кремле они жили, в Кремле молились, в Кремле строили новые постройки, в Кремле жили с ними окружавшие их бояре. В Кремле можно найти какое-нибудь воспоминание о каждом великом князе: каждый что-нибудь подновил или построил. А память об Иване Грозном стоит за Кремлем. И Лобное место, и собор Василия Блаженного стоят не в Кремле, а в посаде, рядом не с боярскими палатами и княжескими соборами, а рядом с торговыми домами, с домами купцов и их лавками, рядом с приходскими купеческими церквами. Уже из одного этого мы можем заключить,

что Иван Грозный не любил бояр и не искал у них совета и помощи. Напротив, к посадским людям он должен был относиться с уважением, искал их любви, раз возвел свои постройки не в боярском Кремле, а в посадском Китай-городе.

Малолетним остался Иван после смерти отца своего великого князя Василия III. За малолетством его управляли бояре, сначала князья Глинские, родственники его матери, потом князья Шуйские и Бельские. Управляли они так, как привыкли вообще исстари управлять бояре и князья. Мы помним, что в своих вотчинах и княжествах бояре и князья больше всего заботились о том, чтобы собрать как можно больше доходов. Это понятно, каждый хозяин к этому стремится, а в своих владениях князья и бояре были, прежде всего, сельскими хозяевами. Но точно таким же образом бояре стали управлять и городами и государством; иначе управлять они и не умели. А в Москве был богатый купеческий посад; с купцов можно было собрать много доходов. С купеческих лавок собирали пошлины, собирали пошлины с их товаров, судиться купцы должны были у бояр и платить им судебные пошлины. Собирали бояре все пошлины, „как львы"; расхищали и грабили посадских людей, „яко волки"; судили они неправедно, за „посулы" (т.-е. за взятки) отпускали преступников на свободу и только потворствовали преступлениям. Так поступали бояре-правители в Москве, так поступали они и в других областях и городах, где судили и правили наместники и волостели из бояр. Но не везде теперь терпели люди грабежи и лихоимство бояр. В особенности, возмущались купцы московского посада, люди богатые и сильные. Еще в малолетство Грозного против бояр поднимался посадский люд; когда же Иоанн возмужал, в 1547 году, вскоре после царской свадьбы, поднялся в Москве новый бунт против бояр. Дело началось с огромных пожаров, истребивших бо́льшую часть Москвы (почти все дома, кроме боярских домов в Кремле, были деревянные). Озлобленные московские жители стали и в пожаре обвинять бояр; огромная толпа собралась к Успенскому собору и стала кричать: „княгиня Анна Глинская со своими детьми и людьми колдовала; вынимала сердца человеческие, да клала в воду, да тою водою, ездя по Москве, кропила, оттого Москва и выгорела". Княгини Глинской в это время в Москве не было, был только ее сын, князь Юрий; он спрятался было в Успенском соборе, но толпа ворвалась туда и убила его, а потом разграбила его двор и избила его людей. Перепуганный царь уехал в село Воробьево (у Воробьевых гор) и после этого события перестал доверяться боярам. Он приблизил к себе священника Благовещенского собора Сильвестра, который пользовался большим уважением среди

московских купцов и сам вел торговые дела; а другим его приближенным советником сделался Адашев, простой дворянин. Вместе с ними царь рассмотрел многочисленные жалобы, которые приходили в Москву на боярское управление, и пришел к убеждению, что нельзя давать больше боярам воли, а то все царство „врозь пойдет“, т.-е. разорится. О своем решении царь публично объявил всему народу.

В воскресный день с крестным ходом при участии митрополита царь вышел из Кремля на Красную площадь; туда же собралось почти все население московского посада и бывшие в это время в Москве люди из разных городов. Как потом рассказывали, царь

Лобное место и собор Василия Блаженного.

взошел на Лобное место и обратился с покаянной речью к народу и обещал, что впредь не допустит он неправды бояр и властей, бессудства неправедного, лихоимства и сребролюбия, но будет сам судьей, будет неправду уничтожать и возвращать похищенное. После этого был составлен и издан новый Судебник, т.-е. книга законов о том, как судить и как наказывать. В этом Судебнике строго запрещалось наместникам и волостелям брать взятки и точно определялось, сколько пошлины судья может взять за совершение суда. А если кто потребует взятку или возьмет лишнюю пошлину, с того судьи полагался штраф — он должен был заплатить втрое больше против взятого. Некоторым городам и областям позволено было, по их просьбе, судиться самим. Царь совсем отзывал из них

своих бояр и разрешал им выбирать судей самим из своей среды; выборные судьи должны были разыскивать и казнить лихих людей и собирать в пользу царя особую судную пошлину. Такие выборные судьи должны были избираться из детей боярских или из дворян. Понятно, что все эти постановления боярам очень не нравились; зато купцы и дворяне были ими вполне довольны.

Так купеческое дело избавилось от боярского разоренья. Но купцам хотелось не только спокойно торговать в Москве; им хотелось найти новые места для торговли, завладеть новыми торговыми путями. Я уже говорил, что рядом с Лобным местом стоит собор Василия Блаженного. Собор этот построен, как гласит надпись, „на возвещение чудес божиих о казанском взятии и астраханском, в которые дни бысть божия помощь, победа православному царю над басурманы“. Казань и Астрахань были два татарских царства; для Москвы они не были опасны, так как население их было мирное, набегов на русскую землю они не делали, и воинской силы у них было немного. Но в их владении были важные торговые пути. Один путь был старинный путь по Волге в Каспийское море. Вплоть до самого татарского порабощения по этому пути свободно плавали новгородские гости; но с тех пор, как завладели Волгой татары, пришлось прекратить новгородским купцам свои путешествия. Теперь о возобновлении торговых путешествий по Волге в богатую шелком Персию и в богатый вином Кавказ стали мечтать московские купцы. Другой путь сворачивал от Волги на восток немного ниже Казани. Тут в Волгу впадает большая река Кама; по ней можно проехать в Приуральский край. На этот край давно уже также зарились московские купцы. Дело в том, что вокруг Москвы население было уже густое, и хотя лесов было еще много, но ценный зверь был либо истреблен, либо ушел. А в Приуралье был сплошной нетронутый лес, в котором кочевали полудикие финские племена. Кроме того, о Приуралье ходили и другие заманчивые слухи. Новгородские поселенцы, дошедшие до самого Урала, рассказывали, что там в горах много и золота, и железной руды, и соли. Все эти богатства не могли не привлекать и царя, и купцов. И вот вскоре после описанного нами бунта царские войска двинулись на Казань. Войско по тому времени было огромное: в нем было 150.000 человек и 150 пушек; пушки в то время были новостью, татары их почти не знали. Дворяне тоже охотно шли в поход; казанская сторона казалась им „райскою землицею, всем угодною“. Казань была хорошо защищена каменными стенами и башнями; взять ее было не очень легко, и осада затянулась надолго. Началась осада 23 августа 1552 г.; сначала хотели взять

Казань голодом, но у казанцев был тайный подземный ход, посредством которого они доставали воду. Русскому войску удалось разузнать, где проходил этот ход, и его взорвали порохом. После этого в Казани начался голод, но все еще она не сдавалась. Прошел весь сентябрь; наконец, 1 октября решились итти на приступ. Казань была взята, все мужское население было перебито, а женщины и дети были уведены в плен. С торжеством возвращался царь в Москву; при колокольном звоне вступили царские войска в Москву и прошли с Красной площади в Кремль через главные кремлевские ворота, Фроловские (теперь Спасские). Напротив этих ворот царь решил построить храм в память покорения Казани. В день взятия Казани был праздник Покрова Богородицы; в честь этого праздника царь и заложил на Красной площади собор, теперь известный под именем Василия Блаженного. Через три года была взята Астрахань. Тогда план собора окончательно придумали таким образом: главный алтарь был сделан во имя Покрова, а приделы, числом 8, во имя тех святых, память которых празднуется в дни взятия Казани и Астрахани. Так и сделался собор девятиглавым; оттого и получил он такую причудливую форму [1]). Всего приятнее взятие Казани и Астрахани было для купцов и других посадских людей; поэтому и построил царь собор не в Кремле, а на Красной площади, рядом с Китай-городом.

Но были довольны и служилые люди. Казань татарская, старая, была сломана, а на место ее была построена новая, русская Казань; вокруг нее, по Волге, Вятке, Каме были построены другие русские крепости; самая дальняя была Уфа. Вокруг новых городов и в Казани были помещены служилые люди. А вслед за ними пошли купцы и крестьяне. Самым энергичным был московский купец Григорий Строганов. Он бил царю челом, что в 88 верстах ниже Перми по Каме, по обе ее стороны, до реки Чусовой лежат места пустые, леса черные, речки и озера дикие, острова пустые, и всего пустого места здесь 146 верст; до сей поры на этом месте пашни не пахивали, дворы не ставили, и в царскую казну пошлина никакая не бывала, и теперь эти земли не отданы никому. И он, Григорий Строганов, бьет челом, что хочет на этом месте городок поставить, город пушками и пищалями снабдить, пушкарей, пищальников и воротников (сторожей при воротах) набрать, для бережения от ногайских и иных орд, по речкам и по озерам лес рубить, расчистя место, пашню пахать, дворы ставить, людей созывать, соли искать,

---

[1]) Впоследствии в Покровский собор были перенесены мощи Василия Блаженного; по имени этого святого и стал называться собор.

а где соль найдется, варницы ставить и соль варить. Царь согласился на эту просьбу, освободил Григория и его людей на двадцать лет от всяких податей и предоставил ему право самому судить всех своих слобожан; только должен Григорий Строганов царю доносить, если руду серебряную или медную, или оловянную найдет; ее разрабатывать он не имеет права. И потянулись к Стро-

Старинный портрет Ивана Грозного.

ганову на его клич люди из Московского государства. Больше всего шло крестьян; им все хуже и хуже жилось на прежних местах, потому что дворяне требовали с них все больше и больше оброков и работы; при первой возможности и уходили они в новые незаселенные места, становились там вольными людьми, **казаками**. До клича Строганова бежали они только в степь, селились по реке

Дону; теперь многие из недовольных крестьян пошли за Волгу к Строганову. Пришел к нему, между прочим, казацкий атаман Ермак Тимофеевич со своим отрядом. Строганов поручил Ермаку пойти за Урал и завоевать Сибирское ханство (теперешнюю Тобольскую губернию). Ермак исполнил поручение, а Строгановы послали в Москву торжественное посольство и били челом царю, чтобы он принял Сибирь под свою власть. Так расширились владения Московского государства, благодаря заботам и трудам Строгановых. Для купцов Иван IV был, значит, не грозный царь, а заботливый и милостивый. В песне, сложенной про взятие Казани, называется он „прозрителем", т.-е. проницательным, мудрым царем, и говорит песня, что с Ивана Грозного „Москва основалася, и с тех пор великая слава". Грозен Иван был только для врагов купечества и дворянства, старых бояр. О том, как боролся он с боярами и истреблял их, мы расскажем в следующей главе.

XII. Опричнина.

В 105 верстах от Москвы есть город Александров, уездный город Владимирской губернии. Город небольшой, много меньше Серпухова, но и в самом городе и вокруг него немало фабрик и заводов. Из-за фабричных труб мы издалека увидим высокие зубчатые стены и башни Успенского монастыря, самой интересной достопримечательности города. Успенский монастырь — не самый старинный; самым древним был здесь другой монастырь, основанный суздальскими монахами, когда кругом были еще только дремучие леса, в которых водились медведи и попадались большие бобровые гоны. Суздальский монастырь построился около большой дороги, пересекавшей здесь дремучий лес; по этой дороге ездили московские купцы в Переяславль, Ростов и Ярославль, а купцы из этих городов ездили в Москву. На пути купцы делали остановки для ночлега и отдыха; одною из таких станций и был Александровский монастырь. Поэтому около монастыря построилась слобода, с постоялыми дворами, с торговыми и ремесленными заведениями. Здесь были и кузнецы, которые могли подковать лошадь или починить колесо у купеческой телеги; были шорники, которые могли поправить конскую сбрую; были сапожники, которые могли починить обувь купцу, шедшему пешком за своей телегой. Но в слободу наезжали не одни купцы. Отец Ивана Грозного, великий князь Василий III, частенько приезжал сюда на охоту. В подмосковных лесах медведи тогда уже почти вывелись, а бобров и в помине не

было. Александровские леса были от Москвы недалеко, и князь Василий ездил туда охотиться на медведей. Он брал с собой и своего сына, будущего царя Ивана; тот был еще маленьким мальчиком и очень любил эти поездки. Когда Иван сделался самостоятельным государем, он любил иногда съездить отдохнуть в милую для него Александровскую слободу, подальше от бояр московских, а одно время жил там постоянно. Отправимся в Александров и посмотрим, что расскажет он нам о Грозном.

Посреди города протекает река Сера, и течением ее со времени основания Успенского монастыря город делится на две стороны—Монастырскую и Торговую. От вокзала пройдем сначала на Торговую сторону. Свернув с главной улицы направо, мы попадем на так называемую Старо-Конюшенную улицу; очевидно, здесь когда-то, в старину, были конюшни. Спустимся по Старо-Конюшенной улице к реке Сере: по дороге, налево, увидим холм, так называемую „Цареву гору“. С верха ее мирно посматривает теперь александровский Рождественский собор, а ниже, по склону, выглядывают из-за деревьев почернелые от старости избы и заборы; но, по преданию, Царева гора названа так потому, что когда-то, при царе Иване Грозном, здесь производились казни. Ниже—перед нами река Сера. От Торговой стороны к ней подходит местность, называемая „Поганым двором“: сюда, будто бы, выбрасывались при Иване тела казненных. Какие черные предания! С жутким чувством покидаем мы Торговую сторону и спешим на Монастырскую—может быть, там исчезнут от нас эти мрачные тени... Там, близ улицы Стрелихи, перед нами женский Успенский монастырь. Войдем в монастырскую ограду и направимся к пятиглавой Успенской церкви. По своей архитектуре она как бы переделана из какого-то старинного дома: первоначально это и был дворец Ивана. Входим через высокое крыльцо. Внутри низкие и сумрачные своды, стянутые железными перекладинами; старинный дубовый пол — по преданию, еще от времени царя Ивана; по карнизу алтаря изразцы: это остатки когда-то бывшей в палатах нарядной печи. И тут опять страшный рассказ о том, по какому случаю дворец был превращен в церковь. Царь Иван обидел жену своего старшего сына, а тот заступился за жену; отец, в гневе, ударил сына посохом — и в ужасе увидел, что стал сыноубийцей. После этого Иван уже не мог оставить дворец в прежнем виде, обратил его в церковь. Главный алтарь ее — во имя Успенья, а один из приделов — во имя усекновения главы Иоанна Предтечи... Царь вернулся в Москву и с этих пор только время от времени приезжал в Александров—для поминовения своего усопшего сына Ивана...

Под Успенским собором есть подвалы, напоминающие мрачную тюрьму. Освещая себе путь восковой свечкой, мы осторожно спускаемся по лестнице в темную и как будто таинственную глубь. Говорят, что в этих подвалах под своим бывшим дворцом Иван Грозный пытал людей. В стенах какие-то отверстия для перекладин — не для того ли, чтобы на них подвешивать пытаемых? При тусклом свете свечи мы различаем заложенные камнем ниши: в эти ниши Иван будто бы ставил людей и заживо замуровывал их камнем. В подвале не осталось никаких орудий пыток; но мы слышим, что в монастырской читальне, при церкви Троицы, хранится еще

Успенская церковь и „кельи“ Грозного.

большой деревянный обрубок с приделанной к нему цепью: этой цепью приковывали пытаемых к пню, чтобы удобнее было их мучить. Нам становится страшно; чудятся как будто стоны и плач терзаемых палачами жертв Грозного царя; боязливо мы озираемся, так и кажется, что вдруг раздастся гулкий стук посоха о камни, и перед нами явится сам Грозный царь. В волнении мы выходим из подвала наверх, на свет божий, хотим уйти скорее отсюда, но нам говорят, что мы видели еще не все. По узкой и крутой лестнице из церкви мы поднимаемся наверх, в маленькую келью: вдоль стен лавки, в стене небольшое оконце, из которого видна Царева гора. Нам говорят, что в эту келью царь обыкновенно уединялся для молитвы; мучился много, много и молился, ходил в монашеской

рясе и скуфейке, звал себя игуменом, а приближенных — братиею...

Слушая эти рассказы и объяснения, мы не сразу можем понять, в чем тут дело. Что заставило Ивана бросить совсем Москву и переселиться в это захолустье? Как объяснить его жизнь здесь в слободе, жизнь не то палача, не то монаха? Не сошел ли он с ума, или все-таки в поведении царя был какой-нибудь смысл?

Мы уже знаем, что царь давно не ладил с боярами. Вскоре после казанского похода случилось событие, которое окончательно поссорило Ивана с боярами. Он опасно заболел; боясь, что не выздоровеет, Иван приказал принести присягу своему маленькому сыну Дмитрию. Но многие бояре не хотели присягать Дмитрию. Им хотелось посадить на царство человека, который не будет, подобно Грозному, слушать посадских людей и дворян, но во всем будет повиноваться боярам. И больной царь слышал, как в соседней комнате бояре кричали: „не хотим присягать младенцу, нами будут владеть Романовы“! Болезнь Ивана оказалась, однако, не смертельной, и он выздоровел, но на бояр стал уже теперь смотреть, как на настоящих врагов своих и своего дома. А тут со всех сторон и дворяне и посадские люди ему внушали, что бояре изменяют не только царю, но и родине. Шла в это время война с немцами за берега Балтийского моря; немцам стали помогать поляки, и дела русских пошли совсем плохо. Царь взял город Полоцк, но на следующий год один царский воевода, князь Курбский, был разбит у города Невеля, а другой, князь Шуйский, — под Оршей. В Москве сейчас же заговорили, что это не спроста, что это боярская измена, не хотят бояре победы русскому царю, а тайком служат полякам. И как будто в подтверждение этих слухов князь Курбский не вернулся после поражения в Москву, а бежал в Литву. Тут уже никто не осмеливался сказать и слова в защиту бояр. Все стали смотреть на них, как на изменников; не доверяли и боярской думе. А царь Иван, болезненный и подозрительный, прямо чувствовал себя небезопасным в Москве: все ему казалось, что бояре хотят погубить его. Царь не доверял боярам, боялся их, но все-таки никак не мог обойтись без них в управлении, так как дворяне и купцы в государственном деле были неопытны. И вот сначала пришло в голову царю Ивану совсем отказаться от престола. Окруженный полком из 1000 преданных ему дворян московских, уехал Иван 3 декабря 1564 г. в Александровскую слободу, забрав с собою все свои драгоценности: всю казну свою, все деньги, все иконы и кресты, украшенные золотом и драгоценными камнями, весь свой гардероб и всех своих слуг. Дворяне, сопровождавшие

его, поехали также с женами, с детьми и со всем своим имуществом. Приехав в Александровскую слободу, послал царь в Москву к митрополиту и к гостям и купцам московским грамоты. В грамотах излагал он все боярские „измены и крамолы“: делали бояре и воеводы убытки народу и не заботились о прибытках казны, растащили себе все земли, поместья и вотчины, а о государстве и всем православном христианстве радеть не хотели, не хотели оборонять Руси от крымцев, литовцев и немцев и начали даже от службы удаляться. И потому царь решил оставить свое государство, не желая больше измен боярских терпеть, и поехал поселиться, где бог укажет. А гостям и купцам московским царь велел сказать, что на них гнева и опалы никакой нет. Царские грамоты произвели в Москве великое смятение. Долго толковали митрополит, бояре и гости московские и послали, наконец, к царю посольство просить его править государством, как ему, государю, угодно. Царь принял послов и согласился вернуться к управлению государством, но так, чтобы у бояр отнять власть и иметь право казнить бояр-изменников.

По совету с дворянами и гостями царь разделил все государство на две части. Одну часть, большую и самую богатую, он объявил своей особой частью, по старинному „опричниной“: это был как бы особый удел царя, составлявший его личную собственность. Здесь он мог распоряжаться, как хотел, и назначать управителей, каких хотел. В свою опричнину царь отписал все наиболее крупные торговые города и села, а также лучшие области в сельских местностях. У всех бояр, живших на землях, какие попали в опричнину, земли были отняты и переданы царским дворянам (их обычно звали опричниками); доходы с опричных сел и городов должны были итти в царскую казну, управлять ими должны были люди, каких назначит царь. И часть Москвы также была отписана в опричнину; Замоскворечье, напр., было в опричнине, и там, на Берсеневской набережной, до сих пор стоит дом главного опричника, Малюты Скуратова, а в подземелье этого дома целы до сих пор орудия пытки (дом принадлежит теперь Московскому Археологическому Обществу). А остальная часть Московского государства, меньшая и худшая, была оставлена в управлении бояр. Совсем отнять у бояр управление царь не решился, потому что среди бояр было очень много богатых и знатных людей, потомков прежних удельных князей.. У них были большие вотчины и много своих служилых людей, которые всегда горою готовы были стать за своих господ. Земли, оставленные в управлении бояр, Грозный назвал „земщиной“; но из земщины понемногу он отбирал лучшие города

и земли в опричнину. Так лучшие земли от бояр перешли к дворянам, и самые важные области Московского государства перешли из-под управления бояр под управление дворян.

А сам царь совсем переселился в Александровскую слободу. Согнали туда плотников и каменщиков, и закипела там работа. Новое царское местопребывание окружили каменной стеной, на башнях поставили караульных, разослали по дорогам сторожевые отряды, которые должны были опрашивать всех едущих к Александрову и хватать подозрительных людей. Страх за себя, за свою жизнь, так овладел Иваном, что он за какой-нибудь месяц совсем постарел, сделался седым, как лунь. Всюду кругом мерещилась ему измена. Настроением царя пользовались недобросовестные люди из опричнины. Они доносили ему на бояр, иногда доносили совершенно ложно, в расчете на то, что царь все равно казнит оговоренного боярина и наградит его имениями и вотчинами доносчика. И шли одна за другою опалы и казни. Хорошо было еще, если у опального боярина царь только отнимал вотчину и предлагал ему ехать куда-нибудь на далекую окраину или поступить в монастырь. По большей части опального боярина и его людей пытали, стараясь выведать „измену“, а потом замученному пыткой рубили голову. Часто вместе с отцом казнили и сыновей. Так истреблял Грозный старое боярство. Бояре и их семьи одна за другой гибли на плахе, а их вотчины переходили к дворянам-опричникам.

Подозрительный к боярам, царь Иван боялся измены и со стороны разных русских областей, особенно таких, где у бояр были большие имения. Одну из таких областей он подверг жестокому разорению. В александровском Успенском монастыре, рядом с Успенской церковью, есть еще церковь, Троицкая. Здесь обратят на себя наше внимание двери южного входа: они дубовые и обиты красной медью, с наведенными по ней золотом священными изображениями, поразительно тонкой и изящной работы. На дверях надпись, указывающая, что они сделаны в Новгороде, повелением новгородского архиепископа Василия, еще при московском князе Иване Калите, в 1336 г. Владыка Василий начертал на дверях и сочиненную им молитву. Раньше эти двери были в Новгородском Софийском соборе; в Александров они попали в 1570 г. после расправы Ивана IV над Новгородом. Царю был донос на новгородского архиепископа Пимена и на бояр, управлявших Новгородом (Новгород был в земщине), что ведут они тайные переговоры с польско-литовским королем, хотят отделиться от Москвы и передаться под власть короля Сигизмунда. Когда Грозный узнал об этом заговоре, он отправился с дворянским войском в Новгород, с целью при-

мерно наказать новгородцев за то, что они не „выдали изменников“. Что произошло в Новгороде, трудно и описать, дыбом становятся волосы. Новгородских бояр и гостей сначала подвергали жестоким пыткам, а потом, полузамученных, бросали в Волхов; матерей связывали вместе с детьми и бросали также в воду; дома их и имущества были разграблены. Архиепископа Пимена в оковах сослали в дальний монастырь, а новгородские монастыри и церкви были также разграблены. Целый месяц продолжались казни в Новгороде, пока, наконец, царь с опричниками не уехал обратно в Александровскую слободу.

Среди таких постоянных казней, среди постоянных опасений за свою жизнь царь Иван вообще потерял всякую способность управлять собою, казнил правых и виноватых, чужих и близких без разбору, подчиняясь каждому приступу неудержимого гнева. Мы знаем уже, как пал жертвой его гнева сын его Иван; в Александрове мы услышим и другую страшную повесть, связанную с рекой Серой. Царь Иван после смерти своей первой жены, Анастасии Романовой, был женат еще несколько раз. Одна из жен царя, Марья Долгорукова, прогневала будто бы царя на другой же день после свадьбы — и вот царь приказал опять надеть на нее подвенечный наряд, посадить в свадебную карету, запряженную четверкой коней, и гнать коней с высокого берега прямо в реку Серу. И кони и царица погибли в реке.

Нам понятно теперь, почему царь вел полумонашеский образ жизни. Он чувствовал, что гибнет от его руки много невинных людей. И временами его начинала мучить совесть. По ночам после дневных казней ему не спалось; чудилось, что раскрываются половицы, выходят из подземелья замученные мертвецы и грозят ему своими костлявыми руками... И поднимался царь, сзывая опричников, шел в церковь и приказывал служить панихиды, а сам клал тяжкие земные поклоны, от которых на лбу его постоянно были кровоподтеки. А по монастырям он рассылал синодики — списки своих погибших жертв. В них перечислялись имена казненных бояр и их людей, „скончавшихся христиан мужского, женского и детского чина, имена коих ты сам, Господи, веси“; на помин души их царь делал вклады. Родственникам казненных царь позволил построить за упокой их души церкви на Красной площади, вдоль теперешней Кремлевской стены; церкви эти потом были сломаны, а престолы их помещены в храме Василия Блаженного — так они и зовутся „на крови“. Не щадил царь крови, и поэтому несмотря на то, что казни бояр находили сочувствие среди других сословий, осталось за ним навсегда прозвание Грозного.

XIII. Начало Смутного времени.

Нам уже хорошо известен московский Архангельский собор. Зайдем туда еще раз и обратим внимание на небольшой его южный придел, направо от царских врат главного иконостаса. В этом приделе, как и в главном храме, мы встретим гробницы. Прочитаем на них надпись: в одной похоронен царь Иван Грозный; в двух других — его сыновья — Иван и Федор. Если от южного придела мы пойдем через середину храма к выходу, то налево от нас окажется богатая гробница и третьего сына Грозного — царевича Дмитрия, причисленного к лику святых. Из трех сыновей Грозного царствовал только Федор. Мы знаем, что старшего своего сына, Ивана, сам отец убил в припадке гнева; младший, Дмитрий, остался после отца малолетним и, пока царствовал Федор, жил со своею матерью в Угличе, на Волге. С ним тоже случилось происшествие, не давшее ему законно унаследовать престол по смерти брата.

Город Углич живописно расположен на высоком берегу Волги. Еще издали видна церковь, носящая необычное название — „Св. Дмитрия на крови". Что означает это название? В городе есть старинный дом, где, по преданию, и жил царевич Дмитрий со своею матерью, царицей Марьей. Царевича, когда ему было еще одиннадцать лет, постигла горькая участь: 15 мая 1591 г. он неожиданно окончил жизнь при самых необычных обстоятельствах, оказался смертельно раненым на собственном же дворцовом дворе. В городе поднялся переполох. Царь Федор был неспособен к государственному управлению, всеми делами заправлял при нем его шурин, Борис Годунов. Годунов опасался, как бы царевич Дмитрый и его близкие не вздумали отнять у неспособного Федора его власть, а потому и содержал в Угличе доверенных людей для постоянного надзора за Дмитрием. Угличане заподозрили этих людей в убийстве царевича. Зазвонили в набат, разъяренная толпа бросилась на Борисовых слуг и всех их перебила. Но расправа эта страшно разгневала Бориса. Из Москвы немедленно послано было несколько духовных и светских лиц для расследования дела. Посланные, по возвращении, заявили, что никакого убийства царевича не было, что царевич сам, в припадке падучей болезни, наткнулся на острую игрушку, бывшую в его руках, и что угличане, убив невинных людей, сами достойны жестокого наказания. Одних из угличан казнили, других сослали, мать царевича, за то, что она, будто бы, подстрекала народ к убийству Борисовых слуг, подстригли в монахини, под именем Марфы; сослали даже колокол, по звону которого соб-

ралась 15 мая в Угличе толпа народа. Что узнали на самом деле посланные Бориса? Это остается неизвестным, так как в дошедшей до нас записи этого донесения есть вклеенные листы, написанные другим почерком, помещенные, может быть, вместо вырезанных прежних. В Москве не поверили, что царевич сам себя убил. По тесным закоулкам и задворкам тогдашней столицы начались толки и догадки о том, как было дело. Одни говорили, что царевич умер и зарезан по приказу Бориса; но у иных возникло сомнение, точно ли убит царевич, не убили ли вместо него другого мальчика. До времени толки эти утихли: о царевиче стали как будто забывать.

Церковь Дмитрия на крови в г. Угличе.

Умер Федор, и потомство Грозного прекратилось. Русским людям приходилось подумать об устройстве нового правительства. Республики тогда не знали, и все считали нужным выбрать царя. Но на счет способа правления царя к концу XVI в. между русскими не было согласия. Бояре хотели царя, который бы вернул им все земли и все значение, отнятые Иваном Грозным; дворяне и горожане, наоборот, хотели царя, который бы окончательно смирил бояр и правил не с ними, а с выборными от народа; крестьяне мечтали о том, чтобы новый царь облегчил прежде всего подати и не заставлял работать на бояр и дворян. Выходило, что у каждого сословия должен был быть особый царь, и столковаться о выборе общего царя, для всей земли русской, было очень трудно. На первых порах все-таки выбрали Бориса Годунова, так как, будучи еще правителем государства при Федоре, он сумел привлечь на свою сторону духовенство и дворян. Но царствование Бориса оказалось непрочным и длилось всего семь лет.

Борис был женат на дочери известного опричника, Малюты Скуратова, и во многом старался править так, как правил Иван Грозный. Бывало, что Борис преследовал даже такие боярские фамилии, которые сохраняли свое значение при Грозном. Около Кремля, на Варварке, бросается в глаза прохожим небольшой трех-

этажный домик, очень отличающийся своим видом от окружающих его других домов: это так называемые „палаты бояр Романовых“. В XVI в. владельца этого дома, Федора Никитича Романова, все знали в Москве, как щедрого и образованного боярина, племянника первой жены Грозного, Анастасии. Борис решил извести Романовых, как людей, которые могли отнять у него власть. И Федора Никитича, и его братьев внезапно арестовали, обвинили в намерении погубить царя и разослали по дальним городам и монастырям. Любимым монастырем Романовых в Москве был Новоспасский, у Спасской заставы. Если зайдете туда, загляните в церковь Знаменья, примыкающую к старинной усыпальнице Романовых: там вы найдете гробницы четырех братьев Федора, которые, как значится в монастырской описи, преставились „в заточении от царя Бориса“. Только впоследствии тела их были перевезены в Москву.

Преследуя бояр, Годунов думал зато угодить купечеству и простонародью, заводя сношения с иностранцами, воздвигая в Москве обширные постройки. В Оружейной палате хранится золоченная карета, присланная Борису в дар английской королевой, и усыпанный драгоценными камнями царский трон, подаренный персидским шахом. Для сбережения Москвы от врагов еще мать Ивана Грозного окружила каменной стеной торговую часть столицы — Китай-город; Борис Годунов окружил город третьей стеной, по линии нынешних бульваров, и чтобы можно было заметить приблежение неприятеля еще издали, пристроил к древней церкви Иоанна Лествичника знаменитую колокольню Ивана Великого. Но все эти заботы мало удовлетворили народ. Бояре были очень недовольны; но и дворяне, и горожане, и крестьяне ждали от Бориса немедленного облегчения податей и повинностей и ничего не получали. Дворяне всю жизнь должны были служить; часто, за службой, им было некогда заняться хозяйством на отведенных им поместьях, приходилось ходить по чужим дворам, питаясь милостыней. С горожан брали большие налоги, а боярам и монастырям позволяли торговать беспошлинно; крестьяне жили, по большей части, на помещичьих землях, а помещики, сами люди бедные, старались как можно больше взять со своих крестьян. Недовольство усилилось, когда два года под ряд был сильный неурожай. Царь открыл на Зубовской площади продажу казенного хлеба по дешевой цене, но хлеб этот скупили не бедные люди, а купцы, чтобы потом продавать его по дорогой цене. В бедствиях народа не был виноват Борис, многое началось до него и не по его воле; но народ считал, что, если царь царствует, он за все и отвечает.

И вот вдруг, неожиданно для Бориса, опять появились в Москве слухи о царевиче Дмитрии. На этот раз определенно говорили, что он жив, что он спасся в Польшу и теперь идет отнимать у похитителя Бориса отеческий престол. Действительно, в Польше появился человек, называвший себя царевичем Дмитрием. До сих пор вопрос о его происхождении окутан тайной. Судя по почерку его писем, он учился в Москве, у московских писцов. Думают, что это какой-то сирота, выросший в доме служилого человека Богдана Отрепьева и первоначально сам называвшийся Григорием Отрепьевым. Вероятно, бояре, ненавидевшие Бориса, внушили Григорию, что он не кто иной, как спасшийся от смерти царевич Дмитрий: из Чудова монастыря, где жил Григорий после принятия монашества и странствования по разным другим монастырям, бояре помогли молодому человеку уйти в Польшу, чтобы там объявить себя московским царевичем. Поляки не очень этому поверили и не хотели помогать мнимому Дмитрию в предстоявшей войне против Бориса; но один из польских сановников, Юрий Мнишек, просватал за Дмитрия свою дочь, Марину, а польское католическое духовенство готово было помочь Дмитрию, чтобы он, в свою очередь, обратил Москву в католическую веру. По просьбам Мнишка и католических монахов, польский король позволил мнимому царевичу набрать в польских пределах отряд добровольцев для войны с Борисом из поляков и русских. Названный Дмитрий — как мы его будем называть — двинулся в Россию — и сейчас же на его сторону стали переходить все недовольные Борисом.

Одним из первых перешел на сторону царя Дмитрия маленький городок Курской г., Путивль. В нем до сих пор можно различить остатки Дмитриевой крепости, а в местном Молчанском монастыре хранятся и католические изображения спасителя и божьей матери, привезенные Дмитрием и его невестой из Польши.

Войско, высланное Борисом, не сумело или, может быть, не захотело остановить нового царя. Царь Борис внезапно умер, а некоторые говорили, что он отравился, не вынесши обрушившегося на него несчастья. Мы уже не раз бывали на Красной площади: что она скажет нам теперь о Названном Дмитрии? 20-го июля 1605 г. площадь была полна народом, а из Спасских ворот вышло духовенство встречать вступающего в Москву царя. Вот раздались звуки польской музыки: царь, окруженный большою свитой, въехал на Красную площадь со стороны Москворецких ворот, теперь уже не существующих, бывших раньше у Москворецкого моста. За въездом, через несколько дней, последовало в Успенском соборе венчанье на царство. Никто не разуверял Дмитрия в том, что он

не настоящий царевич: признала его за своего сына даже мать настоящего царевича, инокиня Марфа.

Как правил этот новый царь, так необычно пробивший себе путь к трону? Советниками нового царя были или русские незнатные люди, или приехавшие с ним поляки. Польша была просвещеннее России, жизнь там была свободнее и веселее: польских обычаев и придерживался царь в своем придворном быту, стараясь привлечь к себе и бояр и народ простотою обращения. Немало занимался он и военными делами. Зайдем в московский кремль, осмотрим стоящие вдоль кремлевских казарм старинные пушки. Кроме известной „Царь пушки", отлитой при Феодоре Иоанновиче, нам бросятся в глаза и еще две пушки — короткие, похожие на ступки, „мортиры", на лафетах в роде ящика. На одной из этих пушек написано: „Божею милостию повелением великого государя царя и великого князя Димитрея Ивановича всея великия Росия самодержца, в первое лета государства его, зделана бысть сия пушка в царьствующем граде Москве в лета 7114 (т.-е. 1605) месяца сентября в 27 день". Мортира, отлитая при Дмитрии, хранится и в Петроградском Артиллерийском музее. В то время во всех государствах улучшали артиллерию, а мортиры отливали для того, чтобы стрелять из них большими разрывными бомбами. Названный Дмитрий хотел получше обучить такой стрельбе и русское войско. Зимой на льду Москвы-реки устраивались маленькие крепости, которые разрушались выстрелами из пушек в то время, как царь любовался на эту потеху из выстроенного им нового дворца, над теперешней Кремлевской набережной. Одна такая крепость названа была „Азовом", т.-е. именем прежней турецкой крепости в устье реки Дона, так как Дмитрий думал устроить союз всех европейских государств против турок, чтобы изгнать их из Европы, и хотел начать войну против Турции осадой Азова. С уважением относился Дмитрий к своему званию русского царя: не даром в прочитанной нами надписи на пушке он себя именует „самодержцем".

Прошло несколько месяцев, и народ стал свыкаться с новым необыкновенным царем. Но не пришелся он по вкусу боярам. Они сами поставили его на царство и думали, что этот ими поставленный царь так же передаст все управление в их руки, как раньше царь Феодор отдал управление Годунову. Но Названный Дмитрий правил не с боярами, а с другими советниками; в боярской думе он проявлял иногда бо́льшую находчивость и знакомство с делом, чем сами бояре. Знатный боярин, князь Василий Иванович Шуйский, уже при самом появлении в Москве Названного Дмитрия стал говорить, что этот Дмитрий—не настоящий царь. Шуйского

приговорили к смерти, но царь его простил. В мае 1606 г. Шуйский решил устроить против Дмитрия народный бунт и для этого вступил в соглашение с богатыми купцами московского Китай-города, которым порой не доплачивали за товар иноземцы. 17 мая, в 4 часа утра, когда поляки еще спали, сторонники Шуйского ударили в колокол у церкви Ильи Пророка, на Ильинке, потом и во всех кремлевских церквах. В Кремль бросились заранее приготовленные вооруженные дружины с криком, что поляки бьют русских: этому легко было поверить, потому что польские слуги царя действительно нередко обижали русских. К вооруженным дружинам присоединилось московское простонародье—и в то время, как простой народ напал на поляков и грабил их дома, заговорщики ворвались во дворец Дмитрия. Он пробовал бежать, но его убили, а труп бросили у Покровского монастыря, потом сожгли за Серпуховской заставой.

Бояре свергли Названного Дмитрия, но главным руководителем заговора против него был боярин Василий Шуйский. Толпа москвичей провозгласила его через два дня царем, но истинными виновниками вступления Шуйского на престол были купцы; бояре поэтому не вполне ему доверяли и потребовали, чтобы, вступая на престол, он поцеловал крест в том, что никого не будет казнить без совета с боярами, что за вину одного человека не будет казнить всего его семейства, и что если на кого-нибудь подадут донос, то сначала его проверит, а потом уже примет к сведению.

XIV. Продолжение и конец смуты.

Смута, однакож, не кончилась с восшествием на престол Василия Шуйского. Как и Годунов, он не сумел угодить народу. В разных местах стали появляться люди, которые называли себя царевичами и, собирая вокруг себя вооруженные отряды, пробовали захватить престол. Странно звучат имена этих мнимых царевичей: тут были и царевич Август, и царевич Лаврентий, и царевич Клементий, и царевич Ерошка, и царевич Мартышка — всех до одиннадцати человек. Никто не верил этим царевичам, их и за глаза, а иногда и в глаза называли „ворами“; но за ними шли по ненависти к Шуйскому и в надежде получить богатую добычу.

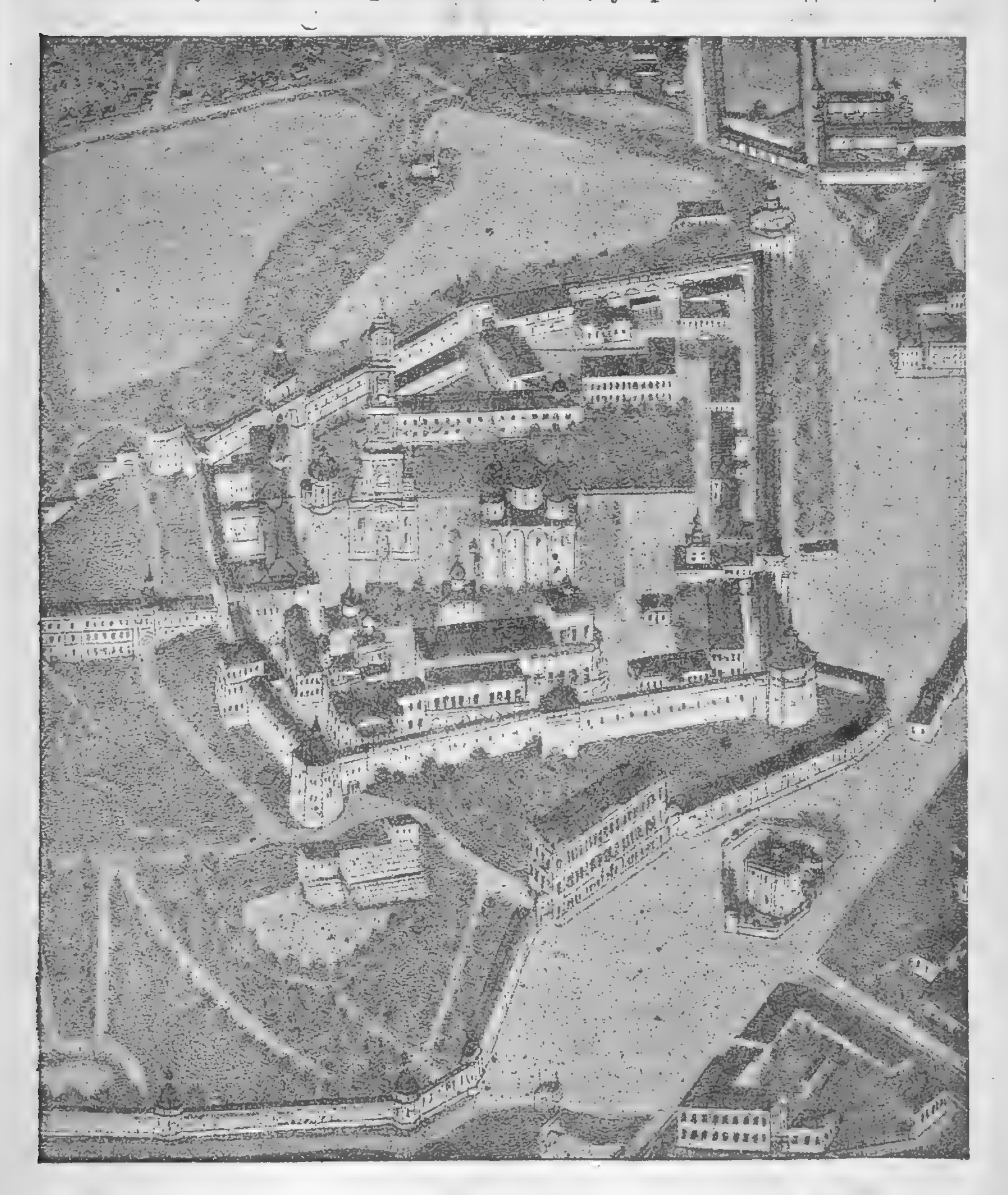
Проедем по Московско-Виндавской ж. д. на станцию Тушино. Дачный поселок стоит здесь на высоком берегу, при впадении в Москву известной уже нам речки Сходни. Перейдем через Сходню, пройдем лугом по левому берегу Москвы по направлению к селу

Спасскому: налево и, далее, направо от дороги окажутся холмы, напоминающие не то курганы, не то остатки вала; те, что направо от дороги, носят название „Цариковой горы“. Что это за остатки? И почему они называются „Цариковой горой“? Люди, знакомые с историей этой местности, объяснят нам, что, по преданию, здесь стоял станом самозванец „тушинский вор“: он, как и Названный Дмитрий, тоже называл себя сыном Грозного, Дмитрием, и тоже пришел с Москвы в сопровождении литовцев и поляков. Когда убили Названного Дмитрия, то на труп его, на смех, надели шутовскую маску: но это подало повод слуху, что царь Дмитрий не погиб, а вместо него убили другого. Этим и воспользовался неизвестный человек, который получил прозвище „царика“ и „тушинского вора“. Кроме поляков, к нему собралось много недовольных Шуйским, много бежавших от господ крестьян, а также казаков с Днепра и Дона. В Тушине возник целый укрепленный городок,—и встреченные нами холмы—остатки старого тушинского вала. По смерти Названного Дмитрия, жена его Марина была отпущена в Ярославль, а из Ярославля тоже приехала в Тушино и признала тушинского вора своим мужем. Так этому самозванцу удалось лучше устроить свои дела, чем другим, его соперникам. И на его сторону стали переходить целые города. Московское государство поделилось на две части: одна признавала царем Василия Шуйского, другая тушинского вора.

Выше лагеря расположено село Спасское, а в нем не так давно еще была ныне разобранная старая церковь. Когда-то на месте этой церкви стоял Спасо-Преображенский монастырь, бывший под ведением Троице-Сергиевой лавры. Мы знаем уже, как возникла эта лавра; к началу XVII в. это был очень богатый монастырь, представлявший, вместе с тем, и сильную крепость. Лавра оставалась верной Шуйскому и мешала тушинскому вору овладеть местностями к северу от Москвы. Посмотрим, не скажет ли нам чего-нибудь о тушинцах и лавра.

Отправимся в лавру с каким-нибудь утренним поездом. Постараемся выбрать солнечный день; тогда, по прибытии на место, по дороге от станции к монастырю, нам откроется с высокого берега речки Кончуры поистине великолепная картина: лавра предстанет во всей своей живописной пестроте, с рядом зданий, возвышающихся одно над другим, с разноцветными храмами и башнями. Подойдем к святым воротам, оставив налево толстую восьмиугольную башню, так называемую Пятницкую: по обеим сторонам ворот увидим надпись—одну о том, что лавра сумела храбро защитить себя от поляков и литовцев, осаждавших ее с 23 сентября 1608 г. по

12 января 1610 г., а другую о том, как два крестьянина с. Клементьева уничтожили вражеский подкоп, устроенный под Пятниц-

Троице-Сергиевская лавра со стороны речки Кончуры (современный вид).

кую башню, и тут же в подвале сами сгорели. Так стойко защищались монахи, стрельцы и крестьяне, осажденные в лавре. Внутри ограды подойдем к крайней западной церкви, с золотыми главами

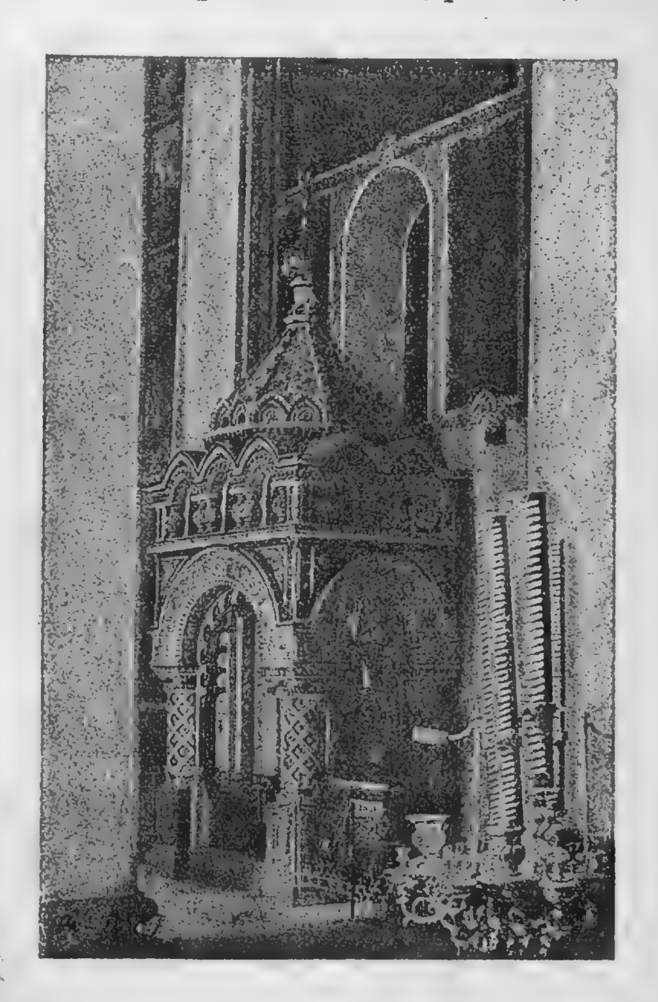
и кровлей: это церковь Троицы, поставленная на месте древней деревянной церковки, построенной еще самим Сергием. Южная дверь этой церкви пробита ядром, ядро пролетело через всю церковь, пробило и висевшую когда-то против двери икону Николая чудотворца; теперь эта икона в пристроенной к церкви трапезной у южной ее стены. Взойдем на стены лавры и пройдем по ним. Сразу почувствуется, какая это была сильная крепость в прежние времена, когда не было современных пушек. Зубцы стены, промежутки между которыми заделывались частоколом, прикрывали защитников, стрелявших из ружей, бросавших камни, обливавших врагов смолой и горящей серой; а чтобы не дать подъехать к стенам вражеской коннице, под ноги лошадям бросали особые пульки с остриями: таких пулек, или „пчелок“, не мало хранится в ризнице лавры. Мы знаем уже, как защищались крепостные ворота.

Вспомним об отводных воротах Серпухова: как там проникали в крепость не прямо, а сначала через отводные ворота, так с северной стороны в лавру можно было пройти через Каличью башню только с боку, подвергаясь опасности быть обстрелянными или облитыми со стен. А главные ворота лавры на время осады забивались наглухо, и через них не было хода; кроме того, перед всей стеной, где были эти ворота, осажденные провели ров. Тушинцы пришли к лавре под начальством польских воевод Сапеги и Лисовского; враги поставили восемь батарей для обстрела крепости с юга и с запада, с таких мест, откуда можно было перестреливать через стену. Но у тушинцев было 63 пушки, у осажденных больше; стрельба через стены тогдашними неразрывными ядрами не производила особенного вреда, а стены стояли прочно. Да и не было единодушия среди тушинцев: донские казаки неохотно участвовали в осаде русской святыни. Тушинцев было 10000, защитников всего 2500; тем не менее, простояв у лавры почти 16 месяцев, враги отошли ни с чем.

Скоро весь тушинский лагерь прекратил свое существование. Не сумев отогнать тушинцев, Шуйский попросил помощи у шведского короля, а шведский король был врагом польского; теперь сам польский король двинул войска против России и отозвал от тушинского вора все бывшие при нем польские отряды. Вор остался без своих главных сил, бежал в Калугу и там, наконец, был убит. Но для Москвы уже готово было новое бедствие. Войско Шуйского, высланное против поляков, оказалось разбитым; царь Василий окончательно потерял народное доверие: собралась толпа под предводительством рязанских дворян Ляпуновых и объявила Шуйскому, что больше не желает иметь его царем; Василия отвели

в его прежний боярский дом на Арбате, а потом силой постригли в монахи в Чудовом монастыре. Шуйский был избран боярами и купцами, теперь хотели себе избрать царя дворяне, но у них не было подходящего человека. Поляки подошли к самой Москве, и польский военачальник предложил в цари польского королевича Владислава. Москвичи согласились признать его царем под тем условием, чтобы он принял православную веру и правил не только с боярами, но и с выборными от дворян и горожан.

Именем королевича поляки заняли Кремль. Но в советники себе они все-таки выбрали не дворян, а бояр; и, кроме того, польский король решил, вместо предоставления русского царства своему сыну, самому стать царем. Смута опять только приостановилась, но не кончилась. К прежней задаче—избрать царя, подходящего для всех сословий, присоединилась теперь новая—не дать польскому королю захватить Московское государство. Города стали собирать против поляков вооруженные отряды и посылать один другому грамоты. Из Троицко-Сергиевской лавры архимандрит Дионисий, а из Москвы главное лицо русской церкви, патриарх Гермоген, в свою очередь, писали по городам о необходимости соединения всех русских для изгнания из Руси поляков. О Гермогене и его патриотической деятельности напомнит нам теперь подвальное помещение Чудова монастыря: туда посадили Гермогена поляки, чтобы не дать ему писать грамоты; но он все-таки посылал их через маленькое окошечко вверху, пока, наконец, не умер в своей страшной темнице.

Сень над гробницей Минина в нижегородском Спасо-Преображенском соборе.

От смуты очень страдала торговля. Всюду по дорогам рыскали грабители, от которых было очень трудно спастись. Приостановилось и торговое движение по Волге, так как из средины страны в волжские города не привозили никаких товаров. В большом торговом городе Волги—Нижнем-Новгороде, который славится и теперь

Дмитрий Михайлович Пожарский.

своей ежегодной ярмаркой, отозвались поэтому с особенным единодушием на грамоту Гермогена.

Отправимся в Нижний, посмотрим, что он может нам рассказать о смуте. Вот перед нами высокий волжский берег, а на нем виден сильный нижегородский кремль, построенный еще за сто лет до смуты. Поднимемся в этот кремль на подъемном трамвае. Налево, вдоль стены, сквер: он носит название „Мининского". Посреди сквера—высокий памятник в виде колонны—это опять-таки памят-

ник Минину и еще одному знаменитому человеку — Пожарскому. Наконец, на открывшейся перед нами по выходе из сквера, кремлевской площади увидим Преображенский собор. Войдем в него. Налево от входа—осененный шатровой кровлей спуск в нижнюю церковь, подземную. Если мы спустимся туда, то по стенам везде нам бросятся в глаза надписи о событиях смуты, а у одной из стен—памятник в виде креста уже над самым гробом Минина, нижегородского гражданина. У памятника — боевое знамя с иконой Спасителя: это точное изображение знамени Пожарского. Чем замечательны этот Минин и Пожарский?

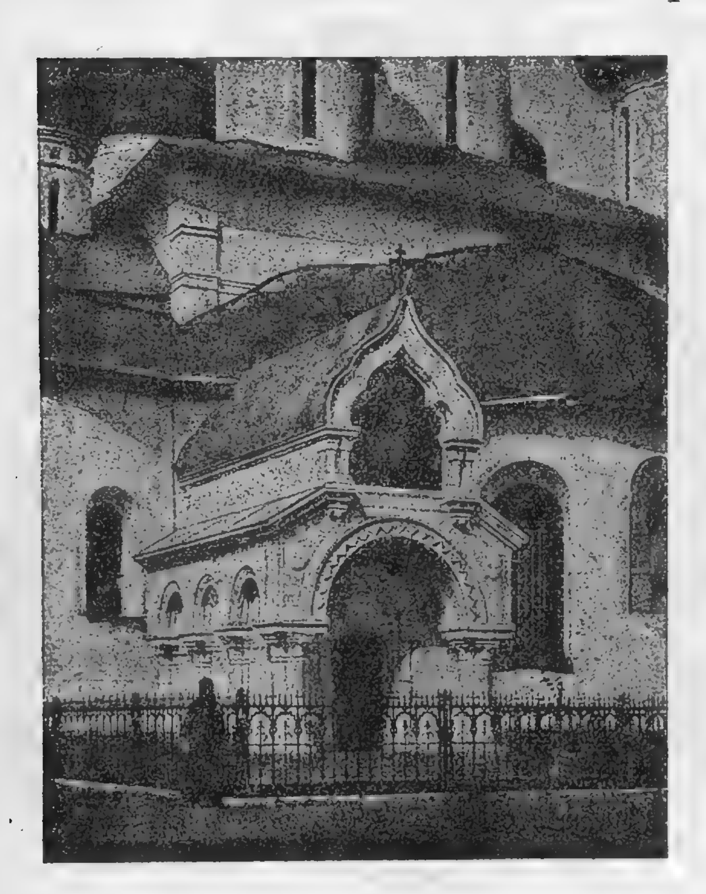

Памятник Минину и Пожарскому в Москве.

Когда грамота Гермогена пришла в Нижний, Минин был там земским старостой, по нашему как бы городским головой. В ответ на призыв московского патриарха ополчиться на поляков, Минин, вместе с протопопом нижегородского Спасо-Преображенского собора, Саввой Ефимьевым, решили выполнить предложенное патриархом дело. Савва проповедовал об ополчении в соборе, а Минин обратился с речью к горожанам на торговой площади. Спустимся от кремля опять к Волге, к тому месту, где так называемый Зеленский въезд подходит к Рождественской улице. Недалеко от этого места стоит небольшая церковь Николы на Торгу. Тут в старину и была торговая площадь Нижнего, на которой Минин произнес народу свою речь. „Захотим помочь московскому государству“, — сказал он,—„так не жалеть нам имения своего, не жалеть ничего, дворы продавать, жен и детей закладывать и просить — кто бы вступился за истинную православную веру и был у нас начальником“. В Нижнем уже были свои боевые запасы — не даром и упомянутый нами въезд назывался Зеленским, от старинного слова „зелье“ порох; но для снаряжения большой армии этого было мало,

надо было накупить еще. Быстро набрали денег, каждый жертвовал, что мог. Заведовать казной поставили самого Минина, а начальником избрали князя Пожарского — того самого, имя которого мы всюду встречаем рядом с именем Минина.

Нижегородское ополчение двинулось вверх по Волге, привлекая на сторону народного движения все новые и новые города. Между тем все труднее и труднее становилось в Москве полякам. Москвичи относились к ним видимо враждебно; в конце-концов пришлось запереться от русских в Кремле и даже выжечь прилегающие к Кремлю постройки, чтобы не дать москвичам прятаться за них при нападении. Остановившись на довольно долгое время в Ярославле, Пожарский двинулся затем к Москве. Раньше нижегородского ополчения пробовало уже взять Москву ополчение, пришедшее из Рязани; но дворяне соединились тут с казаками и бывшими тушинцами, в войске не было согласия, и казаки даже убили предводителя ополчения, Прокопия Ляпунова. Наоборот, в нижегородском ополчении были надежные люди, твердо решившиеся довести до конца предпринятое дело. Только под самой Москвой, застав тут казаков от прежнего ополчения, Пожарский решил принять их помощь. Поляки были осаждены в Кремле и должны были терпеть страшный голод, на выручку им шло польское войско, но от Москвы оно было отброшено на Воробьевы горы и скоро совсем ушло. Пожарский пошел на приступ—и 26 октября 1612 г. Кремль был очищен от поляков. Мы побывали в Нижнем, на родине Минина; теперь вспомним о нем и о Пожарском в Москве. На Красной площади стоит здесь тоже памятник, хорошо известный каждому

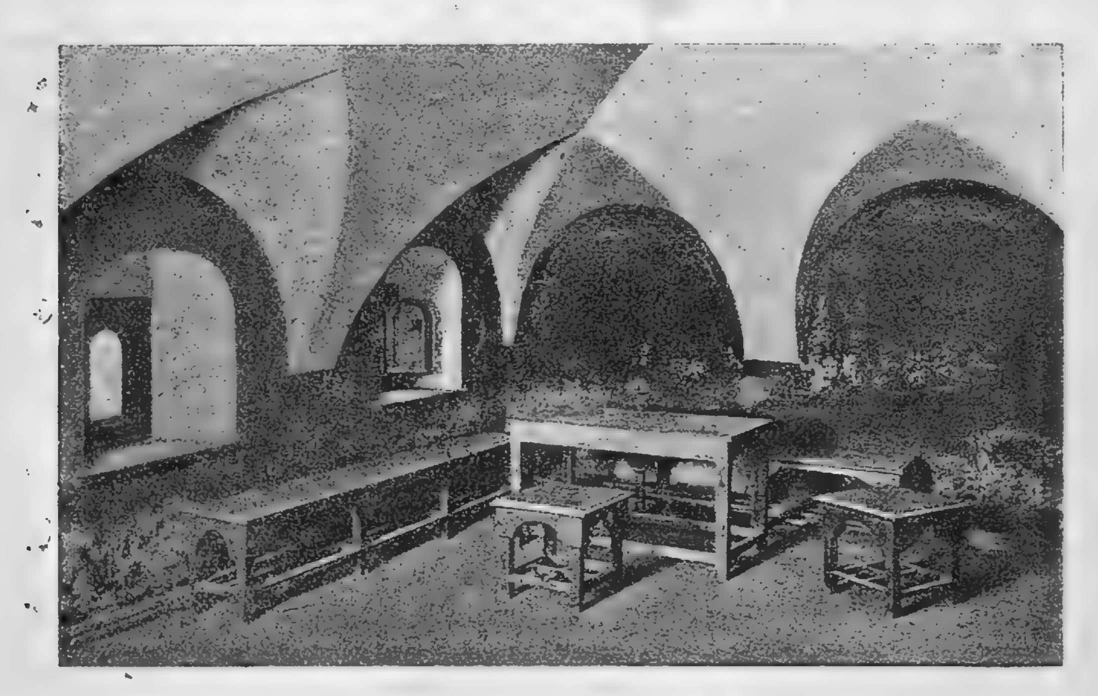

Гробница Пожарского в г. Суздале.

москвичу. На памятнике надпись: „Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россия“: одетый в простую одежду Минин показывает коленопреклоненному Пожарскому на московский Кремль. На подножии памятника изображен сбор пожертвований в Нижнем.

Польскому королю не удалось захватить Москву. Но кому же суждено было, наконец, стать русским государем? Можно ли было хоть теперь, после изгнания поляков из Москвы, после победы нижегородского ополчения, считать законченной смуту?

За семь лет народных волнений и междоусобий успели во многом измениться русские порядки. Одни бояре разорились, другие,

Палаты Романовых в Ипатьевском монастыре.

сблизившись с бывшими в Москве поляками, потеряли народное доверие и первые, и вторые уже не решались спорить с дворянами после смуты. Дворяне и горожане, в свою очередь, почувствовали, что им кое в чем надо уступить крестьянам и их защитникам казакам. В 1613 г. сошлись выборные от всего московского государства на большое собрание или так называемый „земский собор“. Больше всего на соборе было людей среднего достатка и из низших классов. Они и решили дело.

Кто же был избран государем? На этот раз съездим в Кострому и побываем в старинном Ипатьевском монастыре, верстах в двух от города. Войдя в монастырскую ограду, направо мы увидим дом, по архитектуре отчасти напоминающий дом Романовых в Москве.

Действительно, палаты Ипатьевского монастыря нам скажут о Романовых: здесь, во время избирательного собора 1613 г. жила жена Федора Никитича Романова с одиннадцатилетним сыном Михаилом. Мы знаем, что Федор Никитич был сослан Борисом Годуновым и пострижен в монахи; под своим уже монашеским именем Филарета он был возвращен названным Дмитрием, получил сан Ростовского митрополита, а во время господства в Москве поляков, попал в Польшу, в плен. На соборе бояре и более зажиточные дворяне совсем было решили выбрать в русские цари шведского принца; но представители средних и низших классов все стояли за Филаретова сына, Михаила, и по настойчивому их требованию молодой Михаил Федорович стал русским царем.

Простые люди стояли за Михаила и не на одном соборе. В Костроме, на главной площади, есть памятник в виде колонны с бюстом царя Михаила наверху; у колонны представлен крестьянин, а на барельефе внизу—убийство этого крестьянина поляками. Площадь называется Сусанинской, а крестьянин на памятнике—сам Иван Сусанин. От Костромы по почтовому тракту можно проехать в село Деревеньки—и тут же, неподалеку, село Домнино. Домнино принадлежало до 1918 г. московскому Новоспасскому монастырю, а раньше было родовой вотчиной Романовых. Рассказывают, что один раз Михаил Федорович с матерью были в Домнине, и бродившие в окрестностях поляки, прослышав о намерении русских людей избрать Михаила в цари, задумали погубить его. Крестьянин села Деревеньки, Сусанин, взялся проводить поляков в Домнино ближайшей дорогой, а вместо этого завел в непроходимое болото Поляки изрубили Сусанина, но и сами погибли.

XV. Царь и земские соборы.

Посредине Кремля, как раз у того места, где проходила когда-то восточная кремлевская стена XIII в., стоит бывший императорский дворец. Мы можем получить в него доступ, запасшись соответствующим разрешением. Минуем современные дворцовые комнаты и направимся прямо к воздвигнутой в честь Куликовской победы церкви рождества богородицы и далее—к старинным теремам. Терема обстроены теперь галлереей, но раньше выходили своими узорчатыми окнами на дворцовый двор. Узкий коридор приведет нас сначала в Золотую царицыну палату, построенную еще при Годунове; остальные старинные помещения,—к которым мы поднимемся по лестнице,

пройдя Владимирский зал—все относятся ко времени после смуты, и построил их царь Михаил Феодорович.

Как жили московские цари в этих старинных палатах, как проводили время и правили государством? Отчасти об этом расскажут нам сами кремлевские палаты.

Кроме главных, всем видных входов Красного крыльца со стороны Соборной площади и нового подъезда со стороны набережной, во дворец есть еще один вход, со стороны внутреннего двора. Это так называемое Постельное крыльцо. Приводит оно на площадку, примыкающую к Владимирскому залу: раньше этого зала не было, и теперешняя небольшая площадка сливалась с ним в одну обширную „боярскую“ площадку. Уже рано по утру начиналась в былые времена жизнь на этой площадке. Часам к семи собирались к Постельному крыльцу государевы стольники, дворяне и другие придворные чины; площадка наполнялась народом: все были богато одеты, а шапки держали в руках, так как, по тогдашним понятиям, не обнаживший головы даже при одном приближении к дворцу, наносил этим бесчестие государю. Съехавшиеся беседовали друг с другом; одни явились, по установленному порядку, на службу, другие для какой-нибудь жалобы, третьи—просто в надежде узнать новость. Каждый служилый человек гордился своим званием, и беда была, если кто-нибудь, хотя в шутку или нечаянно его заденет. Немедленно начиналась ссора, переходившая в брань, а порой и в драку. Забудут приличие и начнут гоняться друг за другом по крыльцу; одному в ссоре проломили даже камнем голову.

Стольники, дворяне, жильцы проводят у боярской площадки целые дни, но при всем богатстве и щеголеватости одежды, они все же не самые знатные люди и только немногие из них, по очереди, получают доступ в хоромы государя. Настоящие царские приближенные — бояре. Они тоже каждое утро приезжают ко дворцу, но, оставив своих богато разубранных коней и экипажи на Ивановской площади, идут затем прямо наверх, в государевы покои. От Владимирского зала, прежней боярской площадки, ведет лестница в терема. Поднимемся по этой лестнице и постараемся представить себе, что идем не одни, а с целой вереницей бояр, явившихся во дворец с обычным утренним приветствием.

Лестницы в старину прерывались площадками, „отдыхами“; через один такой „отдых“ пройдем и мы, это так называемая Верхоспасская площадка, близ дворцовой церкви Спаса. Некоторые из бояр остаются на этой площадке, другие идут дальше. Вот первая комната — передние сени. Нас поразит их совершенно необычайный вид. С низким сводчатым потолком, с иконами святых по

стенам, с маленькими узорчатыми окнами и большой печью, эти сени скорее напомнят нам домовую церковь, чем дворцовое помещение. Из сеней пройдем в следующую комнату, так называемую переднюю — и здесь невольно залюбуемся поразительно изящной росписью потолков и стен; но и эта комната покажется нам похожей на церковь и слишком темной и тесной сравнительно с современными. Видно, в старину было не так, как теперь, даже во дворцах вели жизнь тихую и замкнутую, а если хотели света и простора, шли на открытый воздух. Во второй комнате, „передней палате“, собираются бояре и ждут царского выхода. Как ни почетно их звание, но перед царем и они такие же подчиненные, как и другие. В палате никто не имеет права присесть; кто устанет, выходит посидеть на крыльцо или на лестницу. Из передней ведет дверь в третью комнату, которая так просто и называлась „комнатой“: по тогдашнему слово „комната“ соответствовала нашему „кабинету“. Доступ в „комнату“ предоставлен только немногим избранным боярам, пользующимся особенным доверием государя. Войдем в комнату. Налево от входа—стол и перед ним старинное кресло — образчик старинной мебели. Государь работал здесь один или с несколькими самыми доверенными людьми до выхода в переднюю. Обратим внимание на среднее окно: из этого окна спускался когда-то на Соборную площадь ящик, и каждый желающий мог положить в него свою просьбу или жалобу; по утрам государь поднимал ящик и прочитывал все, что в нем было. За комнатой—уютная, но тесная и темная спальня, почти половину которой занимает большая резная кровать с пологом. Рядом с спальней—моленная, с целым иконостасом икон, а под спальней, внизу, сын царя Михаила, Алексей, устроил обитую свинцом „мыленку“.

Государь, как и другие москвичи XVII в., встает рано, часа в четыре и, одевшись с помощью постельничего, идет в моленную, где в присутствии духовника читает утреннюю молитву и прикладывается к иконе святого этого дня. К государю в переднюю выходит царица; вместе с нею царь идет в одну из дворцовых церквей к ранней обедне. Церквей очень много во дворце; снаружи, со стороны Соборной площади, над северо-восточным углом дворца, возвышается к небу целая живописная группа церковных главок. Особенно часто посещает царь ту церковь Спаса, которая примыкает к Верхоспасской площадке. Между тем начинают прибывать во дворец бояре. Государь удаляется в свою комнату, чтобы наметить, какому именно делу посвятить наступивший день. В передней, по соседству, слышны сдержанные шаги и шепот бояр. Отдельные избранные входят в комнату с низким поклоном. А вот

настанет час и выхода государя в переднюю к боярам. Все бояре без шапок, а государь в тафье или шапке; каждый, подходя к государю, отвешивает земной поклон, а иные, за особые оказанные им милости, не скупятся на поклоны, отвешивают их до тридцати.

Въ некоторые будничные дни государь принимает от бояр только доклады по их служебным или домашним делам, но чаще бывает заседание с боярами, так называемая „боярская дума“. В передней палате садится на почетном месте государь, по обе его стороны, по лавкам, бояре. На заданный царем вопрос каждый, после низкого поклона, высказывает свое мнение. Судят обо всем—о войне и мире, о налогах, о новых законах. Бояре еще больше, чем дворяне, дорожат своей знатностью и честью. Между ними часто возникают споры о том, кому по службе занимать первое место, кому второе и третье. Споры эти также разбираются в думе и иногда сильно мешают всем другим делам. Думный дьяк, стоя за конторкой у окна, записывает думское решение.

Во вторую половину дня, после совещания с боярами, государь возвращается в комнату обедать. Около комнаты есть и теперь небольшое помещение с окнами, в которых сохранилась слюда: стряпчие приносили сюда кушания из кухни, а стольники подавали к царскому столу. Обедал государь, по большей части, один. После обеда он отдыхал, потом слушал вечерню, потом — до ужина и отхода ко сну — или отправлялся на какую-нибудь потеху вне дворца, на соколиную или псовую охоту, смотреть на кулачный бой и медвежью травлю, или читал, или шел на половину царицы и царевичей.

Так заведенным порядком проходил у государя день за днем. Раз заведенный порядок нарушался лишь при приемах послов или на праздниках, когда исполнялись разные связанные с ними обычаи и обряды. В сочельник государь рано утром обходил тюрьмы и раздавал милостыню заключенным, а вечером принимал духовенство с певчими, которые являлись славить Христа и получать за это „славленое“. На первой неделе Великого поста приезжали стряпчие из монастырей и подносили государю и каждому члену царского семейства от каждого монастыря по хлебу, по блюду капусты и по кружке квасу, за что государь угощал вином, пивом и медом. На Страстной неделе опять раздавалась милостыня по тюрьмам, потом государь заходил в Архангельский и Вознесенский соборы помянуть усопших родителей у их гробов, а в первый день Пасхи было христосованье с боярами, раздача им куриных, гусиных или деревянных яиц, расписанных царскими художниками. В праздники совершались и торжественные царские выходы в Успенский или

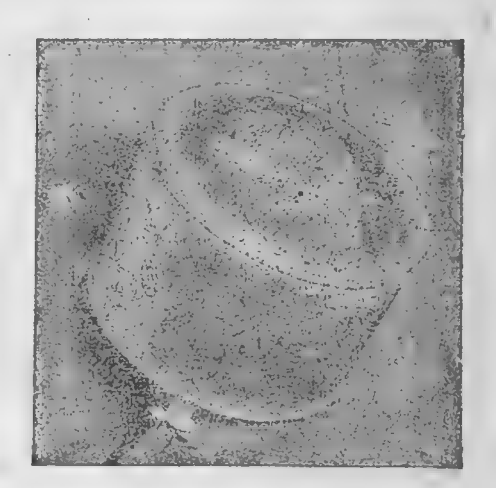
другие соборы: в парчевом дорогом паряде, с короной — „шапкой Мономаха“ на голове, в сопровождении бояр и дворян, царь шествовал по красному сукну, под особый „выходной“ колокольный звон, к обедне. В Вербное воскресенье совершался выход через Спасские ворота на Красную площадь, в Крещенье через Тайницкие ворота на „Иордань“. Недалеко от Успенского собора, на северо-восток от него, расположен так называемый Патриарший дом, с двумя при нем храмами, Ап. Филиппа и Двенадцати апостолов. Патриарх служил при торжественных царских выходах. На ряду с думными чинами он был постоянным советником государя и сам назывался, государем великим патриархом“.

Деятельность тогдашнего правительства тесно переплеталась с царским семейным и церковным бытом. Но случались и особенно важные дела, которые трудно было решить обычным порядком, посоветовавшись с патриархом или боярами. Тогда в помощь боярской думе созывались выборные от дворян или горожан. Такие собрания назывались земскими соборами. Мы знаем уже, что сам царь Михаил Феодорович был избран собором; соборы созывались нередко и в царствование его сына Алексея.

Пройдем еще раз по дворцу, поищем в нем мест, которые могли бы нам напомнить о земских соборах. Спустимся из теремов вниз, вернемся к новым залам и остановимся в Александровском зале. Постараемся отвлечься от того его вида, который он имеет теперь: раньше это была палата, тоже напоминающая терема, раз в семь меньше теперешнего зала, с особыми при ней сенями. Называлась она Ответной палатой. В этой палате в 1648 году собирался собор по важному делу, составлению нового сборника законов, предпринятому царем Алексеем Михайловичем.

Дело составления законов было важное и трудное. Сначала пяти доверенным лицам было поручено собрать законы, изданные при прежних государях, сверить их с разными новыми царскими указами, с законами греческими и литовскими, и на основании всего этого приготовить предварительный список законов. Этот предварительный список и прочитывался вслух выборным людям, которые между тем, по государеву указу, были присланы в Москву на собор. Но выборные не только выслушивали то, что им читали. У них было много своих нужд, и они хотели, чтобы в новых законах были удовлетворены эти нужды. Мы знаем уже, что дворянство до смуты занимало второстепенное положение сравнительно с боярами и, хотя составляло главную часть войска, имело все еще мало земли, а богатые землевладельцы, бояре и монастыри, сманивали еще и с этой малой земли необходимых для хозяйства работ-

ников-крестьян. И вот выборные от служилых людей, дворян, подали просьбу государю—о запрещении в новых законах жертвовать землю монастырям, чтобы, таким образом, больше земли оставалось для раздачи служилым людям; крестьян служилые люди просили окончательно прикрепить к земле, т. е. запретить им переходить от одного владельца к другому. Много служилых людей попадало во время войн в плен, пленников надо было выкупать, у бедных дворян не хватало на это денег, — и вот выборные от дворян просили назначить по новому Уложению налог на всех жителей для выкупа пленных. Были свои нужды и у горожан. Дворяне не платили налогов, ничего не платили и за право торговли в городах, между тем как горожане, наоборот, за свою торговлю должны были платить тяжелый налог; горожане и просили, чтобы дворянам воспрещено было торговать по городам, чтобы вся торговля была в руках горожан, а дворянские торговые дворы были отданы городам. Просьбы подавались тем пяти лицам, которые подготовляли Уложение, а от них поступали наверх, в Переднюю, где государь с боярами принимал эти просьбы. Сообразно с ними дополнены были новые законы. По Уложению хотели установить такой порядок, чтобы ни один разряд лиц в государстве не обижал другого, чтобы каждый знал свое место, чтобы у каждого были свои определенные обязанности по государственной службе. Для большего порядка при сборе с крестьян подати и для сбережения дворянам рабочих крестьяне, по новому Уложению, были окончательно прикреплены к земле: им было запрещено уходить от тех владельцев, на земле которых они жили, а с тех, кто принимал беглых крестьян, назначен был большой штраф. Но и дворяне, в свою очередь, были прикреплены к своей службе, а горожане — к своим городам, к торговле и промыслам. Дворяне должны были служить в военной службе до смерти или до полной дряхлости, а горожане — жить каждый в своем городе, без права переезда в другой город.

Ковчег с Уложением.

Уложение было отпечатано и разослано в общее сведение. Но у нас остался и подлинник его в том виде, как оно было написано на самом соборе.

Недалеко от Кремля, против Троицких ворот, через площадь, есть прекрасное здание, когда-то дом Нарышкина, теперь Главный Государственный архив. В одной из комнат этого архива хранится серебряный вызолоченный ящик круглой формы, величиной с обыкновенный картон для шляпы; на одной стороне его надпись: „Подлинное Уложение прав в Государстве Российском, сочиненное при державе Его Величества Царя Алексея Михайловича, 1649 г.". В этом ящике толстый свиток бумаги, в виде колеса, весом почти 12 фунтов; а если его развернуть, то получится полоса в 434 аршина.

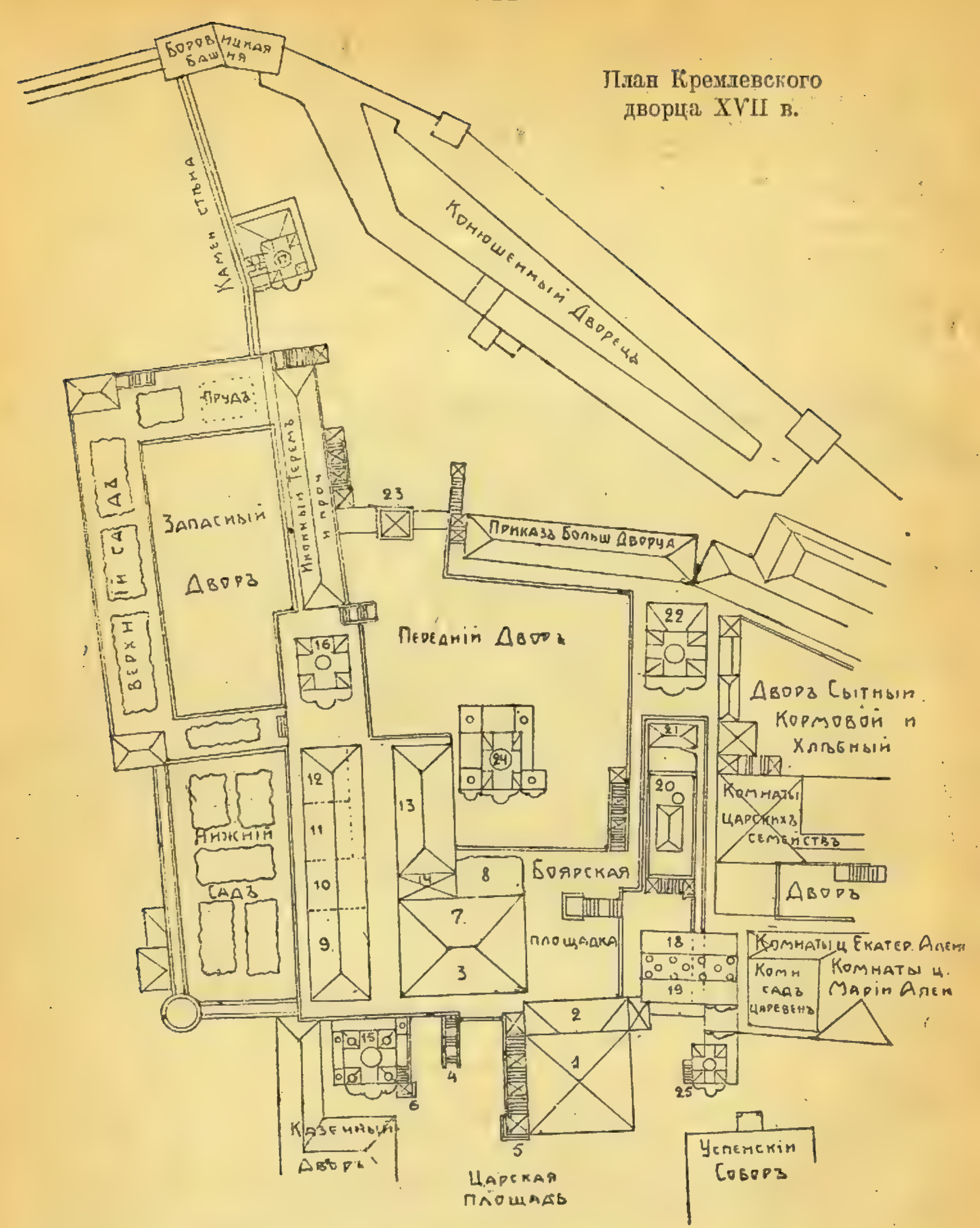
Грановитая палата.

Это и есть Уложение. Написано оно старинным почерком, каким писали в XVII в.; в конце его 315 подписей участников собора.

Был и еще один, тоже в высшей степени важный собор в царствование Алексея Михайловича — через четыре года после издания Уложения. На этот раз собор происходил в известной уже нам Грановитой палате. Дело касалось важного для Московского государства вопроса — возвращения к нам от Польши русских земель по Днепру.

Во время татарского ига западная часть России, по рекам Зап. Двине и Днепру, предпочла, вместо подчинения татарам, подчиниться соседним литовским князьям, у которых образовалось

княжество на реке Немане; а потом, когда, через шесть лет после нашей Куликовской битвы, один литовский князь женился на польской королеве, русские земли стали переходить и во власть Польши. Отделенная от остальной Руси, Русь Поднепровская завела у себя особый порядок жизни, стала говорить отличным от нашего языком. Население нашего края называется великороссами; население по верхнему Днепру стало называться белоруссами, а по среднему и нижнему Днепру — украинцами, так как они жили в области, называемой Украйной: земля их была на краю, за ней, как и на нашем юге, простиралась широкая степь, откуда всегда могли напасть татары. В эту же степь уходили для вольного житья и русские люди: в Украине так же образовалось казачество, как и на наших реках, на Дону и Волге. Как донские и волжские казаки подчинялись московскому царю, так украинские казаки служили королю польскому. Но службой своей казаки мало стеснялись, сражались, как и за кого хотели, не спрашиваясь поляков. В смутное время украинские казаки приходили и в московскую землю; в конце-концов, вместе с донскими казаками, они помогли Пожарскому взять Кремль. Вскоре после нашей смуты в Украине поднялась тоже смута — против поляков. Польские помещики еще с конца XVI века стали приобретать в Украине большие имения и обращать в своих крепостных украинских крестьян; а так как русские были православными, а поляки-помещики католиками, то крепостным крестьянам пришлось в Украине еще тяжелее, чем в Московской Руси. Мало-по-малу и украинские крестьяне начинают восставать против своих господ, бросают усадьбы, убегают к казакам, особенно в казацкую крепость за порогами р. Днепра, называвшуюся Запорожьем. Вскоре в Украине началось общее восстание: казаки, среди которых оказалось много бездомных беглых крестьян, соединились с крестьянами, восставшими против помещиков в их собственных усадьбах, а затем и украинские города, один за другим, стали изменять польскому королю и переходить в руки восставших. Во главе восставших стал казацкий главный начальник, или гетман, Богдан Хмельницкий. Раньше сам он был помещиком: ему сочувствовали не только бедные люди, но и зажиточные. Он заключил против поляков союз с крымским ханом, а когда татары оказались ненадежными союзниками, отдался под покровительство московскому государю. Тогда-то и созвал Алексей Михайлович земский собор, и Украина была принята в русское подданство. Казаки обязались помогать московскому царю на войне и платить ему подати; царь же предоставил им право управляться по их казацким обычаям: попрежнему выбирать на казацкой *раде*, т.-е. на вече, *гетмана*, ко-

План Кремлевского дворца XVII в.

1) Большая Золотая или Грановитая палата. 2) Святые сени. 3) Средняя Золотая палата. 4) Средняя лестница. 5) Большая Золотая или Красная лестница. 6) Благовещенская лестница. 7) Жилые комнаты. 8) Комнатный сад. 9) Малая Соборная или Панихидная, а позже Столовая палата. 10) Сени Малой палаты. 11) Ответная Посольская палата. 12) Шатерная палата (кладовая походных принадлежностей). 13) Столовая Брусяная изба. 14) Сени Столовой избы. 15) Благовещенский собор. 16) Ц. Сретения господня. 17) Ц. Рождества Иоанна Предтечи. 18) Малая Золотая царицына наугольная палата. 19) Ц. Спаса Нерукотворенного и над нею ц. Распятия. 20) Царицыны палаты постельные. 21) Задняя царицына палата. 22) Церкви— внизу св. Лазаря, вверху Рождества пресвятой богородицы. 23) Гербовая башня. 24) Собор Спаса Преображения, что на Бору. 25) Церкви—внизу Положения Риз, вверху Печерской божией матери.

торый должен был присягать московскому царю, но в управлении действовать, как самостоятельный государь.

Земские соборы, разборы жалоб, заседания думы отвлекали царя от его домашних дел. Но во многом, как и древний князь, царь оставался еще хозяином-вотчинником. Дворец, с окружавшими его пристройками, представлял замкнутую, хорошо устроенную усадьбу. Непосредственно к дворцу примыкали два сада—верхний, разбитый на кровле одного дворцового здания, и нижний, в который выходил своим южным пределом Благовещенский собор. Между Боровицкими и Троицкими воротами располагались всякие хозяйственные дворы — конюшенный, хлебенный, кормовой, сытенный и др.; была купецкая палата, для закупки всяких товаров для царского обихода, и куретная, для развода кур. Если кто из дворцовых слуг провинится, его судят тут же, в Приказе Большого дворца, у Троицких ворот. Как жил царь, так жили и приезжавшие во дворец бояре: дворы их представляли из себя тоже целые усадьбы, только не такие обширные, как дворец. Боярских дворов немало было в самом кремле, и ряд их на месте теперешнего арсенала, от Троицких к Спасским воротам, образовывал целую улицу. Кремлевских боярских дворов не сохранилось. Некоторые черты старинной боярской усадьбы-дома найдем мы не в кремле, а у Красных ворот, в замечательном доме бывшего князя Юсупова. Дом сооружен в конце XVII в., и, не смотря на многие перестройки и его самого, и прилегающих к нему хозяйственных строений, все же переносит нас в старину, в старую Москву времени пышных боярских выездов, чинных царских приемов и замкнутой жизни теремов.

XVI. Народные волнения XVII в.

Царь и бояре жили в довольстве, дворяне также после смуты стали жить лучше, чем раньше. Но Московское государство вело много войн и с Польшей и со Швецией; крымские татары то и дело нападали на русскую южную границу. Надо было много денег и припасов на содержание войска. Царь и бояре изыскивали новые налоги и средства для пополнения казны; но не все из придуманного было удачно: некоторые советники царя были недобросовестны и пользовались новыми налогами для собственного обогащения. Тяжело было жить и в городах и в селах. Московские жители терпели притеснения от бояр и монастырских властей: все выгоны под Москвой были заняты лавками, дворами и огородами богачей, проезды в леса распаханы, так что бедному человеку некуда было

ни скотину выгнать, ни съездить за дровами. Крестьянам, кроме казенных податей, приходилось еще работать на помещика, и по Уложению они уже не могли уйти с той земли, которую занимали. Раньше можно было поступить под покровительство к богатому человеку и тем избавиться от уплаты податей: Уложение и это запретило. И вот, хотя и кончилась общая смута, все же в Московском государстве вспыхивали то тут, то там народные волнения, и некоторые из них принимали опасные размеры.

Мы знаем уже, что в Москве есть улица Сретенка и, несколько не доходя до нее, на Большой Лубянке, Сретенский монастырь, на месте встречи москвичами иконы Владимирской божией матери в 1395 г. В память этого события, в день встречи этой иконы, 23 июня, бывает крестный ход из Кремля к Сретенскому монастырю. Одним таким крестным ходом в 1648 г. простой народ воспользовался для подачи государю жалобы на свое тяжелое положение. Незадолго перед тем царь с боярами, чтобы пополнить казну, решил облегчить другие налоги, но зато установить один обязательный для всех налог на соль. Промышленники соли платили в казну сразу большую сумму, а потом раскладывали эту сумму на продаваемую соль, так что в конце-концов, косвенно, налог платили покупатели. Сразу цена соли повысилась в два с половиною раза и стала стоить около 60 к. золотом пуд, что по тому времени было очень дорого. Был Петров пост, а в Москву не привозили волжской рыбы, так как рыбопромышленники, из-за дороговизны соли, или совсем не солили рыбы, или солили ее очень плохо. В 1648 г. 23 июня толпа окружила государя, и некоторые схватили даже царского коня за узду. Немногочисленная царская свита бросилась было на толпу, начала ее бить саблями и нагайками, но в ответ посыпались камни, и дворянам оставалось только спасаться во дворец: еле успели они, под прикрытием стрельцов, вбежать на лестницу. В городе начался погром, громили дворы бояр и недобросовестных царских приближенных. Особенно ненавидел народ боярина Морозова, дьяков Плещеева и Чистого. Чистого поймали и убили, Плещеев был выдан народу и изрублен, казнили и еще одного дьяка, Траханиотова. Соляной налог отменили. Морозова царь скрытно отправил в Кирилло-Белозерский монастырь, подальше от Москвы, потом вернул, но от дел отставил.

Другое место, в с. Коломенском, напомнит нам о бунте, бывшем через 14 лет, в 1662 г. Кроме хозяйственных зданий и пристроек, примыкавших к кремлевскому дворцу, в Москве были и целые слободы, поставлявшие во дворец разные изделия и продукты или населенные царскими служащими. Так, по берегу Москвы-реки

были большие склады сена (Остожье, ныне улица Остоженка с прилегающим к ней Староконюшенным переулком), или слободы: под Новинским—кречетников, ведавших царскую охоту с кречетами, у Малого Каменного моста—кадашей, царских бондарей, на Покровке—барашей, царских шатерников и др. За слободами, частью в Москве, а главным образом в подмосковных селах, Воробьеве, Тайнинском, Измайлове, Коломенском, располагались царские дачи. Мы знаем уже Дьяково городище на Москве-реке: несколько пониже его, на том же левом берегу Москвы, лежит село Дьяково, а рядом, через овраг, Коломенское. В Коломенское государь любил ездить на соколиную охоту; между Дьяковым и Коломенским и теперь еще стоит Соколиная башня, где содержалось когда-то до 2000 соколов, с целым штатом сокольников. Коломенское славилось и своим великолепным деревянным дворцом. Весь он состоял из множества разнообразных помещений, с сенями и переходами, башенками и балконами; над каждым помещением, поверх разноцветного резного карниза, возвышалась какая-нибудь прихотливо устроенная крыша, шатром, коробом, бочкой или кубом, синего или зеленого цвета, с позолоченным гребнем на вершине. Сохранилась каменная ограда, окружавшая этот замечательный дворец, но сам он давно разобран: на месте его только пустырь, поросший кустарником, да куча камней от так называемого челобитного столба, стоявшего близ окна главной царской комнаты и служившего для возложения на него каждым желающим просьб или жалоб. Но с дворцом соединялась каменная церковь Казанской божией матери; церковь эта стоит до сих пор, и ее-то обширная паперть напомнит нам о бунте 1662 г.

Царский приближенный Ртищев, чтобы не тратить казенного серебра на выделку монеты, а вместе с тем, чтобы увеличить количество денег, придумал выпустить вместо серебряной монеты медную, но так, чтобы клеймо на ней поставить то же, что и на серебряной, и чтобы медные и серебряные деньги ходили в одной цене. Сначала мера эта имела успех, но скоро оказалось, что иностранцы за свои товары требуют серебра, а русским платят медью; притом медную монету было легко подделать, и опять нашлись недобросовестные люди даже из царских приближенных, которые не постыдились принять деятельное участие в подделке денег. В медные деньги перестали верить, за медный рубль не давали и 7 копеек; а между тем серебра почти ни у кого из простых людей не было: оно было либо в казне, либо у богачей, либо у иностранцев.

Стоял июль, и государь от столичной духоты и пыли переселился в Коломенское. На 25-ое июля приходились именины сестры

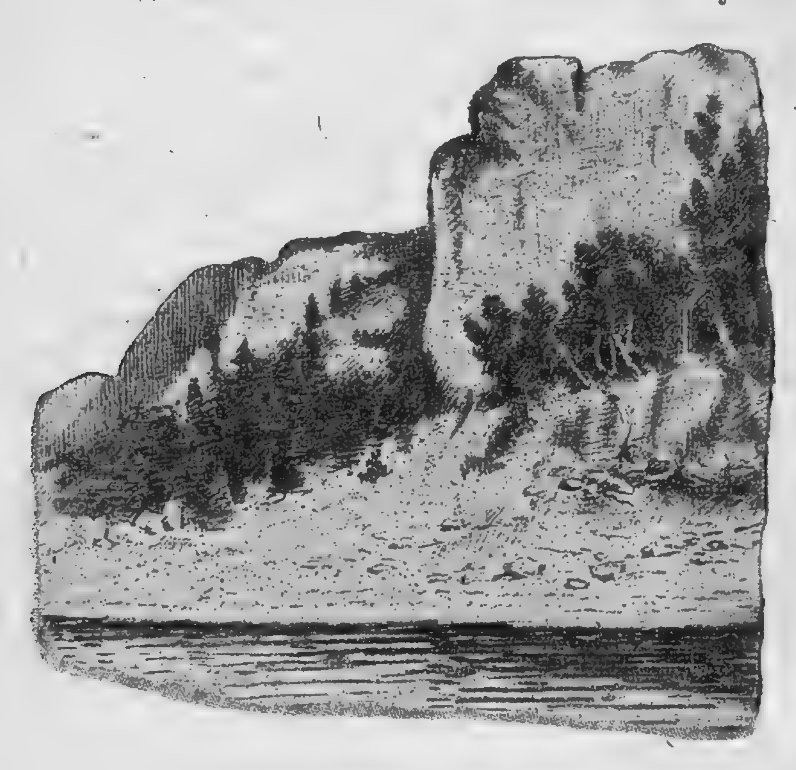
царя, царевны Анны Михайловны. Царь был у обедни в Казанском соборе. Вдруг со стороны Москвы показалась громадная толпа народа: тут были и торговцы с Красной площади, и чернорабочие, и мясники с Мясницкой, и даже военные. Царь вышел из церкви. Толпа оробела: выпихнули вперед десятского Сретенского торгового ряда Лучку Жидкого, у него в шапке было письмо к государю. Один нижегородец взял у Жидкого письмо и поднес государю, говоря: „Изволь, великий государь, вычесть письмо перед миром, а изменников привесть перед себя". Царь обещал разобрать дело, и толпа пошла было обратно к Москве, но из Москвы навстречу двинулась уже другая толпа, воротила прежнюю толпу и явилась в Коломенское, с требованием немедленной выдачи народу государевых приближенных. Царица и царевны, бояре Милославский и Ртищев, попрятались в дальних комнатах дворца, царица потом даже захворала от испуга. Толпа бушевала и грозила. Но из Москвы успело уже прибыть войско. Дворяне ударили на толпу, почти не имевшую оружия. Множество народа погибло. Иные бросились с крутого берега к реке и потонули, иные были схвачены и казнены. На берегу Москвы, у самого Коломенского, было поставлено 150 виселиц. Медные деньги отменили. Мы знаем уже во дворце церковь Спаса у Верхоспасской площадки: церковь эта отделена от площадки позолоченными узорчатыми вратами и называется также Спасом за Золотой решеткой. Позолоченные врата сделаны из меди, оставшейся без употребления после отмены медных денег.

Описанные выше бунты, соляной и медной, как их можно бы назвать, тесно связаны с Москвой. Между тем на окраинах государства готовился уже другой бунт, несравненно более опасный. Не раз приходилось упоминать о широкой, многоводной реке Волге. Издавна плавали по ней и русские и разные восточные купцы, и много на дне ее лежит сокровищ с ладей, разбитых бурей или погибших от рук неумолимых недругов. С завоеванием Казани и Астрахани Волга стала русской рекой, по берегам ее возникли города и села; но долго еще среди поволжского населения находили себе приют люди, которые пренебрегали мирным образом жизни, приходили на Волгу из внутренних областей России, чтобы погулять на просторе, чтобы пограбить проходившие суда, пожить широко и богато, полагаясь на свою удаль и счастие. Сколько по берегам Волги мест, где соседние жители и до сих пор разыскивают клады, будто зарытые там разбойниками! Про разбойников поют много песен; простой народ сочувствовал этим удалым людям, потому что они грабили, главным образом, не бедняков-крестьян, а богатых купцов-судовладельцев и их приказчиков.

Привольно было разбойникам гулять по Волге. Горе проезжающим: опасность грозит им из-за каждого бугра, из каждой реки, впадающей со стороны в Волгу. Выехали разбойники на быстрых лодках, окружили тяжелые, нагруженные товаром ладьи—гребцы и работники в страхе ложатся на носу суда, хозяин дрожащими руками отдает разбойничьему атаману деньги и мысленно молит бога, чтобы разбойники удовольствовались выданным, не отнимали всех товаров или, что еще хуже, не топили самого судна, со всеми людьми, на нем находящимися.

Особенно много на Волге мест, где, по народным преданиям, проживал или останавливался удалой разбойничий атаман, Стенька Разин. Сядем на пароход, прокатимся по широкому водному раздолью, вниз по Волге. Между Симбирском и Саратовом Волга делает крутой изгиб—с правой стороны подходят к ней Жигулевские горы. Это—самая красивая часть волжского берега. Подошвы Жигулей изрыты глубокими промоинами и оврагами, вершины поросли густым темно-зеленым лесом. Понятно, что в этой дикой лесистой местности всегда было немало разбойничьих притонов. У Жигулей мы и находим пещеру, где будто бы скрывал свои сокровища Стенька Разин. Выйдем на какую-нибудь пристань у Жигулевских гор, поднимемся на вершину, называемую „Караульный бугор“: с построенной здесь вышки можно увидать и г. Симбирск и ряд холмов, называемых опять-таки Стенькиными курганами. От Жигулей продолжим наше путешествие за Саратов, и тут встретим утес, на котором и теперь виднеются следы городища. Спросите об утесе местных крестьян — и они вам скажут, что здесь, в пещере, обитой бархатом и украшенной всякими драгоценностями, жил когда-то удалой атаман Степан Тимофеевич и собирал дань с проезжих судов. Что же это за удалец Стенька Разин, или Степан Тимофеевич, как его величает народ? Почему рассказы о нем ходят по всему Поволжью? Действительно, Стенька Разин не был простым разбойником: правда, он грабил суда, избивал и топил проезжающих, но он задумал, вместе с тем, и другое дело — собрать вокруг себя всех недовольных Московским государством, истребить бояр, сжечь все судебные дела, от которых так страдали бедные люди, и устроить так, чтобы „всяк всякому был равен“ — он был первым русским революционером, стоявшим за трудовой народ. „Я пришел бить только бояр да богатых господ“, говорил Стенька Разин: „а с бедными и с простыми готов, как брат, поделиться“. По происхождению Разин был донской казак. От разных внутренних беспорядков на Дон стало приходить из Москвы все больше и больше народу; все поступали в казаки, но старые донские ка-

заки уже забрали на Дону все земли и не хотели давать земли новым пришельцам. Так и оказалось среди казаков много бедняков. Эти бедняки охотно пошли за Стенькой Разиным, как только он стал собирать свое войско. К беднякам из донского казачества присоединилось немало и казаков малороссийских. Тесно стало на Дону—Разин и его товарищи с Дона перебрались на Волгу, напали тут на казенный караван судов, ограбили его, а потом, спустившись по Волге в Каспийское море, поднялись оттуда в реку Урал, или, по-тогдашнему, Яик, и захватили здесь Яицкий городок. Яицкие казаки тоже соединились со Стенькой. Стенька чувствовал уже

Утес Стеньки Разина.

себя настолько сильным, что не побоялся напасть на персидские берега Каспийского моря, забрал здесь много добычи и пленных, одержал победу даже над персидским флотом. Бывшие бедняки из Стенькиных товарищей разбогатели, а Стенька, выдав астраханскому воеводе свои пушки, ушел опять на Дон. Но скоро вокруг него стало собираться новое войско. Все бедняки не только по Волге, но и в остальной Руси увидели в Стеньке своего заступника; жители южных русских городов оставляли свои семьи и убегали к Стеньке; в войске его были и беглые стрельцы, и крестьяне, и разные не русские жители Поволжья, которых незадолго перед этим стали насильно обращать в христианскую веру. С новым своим войском Стенька не ограничился грабежом судов—он прямо пошел

на поволжские города. С буйными, разгульными песнями плыли донские казаки на своих нагруженных добычею лодках, а по берегу следовали за ними их союзники, казаки малороссийские. Городское простонародье с радостью принимало Стеньку: воевод избивали, казну грабили, в городе вводили казацкое управление, делили всех жителей на тысячи, сотни, десятки, с выборными атаманами, сотскими, десятскими. Бедняки ждали Разина и в самой Москве, поговаривали, что его следует встретить там с хлебом-солью. Иные полагали, что сам царь сочувствует Разину, т.-е. бояре будто бы не дают воли и царю; а Разин распускал слух, что в его войске скрывается сын царя Алексея, который бежал от отца и бояр и хочет теперь с помощью Стеньки сам стать царем. Долго гулял Разин по Волге и ее окрестностям, жестоко расправляясь со своими врагами. Простому народу он казался благодетелем и чародеем. И сейчас можно услышать от волжских рыбаков рассказ, как Разин, еще до начала своих подвигов, поссорился с другим разбойничьим атаманом, и когда тот в него выстрелил, преспокойно вынул пулю из своей груди, а затем застрелил атамана из незаряженного пистолета. Царицын, Камышин, Астрахань были во власти Стеньки. Казалось, опять возвращается смутное время, как при Шуйском. Но правительство в средине XVII в. было уже сильнее, чем в смуту. Незадолго перед бунтом Стеньки заключен был мир с Польшей, против бунтовщиков можно было отправить хорошее войско, обученное на немецкий лад. Под Симбирском произошло сражение. Разин был разбит. Он бежал вниз по Волге, но был пойман, привезен в Москву и казнен... Не сбылись мечты Разина, „не помог он народному горю“, как поется про него в одной песне:

„Не владыкою был он в Москву привезен,
Не почетным пожалован гостем,
И не ратным вождем,
На коне и с мечом,
А в постыдном бою с мужиком-палачом
Он сложил свои буйные кости“.

После казни Разина скоро захватили или истребили всех его сообщников. Долее всего держались мятежники в Астрахани, но, наконец, и Астрахань сдалась.

XVII. Начало раскола.

В одном из тихих переулков Москвы, на углу Кузнецкой улицы, стоит новая кирпичная церковь; сразу бросается она нам в глаза по сравнению с другой церковью, стоящей через несколько домов в том же переулке. Новая церковь—одноглавая, с узенькими окошками, очень высоко поднятыми над землей; форма ее квадратная, и только с восточной стороны для алтаря сделан круглый выступ. Так строили церкви в старину; мы уже знаем об этом из рассказа о постройках Ивана III в московском кремле. Наоборот, в другой церкви ничего особенного нет, она очень похожа на многое множество других церквей в Москве, построенных в конце XVIII и в начале XIX века.

Если мы спросим о заинтересовавшей нас церкви кого-нибудь из жителей переулка, он объяснит нам, что кирпичная церковь не православная, а старообрядческая, ее построили себе старообрядцы, или староверы. До 1905 года им не позволяли строить себе церквей; было у них несколько церквей на Рогожском кладбище, за Рогожской заставой, но и те стояли запечатанные. А в 1905 году вышел царский манифест, в котором и старообрядцам и другим неправославным было дозволено свободно исповедывать свою веру и совершать свое богослужение. Тогда старообрядческие храмы на Рогожском кладбище были распечатаны, а кроме того, старообрядцы стали строить себе новые церкви и в Москве и в других городах и селах. Что же это за старообрядцы? Чем они отличаются от православных? Зайдем в старообрядческую церковь во время богослужения, посмотрим и послушаем, что там делается.

Внутри церковь по расположению ничем не отличается от православной. Также отделен иконостасом от церкви алтарь, в иконостасе также трое дверей, на стенах и столбах также иконы, перед ними, как и в провославной церкви, горят лампады и свечи. Разница только во внешнем виде икон. Все иконы написаны темно-коричневыми тонами, нет ярких голубых, красных и зеленых тонов, как в живписи православных церквей. А если мы вглядимся в лица святых и богоматери, изображенных на иконах, мы сразу почувствуем что-то старинное и знакомое. Лица святых на больших иконах изображены с огромными, глубокими-глубокими глазами, с тонким носом, с резкими чертами лица. Такие иконы мы увидим только в старинных соборах и церквах: в Успенском соборе, в Суздале, в псковских и новгородских соборах. Как выражаются

ученые, иконы старообрядческих храмов — старого письма, в то время, как иконы новых православных храмов — нового письма.

Если теперь мы обратим внимание на толпу молящихся, стоящих в церкви, то увидим тоже нечто не совсем обычное. Мужчины и женщины не стоят вместе, как в православной церкви, а отдельно: мужчины справа, женщины слева. Ни на одной женщине, как бы богато она ни была одета, мы не увидим шляпки: головы или не покрыты, или повязаны платком или шарфом. Все молящиеся медленно, истово крестятся, складывая пальцы опять-таки не так, как у православных: православные складывают вместе три больших пальца — большой, указательный и средний, а остальные два подгибают, староверы же крестятся только двумя пальцами—средним и указательным, а три подгибают. Перекрестившись молящийся отвешивает глубокий поясной поклон; иногда, по ходу службы, все молящиеся сразу, как один человек, опускаются на колени и кладут земные поклоны.

Служба тоже отличается от православной. Сначала это отличие не сразу замечается: священник одет в такое же облачение, как и православный; прислушиваясь к его возгласам, мы слышим знакомые славянские возгласы православной службы. Но вскоре мы замечаем, что чин службы много длиннее; раздаются молитвы и возгласы, какие совсем не встречаются у православных или очень сокращены против того, что мы слышим в православной церкви. Хор поет также иначе. Мы совсем не слышим быстрых мотивов, нет и так называемых „концертов", т.-е. сложных музыкальных песнопений, сочиненных новыми композиторами. Пение очень стройное, но очень медленное, заунывное и однообразное; мальчиков в хоре нет, поют одни мужчины. Только в каком-нибудь строгом северном монастыре мы можем услыхать такое же пение и выстоять такие же длинные службы.

Есть старообрядческие церкви еще на Рогожском кладбище. Там мы можем попасть и на архиерейское богослужение. Тогда служба затягивается до бесконечности, несравненно дольше, чем архиерейское служение в православной церкви. Если мы спросим, кто служит, нам ответят: наш архиепископ Иоанн московский. Это— старообрядческий архиепископ, ничего общего не имеющий с московским православным митрополитом. Ему подчинены все старообрядческие священники московской епархии; кроме того, в России есть еще около двадцати старообрядческих епископов. Все они составляют особый собор, который и управляет делами старообрядческой церкви.

Итак, перед нами особая, самостоятельная церковь; все в ней, как у православных служба на славянском языке, те же таинства, то же устройство церкви, те же священники и епископы, только во всем свято сохраняется старина, да некоторые обряды непохожи на обряды православной церкви. Как же случилось разделение, или, как говорят, раскол православной и старообрядческой церкви. Из-за чего и когда это вышло?

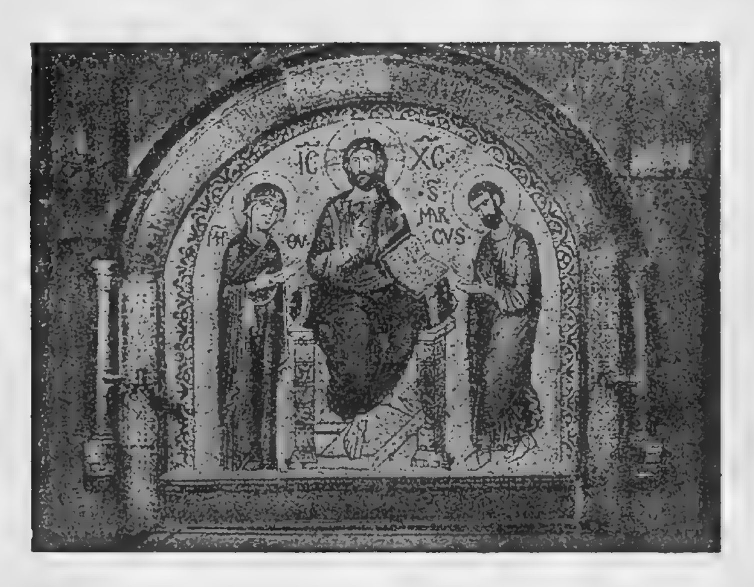
Если мы заведем разговор с каким-нибудь благочестивым старообрядцем, то услышим, что он называет православных никонианами, т.-е. последователями Никона. Никон был патриархом, т.-е. главным епископом русской церкви, при царе Алексее Михайловиче; при Никоне и произошел раскол. До Никона, говорят старообрядцы, была ненарушима старая вера; ее соблюдали все русские святые, цари и патриархи и угодили ею богу. Никон же стал вводить новую веру, а старую запретил и начал преследовать. Люди, преданные старой вере, не захотели подчиниться Никону, и начался раскол.

Какая же была вера, которую называют старообрядцы старою? Люди Московского государства, начиная от простого крестьянина и кончая boяриным, одинаково думали, что самое главное в вере— соблюдать строго все обряды, предписываемые церковью. Все зависит от того,—думали тогда русские,—как помолиться богу; а молиться надо умеючи, иначе молитва не дойдет или будет неугодна богу. Все равно, как прошение царю: надо написать его по форме, да подать тому, кого царь назначил, да в указанное для этого время; не исполнишь всех этих правил, и прошения или не примут, или рассматривать не будут. Бог казался тогдашним русским людям именно таким строгим царем и судьею; можно было его просить, и все бог мог сделать, но только нужно было строго соблюдать все обряды. Поэтому в вере больше всего интересовались обрядами. При царе Иване Грозном был церковный собор, прозванный Стоглавым, потому что его постановления были разделаны на сто глав. Этот собор очень много занимался обрядами и сделал постановление, что некоторые обряды имеют такое же значение, как и догматы веры [1]); кто не соблюдает этих обрядов, тот проклят. Одним из таких самых важных обрядов считалось, между прочим, крестное знамение. Оно совершалось двумя пальцами. Так научили креститься русских греки, которые при Владимире Святом насаждали на Руси христианскую веру. Иисуса Христа на иконах изображали обыкновенно

---

[1]) Догматами веры называются самые главные правила вероучения, в которые должен верить человек; догматы христианской веры изложены в символе веры.

с рукою, сложенною для крестного знамения; глядя на такие иконы, русские того времени простодушно думали, что и Иисус крестился, и именно двумя пальцами (хотя, конечно, на самом деле при Иисусе крестного знамения еще не существовало). Отцы Стоглавого собора думали так же и постановили: „кто не крестится двумя перстами, как Христос, да будет проклят“. Когда совершалось богослужение в церкви, то также старались ничего не пропустить, ни одной молитвы, ни одного возгласа. От этого службы очень затягивались; иностранцы, заходившие на богослужение в русские церкви, жаловались, что у них потом целую неделю болят ноги. Сокращали продолжительность службы иногда только тем, что одновременно пели

Старинное изображение Иисуса, с рукою сложенною для двуперстного крестного знамения. По сторонам — богоматерь и евангелист Марк.

и читали по нескольку молитв сразу. Конечно, понять что-нибудь в это время было трудно, но об этом не заботились: лишь бы только ничего не пропустить.

Патриарх Никон придавал такое же значение обрядам, как и все русские его времени. Но еще предшественник Никона, патриарх Иосиф, сомневался, правильно ли совершаются богослужение и все обряды в русской церкви. Христианство было принято еще в X веке; тогда были привезены и первые богослужебные книги; с тех пор эти книги переписывались, и, конечно, переписчики наделали немало ошибок. Приезжали в Москву греческие патриархи, указывали на некоторые ошибки и говорили, что следовало бы исправить богослужебные книги. Конечно, патриарх Иосиф согласился с ними; исправление книг было для него очень важным делом. Но оказалось оно делом очень трудным, и патриарх Иосиф

так и умер, не окончив исправления книг. Патриарх Никон, поставленный на место Иосифа, решил продолжать исправление книг. Он очень уважал греков и внимательно слушал все замечания, какие делали греческие патриархи относительно русских обрядов. А греческие патриархи стали теперь говорить, что не только есть ошибки в богослужебных книгах, но и многие обряды совершаются в Москве не так, как в Греции. Это было понятно: ведь прошло более 600 лет, как русские приняли христианство; за это время в Греции очень много изменилось в богослужеиии, службы стали короче, обряды стали совершаться по-другому, например, крестное знамение греки стали совершать тремя пальцами, так, как теперь его совершают православные. Греческие патриархи указывали Никону на все эти различия. Никон не понимал, отчего такие различия произошли, но считал, что нужно исправить и книги и обряды по греческому образцу. Он поручил это дело нескольким доверенным лицам, которые должны были работать сообща; выписал греческие печатные книги, достал некоторые рукописи и приказал исправить сообразно с греческим образцом русские обряды и книги. Несколько лет продолжалось исправление; наконец, новые книги были отпечатаны и разосланы по всем церквам и монастырям, со строгим приказом служить впредь по новым книгам.

Легко было это приказать, но трудно сделать. Большинство тогдашнего духовенства, в особенности сельского, были люди неграмотные, учились служить „со слуху", т.-е. грамотные им читали по книге богослужебные чины, а они повторяли за чтецом и так запоминали. Привыкши служить по старым книгам, немолодой сельский священник или монах не мог уже под старость лет переучиваться. Еще в молодости, в надежде получить священическое место, можно было потратить много времени и труда, чтобы выучиться „со слуху" службам, а старику сделать это было совсем невозможно. Поэтому неграмотному священнику приходилось или лишиться места, или не подчиняться распоряжению патриарха. Неграмотные священники предпочли не подчиняться. Новых книг прочитать они не могли, но слышали от грамотных. что все там переиначено и что все самые священные обряды предписано совершать по-новому: креститься тремя пальцами, аллилуию петь трижды, а не дважды, обедню служить на пяти просфорах, а не на семи. А раз все так было переделано, то страшно было и слушаться: по старым обрядам деды и отцы молились, сколько святых спаслось, а новые обряды неизвестно откуда взялись. Еще, того и гляди, патриарха послушаешь, а богу не угодишь. И сельское духовенство не подчинилось Никону.

Не подчинились ему и многие из образованных священников того времени, даже некоторые прежние друзья и единомышленники Никона. Они стали исследовать, что́ это был за образец, по которому исправил Никон книги. Посмотрели в печатные греческие книги, и оказалось, что все они напечатаны в разных католических городах, в Риме, в Венеции, в Париже (у себя греки не могли их напечатать, в Константинополе типографий не было). Книжным священникам сразу после этого открытия новые обряды стали казаться еретическими. Старая вера — святая, говорили они; ею спаслись все русские чудотворцы, и Сергий, и Петр, и Алексей, и другие; если и вкрались какие ошибки в слова молитв или песнопений в старых книгах, то от этого святость всей веры не пострадала. А новая вера, которую приказывает принять Никон,—еретическая. Книги греческие, из которых она взята, напечатаны-де еретиками; да и сами греки давно уже от православия отступили. И многие ученые священники и монахи отказались принять „Никоновы новинки“. Им казалось, что принять новые книги — все равно, что отступить от веры, погубить свою душу. И они стали писать царю челобитные на патриарха, хотели раскрыть царю глаза на Никона. Царь Алексей был благочестивый царь, богомольный, и на него доказательства староверов могли подействовать.

Первое время так и было. Сначала противников Никона сослали, но потом вернули; царь не решался стоять за патриарха, потому что Никон был очень неуживчивый и гордый человек и постоянно ссорился с царем, с боярами и с высшим духовенством. Царю Никон постоянно говорил, что царь не имеет права вмешиваться в церковные дела. В церкви хозяин — один патриарх; патриарх служит от имени самого Христа, и не царь должен приказывать патриарху, а патриарх царю. Царь не привык к таким речам. До сих пор и митрополиты и патриархи всегда были с царями заодно, всегда охотно исполняли все царские желания, а Никон считал себя выше царя, часто говорил с ним заносчиво и гордо.

Так же гордо и властно держал себя Никон с высшим духовенством. Пользуясь своей властью, он стал требовать с духовенства все больше и больше денег. „Возлюбил он стоять высоко, ездить широко“, говорили про него. Если мы побываем в Новоиерусалимском монастыре, мы сможем составить себе представление о том, насколько горд был Никон и какие огромные деньги ему требовались. Монастырь этот находится в 60 верстах от Москвы (по Виндавской дороге). Во времена Никона там было только сельцо Рогожа, расположенное на очень живописном берегу реки Истры.

Никон и задумал построить там „Новый Иерусалим“. Он выписал из Иерусалима модели и планы иерусалимских храмов и стал строить на берегах Истры по этим планам обитель. Главный храм издалека бросается нам в глаза, когда мы подъезжаем к монастырю со стороны железной дороги. Он необычайно высок, 33 сажени вышины, и огромных размеров, 173 сажени в окружности. Вокруг стен внутри храма идет галлерея, а по ней, строго согласно с расположением святых мест в Иерусалиме, расположены решетки с надписями, объясняющими, какое место должна означать та или другая решетка. В соборе 27 приделов, и он богато расписан; не только иконами разрисованы стены, как обыкновенно делалось в старых соборах, но также все колонны, своды и свободные места на стенах расписаны орнаментом, в котором преобладают яркосиние линии. Некоторые места в соборе, соответствующие наиболее святым местам иерусалимских соборов, отделаны особо. Внутри собора мы увидим часовню под шатром, поддерживаемым 18 колоннами; часовня означает „Гроб Господень“; затем увидим небольшое неправильной формы возвышение из черного камня с золотым крестом на вершине — это гора Голгофа. Кроме главного храма, есть еще другой храм, поменьше, каменные покои патриарха и кельи монахов. А направо от главного входа в монастырь, в особом помещении, стоят колымага и сани Никона, на которых он приезжал в свой Новый Иерусалим. Постройка монастыря стоила Никону недешево; поэтому он постоянно требовал денег с епископов и игуменов. Немудрено, что подчиненное духовенство не любило Никона, и, когда многие священники и монахи отказались повиноваться его указу о новых книгах, непослушных многие скорее одобряли, чем осуждали. Поэтому и царь не особенно охотно помогал патриарху против ослушников.

Но такое отношение царя к староверам продолжалось недолго. Пока были недовольны только священники да монахи, правительство терпело раскол. Но вскоре за непослушных Никону священников и монахов стали недовольные крестьяне. Вы уже знаете, что трудно тогда жилось русским крестьянам, совсем закрепостили их помещики. А тут еще вдобавок пошли одно за другим народные бедствия. В 1654 году прошла страшная моровая язва; в некоторых деревнях поголовно вымерло все население, так что некому было хоронить мертвецов. А в следующие два года был неурожай и голод. Бродячие монахи (таких тогда было очень много) и сельские священники стали объяснять крестьянам, что бедствия посланы богом за грехи Никона, который запрещает старую веру. А некоторые священники, например, протопоп Аввакум, стали говорить,

что патриарх и царь поклонились антихристу — антихрист пришел в мир, скоро будет и второе пришествие. Многие стали называть антихристом самого Никона, а то и царя; Аввакум рассылал грамоты, в которых предсказывал кончину мира на 1669 год и изображал, как будут мучиться в огне патриарх, царь и бояре и как хорошо будет в раю ревнителям старой веры. Крестьяне верили этим предсказаниям. Они бросали поля и избы и разбегались в ожидании кончины мира; некоторые строили себе гроба, надевали белые рубахи, ложились в гроба и умирали голодной смертью. Чтобы не было страшно, делали это целыми семьями и даже деревнями; собирались в горницы и ложились в гроба с пеньем заунывной песни:

Древян гроб сосновен
Ради меня строен,
В нем буду лежати,
Трубна гласа ждати.

От этих волнений среди крестьян пришли в ужас и помещики, и правительство. Помещики разорялись, а казна пустела, потому что с разбегавшихся крестьян нельзя было собрать податей. Старая вера стала казаться правительству опасной. А тут поднялся еще в защиту старой веры настоящий бунт, с оружием в руках, — в Соловецком монастыре. В Соловецком монастыре жили не одни монахи. Туда ссылали разного рода людей: опальных бояр, казаков Стеньки Разина, проповедников против Никона; были там постоянно и военные люди, так как Соловецкий монастырь был сильной крепостью. Когда прислали туда новые книги, то монахи сложили их в кладовую, а царю послали челобитную, чтобы позволил попрежнему служить по старым книгам. Тогда царь назначил туда нового игумена; монахи не приняли его, а светские люди взбунтовались против царского отряда стрельцов, с которым приехал новый игумен. Долго отбивался монастырь от царских войск; во время осады в монастыре перестали поминать царя и патриарха, а всех, кто стоял за царя, посадили в подземные темницы. Наконец, монастырь был взят, монахов одних казнили, других разослали по другим монастырям. а в Соловки прислали новых монахов из московских монастырей.

И в самой Москве оказались светские люди, которые сочувствовали противникам Никона и стояли за старую веру. Некоторые бояре были за старую веру; но больше всего сторонников старой веры было среди московских купцов. В те времена все почти церкви в Москве, кроме кремлевских, были купеческие; купцы их строили, содержали, сами нанимали священников, патриарх их

только утверждал. Когда прислали новые книги, священники московских церквей отказались по ним служить и объяснили своим прихожанам, что Никон вводит совершенно новую веру. Купцы стали за своих священников, а когда Никон стал городских священников увольнять и ссылать, купцы стали устраивать церкви у себя в домах, в приходские же церкви ходить перестали. Все, что теперь ни предпринимали царь и патриарх, стало казаться купцам безбожным и еретическим. И раньше они были недовольны тем, что царь слишком много требует с них податей и слишком много по-

Старообрядческая картина, изображающая разгром Соловецкого монастыря и казни монахов.

кровительствует английским купцам, а теперь им казалось понятным, почему царь так с ними поступает: совсем продался он еретикам-немцам, держит при себе иностранцев-звездочетов да философов и не думает того, что все это Богу противно. От этого он и новой вере покровительствует.

Словом, все, кто был недоволен тогдашним правительством, все горою стали за старую веру. Тогда царь, хоть и был в ссоре с Никоном и хотел его сменить, решил защитить новые книги и преследовать староверов. Собрали в Москве собор из епископов, на собор пригласили и греческих патриархов. Царь предложил со-

бору разобрать ссоры царя с Никоном и решить, как быть со староверами. Долго судили Никона и, в конце-концев, осудили его, сняли с него патриарший сан и отправили на жительство в Новый Іерусалим. Потом стали судить староверов. Собор проклял всех, кто держится старой веры и не хочет принимать новых книг; кто не покаялся, тех сослали или казнили. Аввакум был сослан в Пустозерский острог, на крайнем севере; там его посадили в земляную тюрьму и держали на хлебе и на воде. Мучения его были ужасные, но он не падал духом. О нем шла среди староверов слава, как о святом и чудотворце; к нему в Пустозерск приходили постоянно его ученики и последователи, а он диктовал им грамотки, в которых проклинал царя и патриарха и предсказывал второе пришествие. Через несколько лет его казнили: сожгли на костре. Старообрядцы считают Аввакума святым великомучеником; в Москве, в Никольском монастыре, недалеко от Преображенской заставы, есть иконы с его изображением.

После проклятий собора 1667 года староверам ничего не оставалось, как уйти из Московского государства. Купцы, которые были богаче, выселялись со своими семьями и со всем имуществом и со своими попами в польско-литовские пределы, на остров Ветку (в теперешней Могилевской губ., недалеко от г. Гомеля). Туда их пригласил один польский помещик, который хотел заселить свои пустые владения. На Ветке купцы основали несколько торговых слобод и скоро зажили так же спокойно и богато, как и на родине. Другие купцы переселялись в другие места Польши, в Австрию и даже в Турцию. А крестьяне бежали в разные места, только бы быть подальше от „антихриста“. Больше всего бежало крестьян на север, в теперешнюю Архангельскую губернию. Там они устраивали себе „скиты“, т.-е. полумонашеские поселения, и жили охотой и рыболовством. Бежали крестьяне в Приуралье и в Сибирь, а также и на Дон. Пустынные дотоле места заселялись, а помещики внутренних областей, напротив, нуждались в рабочих руках. Правительство хотело вернуть беглых крестьян. Оно посылало особые воинские отряды, которые должны были разыскивать в лесах раскольничьи скиты и возвращать назад крестьян. Но крестьяне не хотели отдаваться „антихристу“, как они звали царя и его правительство. Они заранее умели узнавать о приближении царских войск и убегали в другое место. Иногда же, чтобы спастись от царских войск, крестьяне прибегали к страшному средству: к самосожжению. „В огне здесь недолго гореть“, говорил Аввакум; „только оком моргнуть, душа и вылетит“, а зато за мученическую кончину крестьяне ожидали райского блаженства. И

вот, когда приходила весть о приближении царских войск, крестьяне-раскольники надевали белые рубахи, собирались все вместе в одну избу, ложились в гробы, если успевали их приготовить, и как только показывались солдаты, поджигали избу. Тушить пожар было обыкновенно нечем, и беглые крестьяне сгорали на глазах у солдат, пришедших их ловить. Множество народу погибло вследствие этих самосожжений [1]).

Старообрядческая икона с изображением Аввакума.

Долго еще не улеглось волнение, поднятое защитниками старой веры. Лет 20 спустя после собора 1667 года в самой Москве поднялось восстание в защиту старой веры. Подняли его посадские люди и стрельцы, пользуясь тем, что царский престол был в руках малолетних царевичей Петра и Иоанна, сыновей Алексея Михайловича. Восставшим едва не удалось посадить царем начальника стрелецкого войска, князя Хованского; дворянское ополчение, спешно созванное к Москве, с трудом справилось с восставшими. А после бунта в Москве начались казацкие бунты за старую веру на Дону: не раз поднимались казаки, грозя „очистить Москву“ от слуг антихристовых, освободить крестьян и сделать всех равными. Много времени прошло, пока не наступило некоторое примирение на время между староверами и правительством.

Отправимся на упоминавшееся уже московское Рогожское кладбище. От Покровской заставы надо итти длинной и пыльной Алек-

---

[1]) В Московской Третьяковской галлерее есть прекрасная картина Мясоедова, изображающая самосожжение.

сандровской слободой и пройти ее до конца, пока не начнется поле. Пройдя под мостами, по которым проложены пути Курской и Нижегородской дорог, мы выходим прямо к главным воротам кладбища, расположенного рядом с полотном Нижегородской дороги. За каменной стеной оказывается целый поселок одноэтажных и двухъэтажных домов, а за ними видны две большие каменные церкви. Везде надписи „курить воспрещается“: старообрядцы строго соблюдают воздержание от табака, считая его, как и наши предки, дьявольским зельем. В домах живет духовенство кладбища и старообрядческий архиепископ; тут же находится старообрядческая типография для печатания старообрядческих книг. Пройдем через двор, дальше мимо церквей, на самое кладбище. Странное зрелище представится нам: огромная площадь вся точно завалена каменными гробами, над каждой могилой надгробный камень в виде гроба, других памятников нет. Побродив по кладбищу, мы найдем только один памятник, непохожий на остальные и стоящий отдельно от них. Это — каменный обелиск (каменный остроконечный столб); изображения и надписи на нем объяснят нам происхождение кладбища. На памятнике с одной стороны изображен крест, а под ним—череп, символ смерти; со всех четырех сторон надписи. Одна надпись гласит, что место это отведено для погребения усопших староверов в 1772 г., когда в Москве свирепствовала чума; с трех других сторон в стихах описаны ужасы чумы. Отсюда мы заключаем, что в этом году старообрядцы были уже опять в Москве, и им даже было позволено иметь свое кладбище. В это время царствовала императрица Екатерина II; она старалась заселять пустынные места России и для этого приглашала в Россию иностранных переселенцев. Старообрядцы, жившие за границей, также просили у нее разрешения вернуться, и Екатерина разрешила многим из них вернуться на родину. Заграничные старообрядцы были все народ зажиточный и торговый; они хотели теперь жить с правительством в мире, молились за царя и исполняли все требования закона, не отказывались ни от военной службы, ни от налогов. Поэтому Екатерина и отнеслась к ним так снисходительно. Кроме Рогожского кладбища, в Москве было основано в то же время другое старообрядческое кладбище, Преображенское, при котором были построены так же, как и при Рогожском кладбище, общежитие и церкви. Впоследствии часть зданий была у старообрядцев отнята и превращена в Никольский монастырь, где находится икона Аввакума. Одновременно с кладбищами богатые купцы-старообрядцы устраивали у себя в домах молельни и домовые церкви; таких часовен и церквей до сих пор много на Большой Алексеевской и на других улицах Рогож-

ской части, в старых купеческих домах. А за Волгой, в теперешней Саратовской губернии, были отведены старообрядцам обширные земли, на которых старообрядцы построили несколько слобод и богатых монастырей. С тех пор и началось в России существование старообрядческой церкви, отдельной от православной. Не всегда жилось ей мирно; иногда она опять начинала терпеть преследования, тогда церкви и монастыри старообрядческие закрывались, а старообрядческих священников арестовывали и ссылали. Только в 1905 году, как я уже рассказывал, окончательно была дарована старообрядцам свобода вероисповедания, и их вековые страдания кончились.

КНИГИ ДЛЯ ДЕТЕЙ и ЮНОШЕСТВА.

А. С. Свентицкий. Книга сказаний о короле Артуре и о рыцарях Круглого Стола.

Д. А. Жаринов и Н. М. Никольский. Былое вокруг нас. Книга для чтения по русской истории. Ч. I.

Д. А. Жаринов и Н. М. Никольский. Былое вокруг нас. Ч. II. От Петра Великого до наших дней.

Проф. Н. А. Кун. Что рассказывали греки и римляне о своих богах и героях. Ч. I. Боги.

Его же. То же. Ч. II. Герои. Книга I.

Проф. А. Е. Грузинский. Арабские сказки. Книга I.
" " " " Книга II.
" " " " Книга III.

Р. Киплинг. Маленькие сказки. Книга I.
" " " Книга II.

Проф. Н. А. Кун. Сказки цыган. Книга I.
" " " " Книга II.

М. Х. Свентицкая. Русские народные сказки. Книга I.
" " " " Книга II.

РАЗНЫЕ.

Теория относительности Эйнштейна и ее философское истолкование. Статьи М. Шлика, В. Базарова, А. Богданова и П. Юшкевича.

Корифеи английской литературы. Избранные произведения в обработке для школ и самообразования. Английский текст с введением, примечаниями и постручным словарем. Обработал С. Г. Займовский.
№ 1. J. Ruskin. The King of the Golden River.
№ 2. Ch. Dickens. The Cricket on the Hearth.

С. Г. Займовский. Полный англо-русский словарь.

ПЕЧАТАЮТСЯ И ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ.

Н. А. Альмединген. Дошкольное воспитание и семья.

Е. И. Тихеева. Организация детского сада.

С. И. Пфейфер. Детский клуб, его цель, значение и организация.

Н. В. Чехов. Типы русской школы в их историческом развитии.

А. А. Фортунатов. История идеи трудовой школы.

Л. И. Чулицкая. Дошкольный возраст и его особенности.

С. Ф. Шацкий. Годы исканий.

Его же. Бодрая жизнь. Ч. II.

М. Н. Коваленский. Русская революция в судебных процессах и мемуарах. Ч. II. Процессы Веры Засулич и 1-го марта.

В. А. Гурко-Кряжин. История турецкой революции.

П. П. Маслов. Крестьянские движения. Ч. II.

В. В. Святловский. История экономических идей в связи с историей экономического быта.

П. В. Слоссон. Чартистское движение и причины его упадка.

Проф. Финдлей. Химия на службе человеку. Перев. с английского. Под ред. проф. А. Е. Чичибабина.

